

RUSSIAN | РУССКАЯ FATE | СУДЬБА

From the archives of Stephen F. Cohen | Из архива Стивена Коэна

The Association of Researchers
of Russian Society
(AIRO-XXI)

Ассоциация исследователей
российского общества
(АИРО-XXI)

AIRO-XXI – First Publication
Series

Серия
«АИРО-XXI – Первая публикация»

К 85-ЛЕТИЮ СТИВЕНА КОЭНА

RUSSIAN FATE

A memoir
that I'll never
write

*From the archives
of Stephen F. Cohen*

Moscow
2023

РУССКАЯ СУДЬБА

Воспоминания,
которые я никогда
не напишу

*Из архива
Стивена Коэна*

Москва
2023

Creative Designer
Sergey Scherbina

Cover illustration:
Fragment from the painting
«Eternal Russia»
by Ilya Glazunov.

RUSSIAN FATE : A memoir that I'll never write. From the archives of Stephen F. Cohen / Editors Katrina vanden Heuvel and Gennady Bordyugov. – M.: Probel-2000, 2023. – 388 c. : il. – (AIRO-XXI – First Publication Series).

ISBN 978-5-98604-919-9

- © Editors Katrina vanden Heuvel and Gennady Bordyugov, 2023
- © Translation: Davidian Irina, Solovieva Maria, Sokolov Boris, 2023
- © AIRO-XXI, 2023
- © «Probel-2000», 2023

Дизайн и вёрстка
Сергей Щербина

В оформлении обложки
использована картина
Ильи Глазунова
«Вечная Россия».

РУССКАЯ СУДЬБА : Воспоминания, которые я никогда не напишу. Из архива Стивена Коэна / Сост. Катрина ванден Хювел и Геннадий Бордюгов. – М.: Пробел-2000, 2023. – 388 с. : ил. – (Серия «АИРО-XXI – Первая публикация»).

ISBN 978-5-98604-919-9

- © Составители Катрина ванден Хювел и Геннадий Бордюгов, 2023
- © Перевод: Давидян Ирина, Соловьева Мария, Соколов Борис, 2023
- © АИРО-XXI, 2023
- © «Пробел 2000», 2023

Stephen Cohen's Never Written Memoirs: A Foreword

This book is a collection of unique documents from the personal archive of American historian and Russianist Stephen Cohen: His letters to friends and colleagues in the Soviet Union and Russia, notes on and sketches of future writings, accounts of him and his work by those in the US and Russia. Documents are published in chronological order, the earliest from the period of perestroika when Cohen's biography of Nikolai Bukharin was published in the Soviet Union, and the most recent material from after his death.

This collection traces the trajectory of Cohen's scholarly career which began – at least in Russia – with the 1988 publication of the Russian-language edition of his biography of Bukharin. It is therefore quite logical that this collection opens with Steve's extensive correspondence with his Russian friends and colleagues regarding preparation of that edition. Their correspondence shows the book was considered by the Soviet side as not only a scholarly project dealing with the restoration of historical truth and the revision of dogmatic views – but rather as an important political project.

As a result of this correspondence, one understands that Cohen's view of the Bukharinist concept of reform, an alternative to Stalinist socialism, was an integrated and clear program for building a humane, non-capitalist system. The pro-

gram took revolutionary experience and the legacy of Marxism-Leninism into account but also acknowledged other sources. Cohen's deep insight into the Soviet realities of the 1920–30s, his knowledge of historical sources unfamiliar (then) to many readers, his feeling for the political atmosphere of the era, were critically important. It would not be an exaggeration to say Stephen Cohen's biography remains the most important, internationally acclaimed study of Nikolai Bukharin. Without it, the historiography of the Soviet interwar period would be impossible to imagine.

Extremely interesting are notes Stephen Cohen made to himself at significant moments of recent history. For instance, in 2009 – for events with readers of his book *Soviet Fates and Lost Alternatives*. It is worth noting his insights on the eve of President Barack Obama's visit to Moscow and his summit with Russia's President Dmitry Medvedev. In his notes, Stephen makes his central argument – in one way or another set forth in many works: That there were real alternatives to what had happened in the Soviet past. Cohen makes the case that Bukharin's model of socialism, and not Stalin's, could well have succeeded. And he goes further – he challenges popular opinions that Mikhail Gorbachev's failure was inevitable; that the Soviet system was unreformable; and that the Soviet Union «collapsed» in 1991.

But the end of the Soviet Union did not limit Cohen's scholarship. Quite the contrary. Soviet history serves in his books as a kind of «launchpad» for jumping to the main topic – present-day history. He reveals unpopular, and for the Russian audience, a somewhat unexpected interpretation of the

end of the cold war. He argues it was ended by Mikhail Gorbachev and two American presidents, Ronald Reagan and George H.W. Bush, at the very end of the 1980s, by mutual agreements, «without any winners or losers». And it was only after the break-up of the Soviet Union that the United States decided it had won the Cold War.

Perhaps, that was how Americans viewed the situation of the early 1990s. But in the Soviet Union the stain of «defeat» was noticeable after the collapse of the Berlin wall – at least in public comments on the event. Cohen always regarded Mikhail Gorbachev with great respect – as is evident in many of his works. As a result, he paid more attention to the heretical and remarkable reform policies of the first and the last president of the USSR. His views of Gorbachev may be the only thing in Cohen's argument one might disagree with. Yet Steve brilliantly and uncompromisingly exposed the disaster of the 1990s' American policy towards Russia and criticized Washington for making hollow declarations of friendship while acting as a triumphalist winner, ignoring Moscow's interests.

In this sense, Cohen's evaluation of the last short period of warmer relations between our countries – the so-called «reset» – are particularly interesting. He shrewdly notes that «the friendly working relationship» Barack Obama established with Dmitry Medvedev was not only based on their «generational affinity,» but also on their «mutually weak position at home.» Cohen doesn't fail to notice that Obama's declarations of «cooperation» were undermined by the anti-Russian position of his administration – which was playing «the so-called 'Medvedev card' against Putin.»

Cohen bitterly criticized the US administration for its concept of «selective cooperation» towards Moscow: while calling for a «re-set» in the relationship, Washington in fact, treated Russia as a «junior partner» and denied Russia the right to have its own geopolitical interests. He also noted the particular role of Vice-President Joseph Biden, who pursued his own political line, different from Obama's (at least different from what Obama publicly declared).

An important part of this book presents students' views of Cohen as a professor. In this role, Cohen was enthusiastic, striving to share his experience and knowledge with his undergraduate and graduate students alike. A characteristic example in the book shows his rigorous review of a graduate student's paper. He offers scrupulous comments on the paper's pluses and minuses, and also advises the young student to strike a difference between his own political sympathies and historical events – and to avoid dogmatic positions.

The title of this book – Russian Fate – can be understood in several ways. On the one hand, it is fate that predetermined Stephen Cohen's lifelong, passionate and scholarly engagement with Russian and Soviet studies. On the other hand, it is fate that linked him personally to many Russian (Soviet and post-Soviet) people. Stephen Cohen indeed had an amazing, genuine interest in people. His letters reveal both professional and human layers. As to the latter, Cohen had a great memory of names and related facts and events. He was able to revive, in just a few words, a dialogue that had taken place ages ago.

How could he do this? The answer is simple. He had a sincere, authentic interest in people he met, of all kinds. If you

read this correspondence attentively, you will understand that Steve Cohen was not interested in transactional relationships. He always wrote thoroughly, even meticulously, about the matter at hand – it could be the «Bukhariniana,» his books, Russia, or Russian-American relations – and then he easily turned to subjects of interest to his correspondent. There was nothing forced in these steps. Cohen was such a man. Possibly, he was more Russian – in what corresponds to classical images of Russian culture and especially literature – sympathetic, open-hearted, attentive, kind – than Russians themselves in their routine present-day reality. In this sense, the Russian fate of Stephen Cohen means also his rebirth into a Russian man as the type was described by Dostoevsky and Chekhov. No wonder curators of the historic house/ museum of Anton Chekhov in Yalta noticed a resemblance between the Russian writer and the American historian.

Stephen Cohen for many years intended to write memoirs about his eventful life, but he never had time to realize his intention. This book is comprised of materials which could establish a basis for such memoirs – And it can be interpreted as a partial realization of that idea.

Gennady Bordiugov and Katrina vanden Heuvel

Ненаписанные воспоминания Стивена Коэна Предисловие

Настоящая книга представляет собой подборку уникальных документов из личного архива американского историка Стивена Коэна – письма в Советский Союз и в Россию, выдержки из записей, сделанных для себя в качестве подготовительных материалов для новых работ, оценки самого историка другими людьми, как в Америке, так и в России. Материалы даются в хронологической последовательности, самые ранние из них датируются эпохой перестройки, когда в СССР готовилась к выходу его монография о Николае Бухарине, а заключительные документы относятся уже ко времени после кончины Стивена Коэна.

По этой подборке четко вырисовывается траектория пути ученого, который начался – во всяком случае, в России – с издания в 1988 году русского перевода его книги о Н.И. Бухарине. Поэтому совершенно естественно и логично, что подборка документов открывается обширной перепиской историка с корреспондентами в СССР по поводу подготовки этого издания. Из этой переписки явственно следует, что с советской стороны книга воспринималась как проект не только и даже не столько научный, имевший отношение к восстановлению исторической правды и преодолению прежних оценочных штампов, сколько как проект вполне политический.

Благодаря этой переписке становится понятно, что взгляд Стивена Коэна на бухаринскую концепцию реформ как альтернативу сталинскому социализму явился тогда, по-видимому, единственной цельной концепцией, пусть и относящейся к прошлому, содержащей в себе четкий план действий по построению человеческой некапиталистической системы. В ней учитывался революционный опыт и марксистско-ленинское наследие, но они не абсолютизировались. Впечатляют и степень погруженности историка в реалии Советского Союза 1920–1930-х годов, знание источников, которые в то время мало кому были известны, тонкое чутье политической атмосферы эпохи. Не будет преувеличением сказать, что вплоть до настоящего времени книга Стивена Коэна остается лучшим исследованием о жизненном пути этого советского деятеля, без нее вообще немислима историография межвоенного периода советской истории.

Потрясающе интересны заметки, сделанные Стивеном Коэном для себя в разные знаковые периоды недавней истории. Например, в 2009 году – для встреч с читателями его книги «Советские судьбы и утраченные альтернативы». Примечательно, что это было накануне визита в Москву президента США Барака Обамы и его встреч с тогдашним президентом России Дмитрием Медведевым. Стивен здесь подробно излагает свою центральную мысль, которую он в том или ином виде высказывал во многих работах, – о существовании реальных альтернатив тому, что произошло на самом деле в советском прошлом. Он начинает с того, что бухаринская модель социализма вполне могла состояться вместо модели сталинской. Но

историк не останавливается на этом и идет еще дальше. Он оспаривает популярные мнения, что провал Михаила Горбачева был неизбежен, что советская система не подлежала реформированию, а СССР в 1991 году «рухнул».

Однако и финал советской истории не стал границей, за которую Коэн не вышел. Наоборот, советская история явилась в этой книге своего рода «трамплином» для перехода к главной теме – современности. Историк дает любопытные и во многом неожиданные для российской аудитории толкования того, как закончилась холодная война. Он считает, что это противостояние завершилось стараниями Горбачева и обоих американских президентов – Рейгана и Буша-старшего в самом конце 1980-х годов, причем по взаимной договоренности было решено, что этот конфликт преодолевается «без победителей и проигравших». И только после распада СССР Соединенные Штаты решили, что в холодной войне победили именно они.

Возможно, именно так ситуация виделась из Америки рубежа 1980–1990-х годов. Однако в СССР поражением «запахло» уже после падения Берлинской стены – на фоне тех комментариев, которые давались этому событию. Стивен Коэн всегда испытывал особый пиетет к Горбачеву, это бросается в глаза во многих его работах. Вероятно, именно вследствие этого он уделял больше внимания не ошибкам, а идущей вразрез с традицией выдающейся реформаторской политике первого и последнего президента СССР. Однако такой взгляд на Горбачева – это, пожалуй, единственное в концепции Стивена Коэна, с чем можно не согласиться. Историк пронизательно и бескомпромиссно характеризует американскую политику 1990-х годов

в отношении России как лживую, когда на фоне заверений в дружбе Вашингтон вел себя как победитель, не считаясь с интересами Москвы.

Наиболее любопытны в этом смысле оценки, данные Стивеном Коэном непродолжительному периоду последнего потепления между нашими странами в эпоху «перезагрузки». От его пронизательного взгляда не скрылось то, что «дружеские рабочие отношения» между Бараклом Обамой и Медведевым явились следствием не только их «возрастной близости», но также «одинаково слабой позиции у себя в стране». Стивен Коэн метко подмечал, что заверения Обамы о «сотрудничестве» нивелируются последовательно антироссийской позицией его администрации, разыгрывающей ««медведевскую карту» против Путина».

Коэн жестко критиковал администрацию Белого дома за политику «выборочного сотрудничества» в отношении Москвы, когда параллельно с призывами к «перезагрузке» России де-факто отводилась роль «младшего партнера» и отказывалось в праве иметь собственные геополитические интересы. Тогда же Стивен Коэн подметил и особую роль вице-президента Джозефа Байдена, который проводил отличную от Обамы политическую линию (во всякой случае, отличную от того, что Обама публично декларировал об отношениях с Россией).

Важной составляющей данной книги стали отзывы о Стивене Коэне его бывших студентов, из которых вырисовывается портрет ученого как университетского профессора. И в этом своем качестве историк был неистово увле-

ченным, требовательным, стремившимся по максимуму передавать ученикам свои знания и опыт. Очень характерным в этом смысле выглядит его письменный отзыв на одну из студенческих работ, в котором он досконально разбирает ее достоинства и недостатки, а также касается политических взглядов молодого автора, рекомендуя ему разделять собственные пристрастия и исторические события и воздерживаться от окончательных суждений.

Название нашего издания «Русская судьба» можно трактовать по-разному. С одной стороны, это судьба, которая предопределила выбор профессии Стивена Коэна, на всю жизнь связав его с советской историей и историей современной России. С другой стороны, это судьба, которая лично связала его со многими советскими и постсоветскими людьми. Конечно, Стивен Коэн буквально поражает своим неистощимым, неподдельным интересом к людям. В его письмах двойная обстоятельность – и деловая, сущностная, и одновременно человеческая. Что касается последней, то Стивен Коэн удерживал в памяти огромное количество имен, связанных с ними фактов и событий, а также мог в письме буквально несколькими словами восстановить эмоциональный фон беседы, имевшей место давным-давно и, не исключено, забытой в таких деталях и подробностях.

Как у него это получалось? Думается, ответ тут простой. Стивен Коэн действительно искренне, а не деланно интересовался людьми, с которыми имел дела или даже просто общался. Внимательное прочтение его переписки показывает, что чисто прагматические отношения ему не

были присущи. Он всегда обстоятельно, даже чересчур подробно писал о деле – будь это бухариниана, его книги и вообще образ России или отношения между Америкой и Россией, – а потом очень естественно и просто переходил к темам, эксклюзивно близким собеседнику. И в этом не было искусственности или навязчивости. Просто Стивен Коэн был именно таким. Может быть, гораздо более русским в смысле соответствия классическим образам из русской культуры и особенно литературы – участливым, открытым, чутким, человечным, – нежели сами русские в их современной рутинной действительности. В этом смысле русская судьба Стивена Коэна – это в том числе и его перерождение в русского человека, которого описывали Достоевский и Чехов. Неслучайно сотрудники Дома-музея Антона Павловича в Ялте подметили схожесть американского историка с русским писателем.

Стивен Коэн действительно много лет вынашивал идею написать воспоминания о своей богатой, творчески и политически насыщенной жизни, но не успел реализовать этот замысел. Поэтому настоящая книга, собранная из материалов, которые могли бы лечь в основу таких воспоминаний, может восприниматься как попытка частичной реализации такого намерения.

Геннадий Бордюгов и Катрина ванден Хювел

I

About Nikolai
Bukharin's political
biography, history
of Russia,
and scholarly
methods

О политической
биографии
Н.И. Бухарина,
истории России
и методах научного
исследования

Soviet Switch Permits Publication of Cohen's Bukharin Biography

By Norimitsu Onishi
The Daily Princetonian, Princeton,
October 10, 1988

Soviet General Secretary Gorbachev's policies of glasnost, which have prompted vast social reform in the USSR, will touch a little closer to home later this year when a previously-banned book by a Princeton professor is printed for general circulation in the Soviet Union.

Publication of politics professor Stephen Cohen's «Bukharin and the Bolshevik Revolution,» which had been banned in Moscow since 1980, marks an about-face in official Soviet attitudes toward both the author and his subject.

«It's perhaps the first time the work of an American Sovietologist on such a sensitive party subject will be published in the Soviet Union,» Cohen said in an interview last Wednesday.

Familiar to Princetonians who have taken his popular course, Politics 302: «Soviet Politics,» the political biography analyzes the life of Nikolai Bukharin, a founding father of the USSR. In the work, Cohen argues that Bukharin embodied the actual alternative to Stalinism. Trotsky traditionally has been considered Stalin's ideological counterweight.

Cohen's book has been circulating unofficially in the Soviet Union since a Russian translation was printed in 1980 in the United States. In the pre-Gorbachev era, however, copies of the book were confiscated by Soviet authorities. Its content was treated with contempt in official publications.

With Gorbachev's ascendancy came rapid and sweeping reforms in the USSR. On April 21, 1988, Cohen received a letter from the director of Progress Publisher – a large Moscow publishing house that deals in foreign language books – expressing interest in publishing his book.

Cohen said he signed a contract with the company on June 7, following his participation in the Soviet-American summit this spring in Moscow.

Glasnost also enabled freer discussion of Bukharin – previously a taboo subject in the USSR. This year saw his legal and political rehabilitation. Bukharin was exonerated of his alleged crimes against the state and restored posthumously as an honored member of the party.

This rehabilitation has allowed Soviets to question openly whether Bukharin's ideas, developed from Lenin's New Economic Policy, represented the actual alternative to Stalinism.

According to Cohen, the debate over Bukharin's rightful place in history, with the publication of «Bukharin» and other books, indicates a desire to incite others to express new ideas and to remedy the past by telling the truth.

Soviet interest in Bukharin might also be due to the fact that «the ideas of Bukharin are similar though not identical to Gorbachev's,» Cohen said.

«Clearly,» Cohen writes in his foreword, «this Soviet edition is a small by-product of perestroika and glasnost – the historic and remarkably bold policies adopted by the Soviet leadership since Mikhail Sergeevich Gorbachev became General Secretary in 1985.»

These policies have also affected Soviet attitudes toward Cohen himself. In the foreword to the new Soviet edition, Cohen suggests that Soviet disapproval of his book may have been translated to their treatment of him personally.

«From 1982 to the middle of 1985, despite my repeated applications,» Cohen wrote, «Soviet authorities refused to give me permission to visit the USSR.»

In recent years, more relaxed attitudes have enabled Cohen to pursue several projects with Progress.

[...]

As he awaits publication of what he calls his favorite book, Cohen speculated on the reaction it will face in the USSR.

«The neo-Stalinists will be very hostile and call me a bourgeois falsifier,» Cohen said. The Bukharinists will be favorable, he wrote in the foreword, and those of centrist positions «will argue that some combination of Bukharin's policies and Stalin's would have been best.»

Come February, though, Cohen will be back in the USSR to witness the reaction firsthand.

Of one man's opinion, however, Cohen is sure.

During the summit in Washington last December, Cohen met Gorbachev at a Soviet embassy dinner. At one point during the evening, a Gorbachev aide introduced Cohen to the General Secretary as the author of «Bukharin.»

«Gorbachev said that it was an interesting, serious, valuable, and important work,» Cohen said, «but that of course it was open to disagreements.»

Перемены в Советском Союзе
сделали возможной публикацию
«Биографии Бухарина» Стивена Коэна

Норимицу Ониси
The Daily Princetonian, Принстон,
10 октября 1988 года

Политика гласности генерального секретаря Горбачева, запустившая процесс широких социальных реформ в СССР, коснется нас чуть сильнее в конце этого года, когда прежде запрещенная книга принстонского профессора будет опубликована и общедоступна в Советском Союзе.

Издание книги профессора политики Стивена Коэна «Бухарин и большевистская революция», которая с 1980 года считалась запрещенной в Москве, знаменует поворот на 180 градусов в отношении официальных советских властей как к автору, так и к его герою.

«Возможно, впервые книга американского советолога, да еще по такой чувствительной для партии теме, будет опубликована в Советском Союзе», – сказал Коэн в интервью в прошлую среду.

Хорошо знакомая принстонцам, посещавшим его популярный курс Политика 302: «Советская политика», политическая биография анализирует жизнь Николая Ивановича Бухарина, одного из основателей Советского государства. В этой работе Коэн утверждает, что Бухарин был воплощением реальной альтернативы сталинизму. Хотя традиционно считается, что Троцкий был идеологическим противовесом Сталина.

Неофициально книга Коэна распространялась в Советском Союзе с 1980 года, когда в США был опубликован ее русский перевод. В догорбачевский период, однако, экземпляры книги конфисковывались советскими властями, а ее содержание подвергалось презрительной критике в официальных изданиях.

С приходом к власти Горбачева в СССР начался процесс стремительных преобразований. 21 апреля 1988 года Коэн получил письмо от директора издательства «Прогресс» – крупного московского издательства, специализирующегося на публикации иноязычной литературы – который выразил заинтересованность в издании его книги.

Коэн сказал, что он подписал контракт с «Прогрессом» 7 июня, по окончании весеннего советско-американского саммита в Москве, в котором он принимал участие.

Гласность также сделала возможным более свободное обсуждение бухаринской темы, бывшей прежде табу в СССР. В этом году произошла его юридическая и политическая реабилитация. С Бухарина сняли обвинения в преступлениях против государства и посмертно восстановили почетное членство в партии.

Эта реабилитация позволила открыто поставить в СССР вопрос о том, были ли бухаринские идеи, выросшие из

новой экономической политики Ленина, реальной альтернативой сталинскому курсу.

По мнению Коэна, дебаты вокруг подлинного места Бухарина в истории с публикацией его «Биографии» и других книг демонстрируют желание подстегнуть прочих высказывать новые идеи и врачевать раны прошлого с помощью правды.

Советский интерес к Бухарину, возможно, объясняется еще и тем, что, как сказал Коэн, «идеи Бухарина созвучны, хотя и не идентичны идеям Горбачева».

«Безусловно, – пишет Коэн в предисловии, – это советское издание является лишь небольшим побочным результатом перестройки и гласности – исключительно смелого политического курса исторического значения, принятого советским руководством после того, как Михаил Сергеевич Горбачев стал Генеральным секретарем в 1985 году».

Эта смена политического курса повлияла и на отношение советских властей к самому Коэну. В предисловии к советскому изданию он высказывает предположение, что официальное неодобрение его книги переносилось на него лично. «С 1982 до середины 1985 года, несмотря на мои неоднократные обращения, – пишет Коэн, – советские власти отказывали мне в разрешении посетить СССР».

Ослабление зажима в последние годы позволило Коэну начать несколько совместных проектов с издательством «Прогресс».

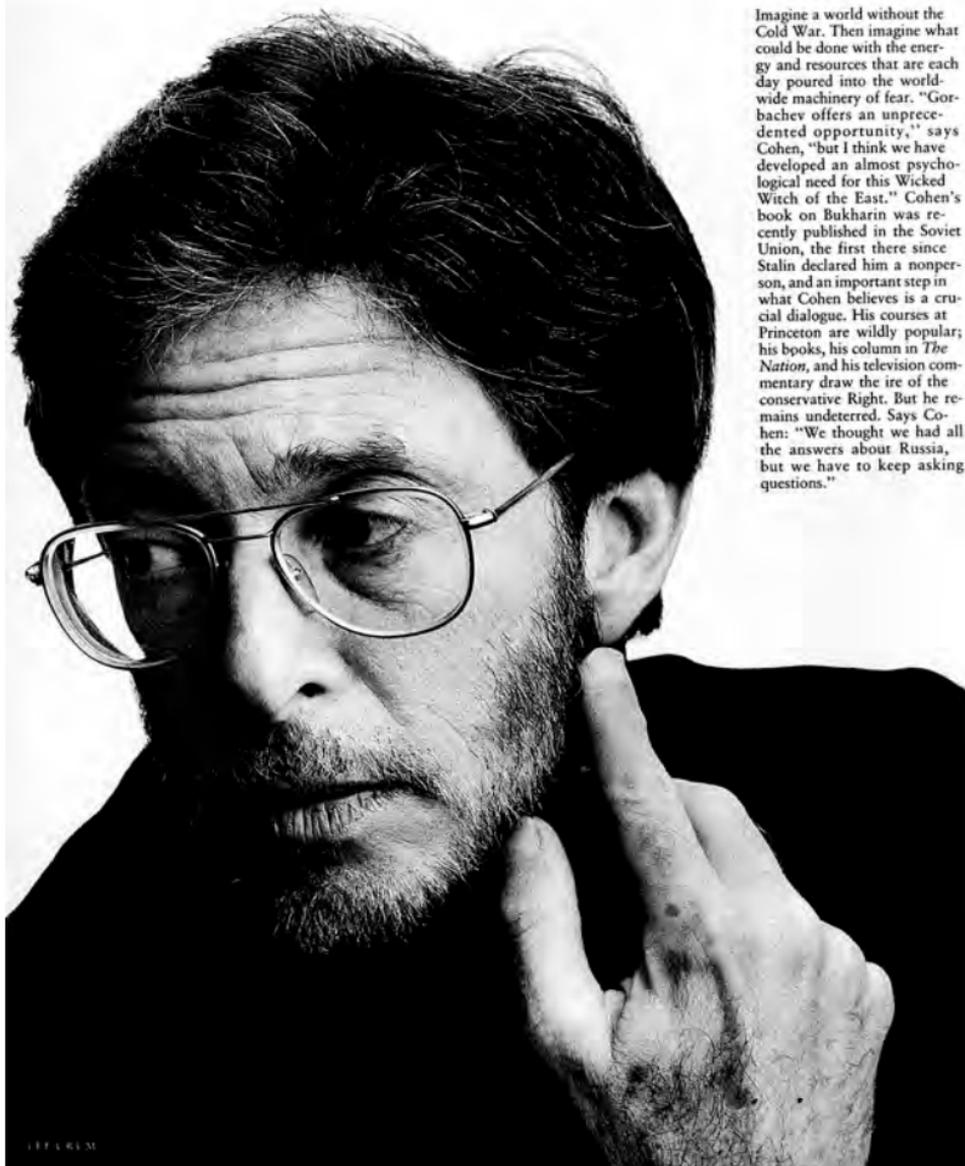
[...]

В ожидании публикации того, что он сам называет своей любимой книгой, Коэн рассуждает о возможной реакции, которой она будет встречена в СССР. «Неосталинисты воспримут ее враждебно и обзовут меня буржуазным фальсификатором», – заявил Коэн. Бухаринисты встретят благосклонно, а центристы, как пишет он в предисловии, будут «доказывать предпочтительность некоего сочетания бухаринского и сталинского подходов».

Stephen F. Cohen

SOVIETOLOGIST

Imagine a world without the Cold War. Then imagine what could be done with the energy and resources that are each day poured into the worldwide machinery of fear. "Gorbachev offers an unprecedented opportunity," says Cohen, "but I think we have developed an almost psychological need for this Wicked Witch of the East." Cohen's book on Bukharin was recently published in the Soviet Union, the first there since Stalin declared him a nonperson, and an important step in what Cohen believes is a crucial dialogue. His courses at Princeton are wildly popular; his books, his column in *The Nation*, and his television commentary draw the ire of the conservative Right. But he remains undeterred. Says Cohen: "We thought we had all the answers about Russia, but we have to keep asking questions."

Уже в феврале, впрочем, Коэн вернется в Москву и сможет наблюдать эту реакцию своими глазами.

Однако мнение одного человека он знает наверняка.

Во время саммита в Вашингтоне в декабре прошлого года Коэн встретился с Горбачевым. На обеде в советском посольстве помощник Горбачева представил его Генеральному секретарю как автора «Бухарина».

«Горбачев сказал, что это интересная, серьезная, ценная и важная книга, – сказал Коэн, – но, конечно, неоднозначная и открытая для полемики».

Steven Cohen's letter to Valery Pisigin,
a founder of the Bukharin Political Club

July 29, 1988

Dear Valera,

Katrina and I think about you very often, so we were very happy to receive your letter. It arrived yesterday. It is remarkable how much you have been able to achieve as a worker, organizer of perestroika, political activist, student, and researcher. Katrina and I admire you very much, and we are happy to have you as a friend.

I am very excited to learn that there will be a second conference about Nikolai Ivanovich [Bukharin] organized by your club. Unfortunately, I cannot come to the Soviet Union in September. I must begin teaching my courses at the University on September 20, and it would be impossible for me to leave the country so early in the semester. But please tell all the participants that I am with them in spirit, and that I look forward to reading their reports. (Please save copies for me.)

I telephoned our «adopted mama» [Anna Mikhailovna Larina] three days ago. She told me that there will be some

kind of official event in Moscow to mark the 100th anniversary of N.I. [Bukharin]'s birth, but she still does not [know] what kind of an event it will be. Probably, it will be in early October. If the organizers invite me, Katrina and I will certainly come to Moscow to that event. So perhaps we will see you at that time. If not, we will probably come to Moscow for one week or more in the end of October. «Mama» will know our plans.

Katrina and I very much want to visit you, and the Bukharin Club, in Naberezhnye Chelny. As you know, we will live in Moscow, on the Academy of Sciences exchange program, from February 1989 to June 1989. Maybe that would be the best time to visit your city.

My Soviet publisher visited me in New York two weeks ago. I gave him the corrections and the original photographs for the book. He plans to publish an edition of at least 50,000 before the end of 1988. I told him to save many copies for me, so that I will be able to give you and your club a large number of copies.

As you know, there have been a growing number of articles in the Soviet press about N.I. and his ideas, and more articles will appear by October. Understandably, many of these articles focus on the events of 1928–29 and his role in that breaking point in the history of your country. Also understandably, different points of view have appeared about this in the Soviet press. Indeed, N.I. will be at the center of this great debate for many years to come, I think. That is another reason why you must continue your own research.

I am glad you and Yuri Nikolaevich [Afanasyev] have gotten to know each other. When you see him, give him my warmest regards.

If you go to Germany for the symposium, call me in New York from Germany [...] Usually, I am in Princeton from Tuesday morning to Thursday afternoon, but otherwise I am at home in New York. If Roy [Medvedev] travels with you to Germany, give him my warmest regards too. We are old friends.

I am surprised and pleased to learn from you that students at Kazan University support my idea for a Soviet-American Youth Corps in the third world. I am a member of a small group of American intellectuals who are now writing a new program for improving U.S. – Soviet relations. We hope to present it to the next President in January 1989. The group will also support my idea, I think.

Valera, I continue to worry about Yura [Larin] «s health. When I speak with “mama” and Nadya [Fadeeva] on the telephone, I do not get clear information. What is your opinion? Have you seen Yura this summer?

Write to me again when you have time. I will be at home in New York all summer. Please give our best wishes to your family and to all of our mutual friends in Naberezhnye Chelny. Write to me about plans for the September conference, and about all other news.

Katrina and I miss you, and we look forward to seeing you very much and very soon.

Yours friend,

Stephen F. Cohen

Письмо Стивена Коэна Валерию Писигину,
основателю Политклуба им. Н.И. Бухарина

29 июля 1988 года

Дорогой Валера,

Мы с Катриной часто думаем о тебе, поэтому были очень рады получить письмо от тебя, которое пришло вчера. Замечательно, что ты сумел так много достичь в жизни как рабочий, организатор перестройки, политический активист, студент и исследователь. Мы гордимся тобой и рады иметь такого друга.

Я с восторгом узнал, что твой клуб организует вторую конференцию, посвященную Николаю Ивановичу [Бухарину]. К сожалению, я не могу приехать в Советский Союз в октябре. Мои лекции в университете начинаются 20 сентября, и я не смогу так рано прервать семестр. Но, пожалуйста, передай участникам, что душой я с ними и с нетерпением жду возможности прочитать их доклады. (Пожалуйста, сохрани для меня копии.)

Три дня назад я звонил нашей «приемной маме» [Анне Михайловне Лариной-Бухариной]. Она сказала мне, что в Москве будет какое-то мероприятие в честь столетия Н.И. [Бухарина], но она еще не знает какое. Скорее всего, это будет в начале октября. Если меня пригласят, мы с Катриной обязательно приедем и тогда же сможем увидеться с тобой. Если нет, то мы, вероятно, приедем на неделю или чуть больше в конце октября. «Мама» будет в курсе наших планов.

Мы с Катриной очень хотим приехать к тебе в Набережные Челны и посетить твой клуб. Ты знаешь, что мы будем жить в Москве с февраля по июнь 1989 года в рамках программы обмена Академии наук. Возможно, это будет самое лучшее время для визита.

Две недели назад у меня в Нью-Йорке был мой советский издатель. Я дал ему поправки и оригиналы фотографий для книги. Он планирует выпустить ее к концу 1988 года тиражом не менее 50 тысяч. Я попросил его оставить побольше экземпляров для меня, чтобы я мог передать тебе и для твоего клуба.

Как ты знаешь, в советской прессе растет число статей о Н.И. и его идеях, и в октябре появятся новые. Многие из этих статей вполне объяснимо делают акцент на событиях 1928–1929 годов и его роли в этот поворотный момент истории вашей страны. Объяснимо также, что по этому поводу в советской прессе возникают разные точки зрения. На самом деле, я думаю, Н.И. еще очень долгие годы будет

центром этой большой дискуссии. И это еще одна причина, по которой ты не должен бросать свое исследование.

Я рад, что ты познакомился с Юрием Николаевичем [Афанасьевым]. Передай ему самый теплый привет, когда увидишь.

Если ты поедешь на симпозиум в Германию, позвони мне оттуда в Нью-Йорк. [...] Я обычно в Принстоне с утра вторника до вечера четверга, в остальное время я дома в Нью-Йорке. Если Рой [Медведев] поедет с тобой в Германию, передай ему тоже теплый привет. Мы с ним старые друзья.

Я был приятно удивлен, узнав от тебя, что студенты Казанского университета поддерживают мою идею советско-американского Молодежного корпуса в «третьем мире». Я член небольшой группы американских интеллектуалов, которая сейчас пишет новую программу улучшения американо-советских отношений. Мы надеемся представить ее следующему президенту в январе 1989 года. Думаю, группа также поддержит мою идею.

Валера, меня продолжает беспокоить здоровье Юры [Ларина]. Когда я говорю по телефону с «мамой» и Надей [Фадеевой], я не могу от них добиться ясности. Что ты думаешь? Ты видел его этим летом?

Напиши мне, когда будет время. Я все лето дома, в Нью-Йорке. Пожалуйста, передай самые лучшие пожелания твоей семье и нашим общим друзьям в Набережных Челнах. Напиши мне о своих планах по поводу сентябрьской конференции и обо всех прочих новостях.

Мы с Катриной очень скучаем по тебе и надеемся на скорую встречу.

политклуб имени Н. И. Бухарина

Глубокоуважаемый профессор
Стивен Кэри!

Политклуб им.Н.И.Бухарина, Городской
Комитет ВЛКСМ приглашает Вас и Кат Хэвел в
наш город на конференцию, посвященную памяти
Николая Ивановича Бухарина. Это будет третья
конференция и ее тема звучит так: "Социализм и вопросы кооперации".

Мы будем рады, если Вы и Кат найдете время и придете к нам. Для
нашего Политклуба это будет большим событием, т.к. написанная Вами
книга, является настоящим учебником, по которому мы по настоящему учимся.
Мы уверены, что и Вам будет у нас очень интересно, ибо подлинные собы-
тия в наше время происходят не только в столице.

О сроках проведения конференции мы сообщим дополнительно. Сейчас
можем назвать лишь месяц. Это МАРТ, точнее – вторая его половина.

Надеемся на скорый ответ. До свидания.

Совет Политклуба им.Н.И.Бухарина.

08.12.66

г.Набережные Челны

Stephen Cohen's letter to Valery Pisigin

September 25, 1988

Dear Valery,

Your letter of August 29 arrived at my New York apartment on September 17. Katya and I were very happy to receive it. We consider you to be our dear friend, so we shall always be happy to see you and to maintain a correspondence with you. And thank you for the wonderful photograph of you and A.M. [Anna Mikhailovna Larina]. I treasure it.

About the same time, I received your invitation to attend the conference on September 24. I hope you received my telegram, and that you read it to the participants of the conference. And I hope you understand why I could not attend. On September 19, I began the new teaching year at Princeton. I have 400 students in my lectures on Soviet history, in addition to my graduate students. I simply could not be away from the University. That is also why I could not go to the conference in Germany. But Katya and I hope to be in Moscow from October 27 or 28 to November 6. When I know our exact dates, I will telephone A.M. And as you know, we will be in Moscow from February 1989 to June 1989. During that period, we would like to visit your city and your club.

We are very happy and excited by your own news. To be the political organizer of the club and the head of the regional cooperative movement is a great opportunity, honor, and challenge. You and people like you are the hope for the Soviet future, so I am very encouraged by these developments in your life. I know that they will not change you, but I cannot resist reminding you of Acton's famous aphorism, «Power corrupts...» Take care to remain what you so wonderfully are, a man «from below.»

Since you asked me for some advice on various matters, here are a few suggestions. You should think about inviting

Shatrov, Viktor Petrovich Danilov, and Volodya Shevelov (at Moscow News) to speak at your club. All of them are deeply interested in Bukharin and have interesting things to say. Ask my editor at Progress Publisher, Aleksandr Konstantinovich Avelichev... to give you a copy of [the book] *Inogo ne dano*. You may say that it is my request. I am eager to learn more about your own book on Bukharin and Stalin at the end of NEP. But here, too, I have a suggestion. The Soviet Union now needs a good collection – one or two volumes – of Bukharin's most relevant writings and speeches. I heard that Political Literature Publisher was preparing a sbornik, but maybe this is not true. If not, you should consider preparing such a book. Soviet readers should have access, in a book, to Bukharin's thinking of the 1920s – about politics, economics, society, culture, etc. It would be appropriate if such a book was prepared by you and your club. In this connection, and more generally, you should also try to make contact with Georgi Lukich Smirnov, the Director of IML [Institute of Marxism and Leninism]. During my 4-hour interview with him last year, I found him to be an interesting, sympathetic person.

Even today, I still do not know if there will be a Bukharin conference or event in connection with his 100th birthday – in Moscow. I hope so. And if so, I hope very much that you are invited to attend. I do not mind if they do not invite me. My view is that foreigners should be no more than observers of the great events now under way in your country. For me, it is enough that my book will be published in your country. Avelichev told me by phone last week that he hopes to publish it by December 1988, perhaps earlier. He already has my foreword to the Soviet edition. It was difficult to write, as you can imagine. I thought about it a long time, and finally, I wrote a rather personal foreword. I hope you think it is appropriate.

I also like your idea of creating a Bukharin Foundation. It is a wonderful idea. It causes me to recall Bukharin's commitment to training «red professors» – really, a truly critical-minded party

intelligentsia. Perhaps the Bukharin Foundation could be devoted to that purpose today – to helping young people in the Soviet Union who want to rethink the country's history, theories, present, and future, etc. In this connection, I want to ask you a question. Could the Foundation legally accept a donation, in rubles, from me? Progress paid me for my Bukharin book in rubles. (More exactly, I refused dollars. I felt that rubles, which would remain in the Soviet Union, were more appropriate.) I intend to give some of them to the Memorial in Moscow to Stalin's victims. But I would like to give some of them to the Bukharin Foundation, or to your Bukharin Club, if this both legal and appropriate. If it is, it would make me very happy. Please let me know when I arrive in October, and how to do it.

[...]

Finally, Yuri Afanasyev will be here with us in New York on October 1–2; and then he will speak in Princeton on October 4. Katya and I have organized several events for him in New York and in Princeton. But there will also be time for quiet, private talk; and certainly, we will talk about you.

Katya and I think of you often. We are glad that you are keeping an eye on Yuri [Larin]. I, too, worry about his health. Maybe his big exhibit in Moscow in February (?) will lift his spirits.

We embrace you, dear friend.

Письмо Стивена Коэна Валерию Писигину

25 сентября 1988 года

Дорогой Валерий,

Твое письмо от 29 августа пришло 17 сентября. Мы с Катей очень были рады получить его. Мы считаем тебя дорогим другом и всегда будем рады видеть тебя и вести переписку. И спасибо за чудесную фотографию тебя с А.М. [Анной Михайловной Лариной]. Для меня это ценно.

Примерно в то же время я получил твое приглашение на конференцию 24 сентября. Надеюсь, ты получил мою телеграмму и зачитал ее участникам конференции. И, надеюсь, ты понимаешь, почему я не смог приехать. 19 сентября у меня начался новый учебный год в Принстоне. У меня 400 студентов в моем курсе лекций по советской истории плюс аспиранты. Я просто не мог оставить университет в это время. По этой же причине я не поехал на конференцию в Германию. Но мы с Катей надеемся быть в Москве с 27–28 октября по 6 ноября. Когда я буду знать точные даты, я позвоню А.М. [Анне Михайловне]. И ты знаешь, что мы будем в Москве с февраля по июнь 1989 года. В это время мы надеемся посетить твой город и твой клуб.

Мы в восторге по поводу твоих личных новостей. Быть организатором политического клуба и главой местного кооперативного движения – это большая удача, честь и вызов. Ты и такие, как ты, в Советском Союзе – это надежда на будущее, поэтому твои достижения меня радуют и обнадеживают. Я знаю, что они не изменят тебя, но не могу не напомнить тебе известный афоризм [барона] Актона о том, что «власть развращает...» Постарайся остаться тем, кем ты всегда был – человеком «из низов».

Поскольку ты просил моего совета по разным вопросам, вот несколько соображений. Тебе стоит пригласить [Михаила] Шатрова, Виктора Петровича Данилова и Володю Шевелева (из «Московских новостей») выступить у тебя в клубе. Все они очень интересуются Бухариным и им есть, что сказать. Попроси моего редактора из издательства «Прогресс» Александра Константиновича Авеличева дать тебе экземпляр «Иного не дано». Можешь сказать, что это моя просьба. Мне не терпится узнать побольше о твоей собственной книге о Бухарине и Сталине в конце НЭПа. И здесь у меня тоже есть предложение. В Советском Союзе сегодня явно не хватает сборника (одно- или двухтомника) наиболее значимых произведений и речей

Бухарина. Я слышал, что Издательство политической литературы готовит что-то подобное, но это неточно. Если нет, то ты должен подумать об издании такой книги. Советские читатели должны иметь доступ, посредством книги, к взглядам Бухарина 1920-х годов – на политику, экономику, общество, культуру и т. д. Будет логично, если такую книгу подготовишь ты и твой клуб. В этой связи и вообще постарайся связаться с Георгием Лукичем Смирновым, директором ИМЛ [Института марксизма-ленинизма]. Во время 4-часового интервью, которое я брал у него в прошлом году, он показался мне интересным и приятным человеком.

Я до сих пор не знаю, будет ли организована конференция или другое мероприятие к столетию Бухарина в Москве. Я надеюсь, что да. И если так, я надеюсь, что ты получишь приглашение. Мне неважно, пригласят ли меня. Я считаю, что иностранцы должны быть не более чем наблюдателями тех великих событий, которые происходят сегодня в вашей стране. Мне достаточно, что моя книга будет опубликована в вашей стране. Авеличев сказал мне по телефону на прошлой неделе, что он надеется, что она выйдет в декабре 1988 года, может раньше. Я уже передал ему мое предисловие к советскому изданию. Можешь представить, как мне было трудно его писать. Я долго обдумывал и в конце концов написал довольно личное предисловие. Надеюсь, ты сочтешь его уместным.

Мне также нравится твоя идея создания Фонда Бухарина. Это отличная идея. Она напомнила мне бухаринскую инициативу по подготовке «красной профессуры» – по настоящему критически мыслящей партийной интеллигенции. Фонд Бухарина мог бы быть посвящен этой цели сегодня – помогать молодым советским людям, которые стремятся переосмыслить историю своей страны, теорию, прошлое и будущее и т. д. В этой связи у меня к тебе вопрос: сможет Фонд легально принять от меня пожертво-

вание в рублях? «Прогресс» заплатил мне за моего «Бухарина» в рублях. (Точнее, я отказался взять доллары. Я посчитал, что лучше в рублях, которые все равно останутся в Советском Союзе.) Я намерен передать часть суммы московскому «Мемориалу» для сталинских жертв. И часть я хотел бы передать Фонду Бухарина или твоему бухаринскому клубу, если это законно и уместно. Если да, то я буду счастлив. Пожалуйста, дай мне знать, когда я приеду в октябре, и сообщи, как это сделать.

[...] И последнее. Юрий Афанасьев будет у нас в Нью-Йорке 1–2 октября, а 4 октября он выступит в Принстоне. Мы с Катей организовали для него несколько мероприятий в Нью-Йорке и в Принстоне, но у нас также будет время для тихой приватной беседы, и мы обязательно поговорим о тебе.

Мы с Катей часто думаем о тебе. И мы рады, что ты присматриваешь за Юрием [Лариным]. Меня тоже беспокоит его здоровье. Может быть, большая выставка его работ, которая пройдет в феврале (?), поднимет его дух.

Обнимаем тебя, дорогой друг,
Твои [Стив и Катя]

Приглашение Стивену Коэну
и Катрине ванден Хювел на третью бухаринскую
конференцию, организованную Политклубом
имени Н.И. Бухарина в Набережных Челнах

8 декабря 1988 года

Глубокоуважаемый профессор Стивен Коэн!

Политклуб им. Н.И. Бухарина, Городской комитет ВЛКСМ [г. Набережные Челны] приглашают Вас и Кэт Хьювел в наш город на конференцию, посвященную памя-

ти Николая Ивановича Бухарина. Это будет третья конференция, и ее тема звучит так: «Социализм и вопросы кооперации».

Мы будем рады, если Вы и Кэт найдете время и приедете к нам. Для нашего Политклуба это будет большим событием, т. к. написанная Вами книга является настоящим учебником, по которому мы по-настоящему учимся. Мы уверены, что и Вам будет у нас очень интересно, ибо подлинные события в нашей стране происходят не только в столице.

О сроках проведения конференции мы сообщим дополнительно. Сейчас можем назвать лишь месяц. Это – МАРТ, точнее, вторая его половина.

Надеемся на скорый ответ. До свидания.

Совет Политклуба им. Н.И. Бухарина,
г. Набережные Челны

The Bukharin Political Club's invitation
for Stephen Cohen and Katrina vanden Heuvel
to attend the third memorial Bukharin conference
in Naberezhnye Chelny

December 8, 1988

Dear Professor Stephen Cohen!

The Bukharin Political Club and the [Naberezhnye Chelny] Committee of the Komsomol invite you and Kat Heuvel to attend a conference in memory of Nikolai Bukharin, organized in our city. The third in the series, this conference will be focused on the subject «Socialism and Issues of Cooperation.»

We shall be happy if you and Kat fit into your schedule the visit to us. Your visit will become an important event for our Club because the book you wrote is virtually a study guide

from which we learn. We are certain that you too will find your visit gratifying because important events in our country take place not only in the capital.

We'll inform you about the dates of the conference later. Now we can only indicate the month. It's MARCH, or rather, its second half.

We hope to hear from you soon. Best wishes.

Council of the Bukharin Political Club

Naberezhnye Chelny

Stephen Cohen's letter to Valery Pisigin

December 16, 1988

Dear Valery,

Katrina and I were very happy to receive your letter of November 27 and the short letter from the Bukharin Political Club. They arrived in one envelope on December 14.

We were deeply touched by your well-wishes for our marriage. Thank you. We had a small wedding on Sunday, December 4, at the apartment of Katrina's mother in New York City. About 30 people, friends and family, were there. Afterward, that evening, there was a large reception of about 150 people at the same apartment. The night before, on Saturday, we had a pre-wedding supper party at a Russian nightclub called Petrushka – about 30 people, with vodka, music, and dancing. So it was a fine wedding weekend, but we missed you, A.M. [Anna Mikhailovna Larina], Yuri [Larin] and our other «family.» Both at the supper party and at the wedding, toasts were made to all of you.

Thank you for the photograph at the house where N.I. [Nikolai Ivanovich Bukharin] was born. It is splendid. And I was glad to learn that the Club received the donation from me and Katya. You should use it as you think best. We know it will be spent well.

I understand why A.M. thinks you should continue your education in «science.» All «mothers» think that way about their children. But probably you are making the right decision. Your country is experiencing a unique, historic time when both the present and the future must be seized by people of vision, such as you and your comrades. I can understand why you feel that not to act, to be fully active, would be wrong. My only advise to you is that while you follow your «practical» missions, you should continue to read, study, and think in fresh ways. Life produces its own «theoretical» solutions – the cooperative movement is a vivid example – but educated, thinking people such as you must be able to recognize those solutions, understand their context, and recognize both their possibilities and limits. I suppose that is what Marx meant by «praxis.» Anyway, I know you are doing the right thing, and we wish you well.

As you know, Katrina and I will come to Moscow around February 5 or 6 for our four-month stay. We are eager to visit your city, to meet Roza and Stasik, and to get to know all your fellow Bukharinists. Maybe A.M. will make the trip with us. That would be excellent. When would be the best time? You and I talked about March, but perhaps we should wait until April when the weather is better? You decide. I will just need some time, after we set the date, to get visas, etc., in Moscow. Probably there will not be a problem. During our stay on the Academy of Sciences exchange program, I will be affiliated with the Institute of History and with Bogomolov's institute. They will help me get the visas.

We send our love to you and all our best wishes for the new year.

Письмо Стивена Коэна Валерию Писигину

16 декабря 1988 года

Дорогой Валерий,

Мы с Катриной были рады получить твое письмо от 27 ноября и короткое письмо от Политического клуба Бухарина. Они прибыли в одном конверте 14 декабря.

Мы были глубоко тронуты твоими теплыми поздравлениями и пожеланиями по случаю нашего бракосочетания. У нас была маленькая свадьба в воскресенье, 4 декабря, которую мы отпраздновали в квартире матери Катрины в Нью-Йорке. Было около 30 человек, друзья и родные. После, вечером, был большой прием в той же квартире на 150 человек. Накануне вечером, в субботу, у нас была предсвадебная вечеринка, которую мы провели в русском ночном клубе под названием «Петрушка» – около 30 человек, водка, музыка, танцы. Так что мы провели отличный свадебный уикэнд, но не хватало тебя, А.М. [Анны Михайловны], Юрия [Ларина] и других членов «семьи». Но и на вечеринке, и на свадьбе за всех вас поднимались тосты.

Спасибо за фотографию дома, где родился Н.И. [Бухарин]. Это чудесно. И я был рад узнать, что Клуб принял пожертвование от меня и Кати. Ты должен использовать эти деньги, как считаешь нужным. Я знаю, что они пойдут на дело.

Я понимаю, почему А.М. считает, что ты должен продолжить свое образование в «науке». Все «матери» желают того же своим детям. Но, возможно, ты принял правильное решение. Твоя страна переживает уникальный, исторический момент, когда настоящее и будущее требуют осмысления со стороны дальновидных людей, таких, как ты и твои товарищи. Я понимаю, почему ты считаешь, что бездействовать сейчас, не проявлять активность было бы неправильно. Мой единственный совет состоит в том, чтобы ты не забывал читать, учиться и думать по-новому. Жизнь подбрасывает свои «теоретические» решения –

кооперативное движение тому яркий пример – но нужны люди – образованные, думающие люди вроде тебя – способные распознать эти решения, понять их контекст и оценить их возможности и недостатки. Я полагаю, это именно то, что Маркс имел в виду под словом «практика». В любом случае, я думаю, что ты делаешь правильную вещь, и мы желаем тебе удачи.

Как ты знаешь, мы с Катриной приедем в Москву 5–6 февраля и пробудем четыре месяца. Мы очень хотим посетить твой город, встретиться с Розой и Стасиком и познакомиться со всеми твоими друзьями-бухаринистами.

Может быть, А.М. поедет с нами. Это было бы чудесно. Когда это лучше сделать? Мы с тобой говорили про март, но, может, лучше подождать до апреля, когда погода будет лучше? Тебе решать. Мне просто нужно будет время, после того как мы согласуем дату, чтобы получить визы в Москве. Скорее всего, с этим проблем не будет. Поскольку я приеду по программе обмена с Академией наук, я буду официально прикреплен к Институту истории и богомолловскому институту. Они помогут мне с визами.

Посылаем тебе нашу любовь и наилучшие пожелания в новом году.

A telegram from Steven Cohen
and Katrina vanden Heuvel to Valery Pisigin and
the Bukharin Club in Naberezhnye Chelny

October 9, 1989

Our thoughts and hearts are with you at the fifth Bukharin conference. We salute your remarkable achievements and wish you all success in the struggles ahead. We will be in Moscow from November 1 to December 23.

Steve and Katya

МКО СССР

ФОНД ИМЕНИ
НИ БУХАРИНА

НАБЕРЕЖНЫЕ
ЧЕЛНЫ

89

ПОЧТКАБЕ ИМЕНИ НИ БУХАРИНА

Телеграмма Стивена Коэна и Катрины ванден Хювел
в Набережные Челны Валерию Писигину
и Политклубу имени Бухарина

9 октября 1989 года

Наши сердца и мысли с вами на пятой бухаринской конференции. Приветствуем ваши замечательные достижения и желаем успеха в дальнейшей борьбе. Будем в Москве с 1 ноября по 23 декабря.

Стив и Катя

Stephen Cohen's letter to Robert Conquest,
a British-American historian and poet

July 28, 1997

Dear Bob,

On the matter of rescheduling the Bukharin trial to a later date, I don't understand your reference to arrest dates in rehabilitation documents, but we have from prison and Stalin archives more direct evidence.

– Bukharin's prison letter to his wife Anna, dated Jan. 15, 1938, begins by saying that he is writing «on the eve of the trial.» Obviously, he thought it was about to begin, and that indeed was the main purpose of his letter. At the middle of the letter, referring to his prison writings, he specifies the «first seven chapters of a novel.» In fact, he lived long enough to write 22 chapters – that is, another 15 – as we now know from the manuscripts I got out of the Presidential (Stalin) Archives. But in the novel manuscript, only chap. 7 had written at the end, «end of chapter [7]» – B's way of indicating that the novel was unfinished. No earlier or subsequent chapter had such a note; again, he thought time had run out in January 1938.

- There is, in addition, in the NKVD protocols of his «investigation» and «interrogations,» clear evidence that the «case» took a new turn late in 1937, when Vyshinsky and Sheinin began to show up in his cell in place of Kogan, demanding his confession to grander crimes, including a 1918 plan to assassinate Lenin, etc. And they were adding co-conspirators by now. Bukharin resisted – eventually he denied all these charges in the courtroom – and that, along with other complications, probably delayed the trial at least to January. Something more must have happened in mid – or late January to push the trial to March, but it is here that the NKVD/Stalin Archive written record breaks off, at least so far as I have been able to explore it. I suspect that at this point things became very high-level and mostly oral – negotiations done by Stalin's agents (Ezhov, Vyshinsky, Sheinin, et al.) directly with Bukharin in his cell without a formality of written protocols. To explore this possibility, one needs to examine closely the record of visitors to Stalin's office from Jan. to March 1938 (as recently published in Ist. Arkhiv), but I haven't yet done this. I might also learn the schedule of Bukharin's transfer from Lubyanka cell to cell, as prelude to scheduled and revised trial dates, but I've not yet fully done so.

- One other piece of evidence suggests that perhaps the trial was originally scheduled for December. That is Bukharin's prison letter to Stalin dated Dec. 10, 1937. Some of its words and tone indicate that Bukharin thought his death was only a short time away, perhaps days, or at least the trial.

Whatever the case, clearly this trial was more complicated, ambitious, difficult than the two earlier ones, and problems persisted right up to its opening day in March 1938.

All best,
Steve C.

Письмо Стивена Коэна Роберту Конквесту,
британо-американскому историку и поэту

28 июля 1997 года

Дорогой Боб,

По поводу переноса бухаринского процесса на более позднюю дату – я не понимаю твоей ссылки на даты ареста в документах по реабилитации, но у нас есть более прямые свидетельства из тюрьмы и сталинского архива.

– Письмо Бухарина из тюрьмы жене Анне, датированное 15 января 1937 года, начинается со слов, что он пишет «накануне суда». Очевидно, что он думал, что процесс вот-вот начнется, и, собственно, поэтому написал это письмо. В середине письма он, ссылаясь на свои тюремные рукописи, упоминает «первые семь глав романа». На самом деле, он прожил еще достаточно долго, чтобы написать 22 главы-то есть, еще 15 – как мы знаем теперь из рукописей, которые я добыл в Президентском (Сталинском) архиве. Но в рукописи романа только глава 7 оканчивается словами «конец главы [7]» – бухаринский способ показать, что роман остался незакончен. Ни одна последующая или предыдущая глава такой приписки не имеет; то есть опять же, он думал, что его время вышло, уже в январе 1938 года.

– Кроме того, в протоколах НКВД, касающихся «расследования» и «допросов», есть явное свидетельство того, что дело приняло новый оборот в 1937 году, когда вместо Когана к нему в камеру начали наведываться Вышинский и Шейнин, требуя от него признания в более серьезных преступлениях, в том числе, в подготовке убийства Ленина в 1918 году и т. д. И теперь они добавили ему сообщников. Бухарин сопротивлялся – в конце концов он отверг все эти обвинения в суде – и это, наряду с другими слож-

ностями, возможно, отсрочило процесс как минимум до января. Что-то еще, должно быть, случилось во второй половине января, что передвинуло дату на март, но именно здесь записи из архива НКВД / Сталина обрываются, во всяком случае, насколько мне удалось разузнать. Я подозреваю, что с этого момента дело перешло на самый высокий уровень и велось в основном устно – сталинские агенты (Ежов, Вышинский, Шейнин и др.) напрямую вели переговоры с Бухариным в его камере, не связывая себя формальным ведением протокола. Чтобы это узнать, надо изучить внимательно журнал посетителей кабинета Сталина в период с января по март 1938 года (недавно опубликован в «Историческом архиве»), но я этого еще не сделал. Можно было бы изучить график перемещений Бухарина из одной камеры в другую, что служило показателем намеченной, а затем перенесенной даты суда, но этого я тоже еще до конца не сделал.

– Есть еще одно свидетельство, позволяющее предположить, что изначально процесс планировался на декабрь. Это тюремное письмо Бухарина Сталину от 10 декабря 1937 года. Кое-что в его содержании и тон показывают, что Бухарин думал, что ему осталось жить совсем немного, может, считанные дни – ну, или считанные дни до процесса.

Как бы там ни было, ясно, что этот процесс был более сложным, амбициозным, трудным, чем предшествующие два, и проблемы сохранялись вплоть до дня открытия в марте 1938 года.

Всего наилучшего,
Стив К.

Robert Conquest's letter to Stephen Cohen

July 29, 1997

Dear Steve,

The arrest dates are given in *Izvestiya TsK KPSS*, though I don't have them to hand. My point was that some arrests, I think Kryuchkov for example, coming late seem to show that their side of the trial had not hitherto been developed. Perhaps this applies to the «Left» of 1919? I'll check this.

And will also have a check of (and send you) the Stalin datebook for late 37 – early 38.

It occurs to me (or did we think of this before) that though Kogan won't be rehabilitated, his wife must surely have been shot or at least imprisoned, and if her daughter or other relative applied for her rehab, this might produce some of his material. – Though how did Zhukovsky's son get his file?

Many thanks for the book, just arrived. It has some useful stuff: especially on the Army side. And also on figures, to some extent. And on other matters. Thanks.

Otherwise: letter from Brent saying they've signed the Gulag contract, and who do I suggest for *Us* editor. When I called, Brent was out, until 4 August. Will try again then I thought I'd suggest Brovkin – not his period, but well within his powers, I think.

I quite agree that having Vyshinsky and Sheinin into it in late 1937 is, with your chapter 7 evidence, proof enough. Do we have any similar material on Rykov or others in the case?

All the best,

Bob

Письмо Роберта Конквеста Стивену Коэну

29 июля 1997 года

Дорогой Стив,

Даты ареста даны в «Известиях ЦК КПСС», но у меня их нет сейчас под рукой. Моя идея заключалась в том, что некоторые аресты, например, Крючкова, произошли позже, и, видимо, это говорит о том, что их сторона процесса к тому времени не была разработана. Возможно, это связано с «левыми» в 1919 году? Я проверю.

Я также проверю (и пришлю тебе) сталинский журнал посещений за конец 1937-начало 1938 года.

Мне пришло в голову (или мы думали об этом раньше), что хотя сам Коган не будет реабилитирован, его жена наверняка была расстреляна или как минимум сидела, и если дочь или кто-то другой из родственников подавал на ее реабилитацию, могли обнаружиться материалы по нему. Как-то же сын Жуковского добыл его дело?

Большое спасибо за книгу, только что получил. Там есть кое-что важное, особенно про армию. И в какой-то степени цифры и другие вещи. Спасибо.

К другим вопросам: письмо от Брента о том, что они подписали контракт по Гулагу, и кого я вижу редактором с нашей стороны. Когда я позвонил, Brent был в отъезде до 4 августа. Попробую еще, а пока я подумал, что предложил бы Бровкина – это не его период, но, думаю, ему вполне по силам.

Я совершенно согласен, что история с Вышинским и Шейниным в конце 1937 года и твоя глава 7 являются вполне доказательными. А есть у нас что-то похожее по Рыкову и другим фигурантам?

Всего наилучшего,

Боб

A letter of Georgi Derluguian,
a Russian and American sociologist and historian,
to Stephen Cohen

November 22, 2004

Dear Professor Cohen,

Please, forgive my taking four weeks to reply to your kindest letter! The period has been like in an East European joke, between little disasters of life and its joys in the form of many dear visitors from the places like Karabagh.

Regarding your important question, I never wrote specifically about the Bukharinist debates in provincial towns. But I mention the fact in both my monographs, specifically chapters four and six, and in Table 4 where it gets coded generically as «investigation of Stalinist crimes». There is also an old article «Ethnic Separatism in Chechnya and Tatarstan: Sources and Resources» published in the obscure International Journal of Public Administration – I don't even happen to have a copy myself (which proved a minor nuisance during my tenure review).

Your book and your name achieved a cult status which lasted for about a year but has been for the duration of this phase of perestroika both intense and expansive. One measure of your thesis' fame is that it was not even necessary to read the actual source. Pretty much like with, say, Fukuyama whom I doubt many people really read, everyone at some point seemed to believe that they knew what it was about and wielded it as authoritative opinion. The importance of your argument was directly related to the widespread sentiment that a better Soviet order was indeed possible and the despotic rigidity of communal economy was not without alternatives, in past and therefore in the present of the mid-1980s.

Your book was not read widely enough for mainly the technical reasons – it was not easily available, but the urgency

was such that the message spread in journalistic renditions and through interpersonal networks mainly among the younger educated Soviets. In my own work I used to ask the standard question «What about Bukharin's biography by Stephen Cohen?» and invariably it became apparent that my interviewees could readily recognize the subject matter and often felt enthusiastic and nostalgic about that enthusiasm (since all my interviews were conducted much later). For instance, if you run into the foreign minister of Chechen separatists Dr. Ilyas Akhmadov (who now lives in Washington DC, I believe), try asking him what did he read when he was a graduate student at Rostov State University. Or, rather, Akhmadov himself would immediately recognize you. The same would apply to the activists of Azerbaijan's Popular Front (also in Washington, I suggest trying Jayhoon Molla-zadeh, now an oil lobbyist and consultant), or Boris Lvin, Russian economist at the World Bank (Lvin is a precious source as he had been in Leningrad the man who once presided over the perestroika discussion club whose members were the young Andrei Illarionov and Anatoly Chubais). In Novosibirsk, try Yakov London, today a local media tycoon who recently ran for mayor. In Novosibirsk, of course, you were very famous at the time, and not only in the elitist Akademgorodok but also in the less prestigious universities of which there were many. Or ask Gennady Burbulis who in the mid-1980s was sort of an oppositionist guru while officially a junior instructor in Scientific Communism in Sverdlovsk. In Georgia, ask Ghia Nodia (who frequently comes to America and in fact was my guest in October, Nodia is a brilliant speaker). In Armenia, virtually the whole future cadre of the Karabagh Committee were very aware of your book. In Kharkiv, Ukraine, ask the rector of National University Prof. Bakurov, their dean of Philosophy faculty Prof. Mamalui, or especially the theoretical erudite Olexander Fisun. Shall I go on? The club in Naberezhnye Chelny was simply most noticeable example. Many such clubs

existed, more or less informally, and majority did not have a special name. A typical revolutionary headiness that spreads like contagion (there are sociological theories in this regard – on social «contagion» or resonance).

Please, send me a copy of your book on Failed Crusade – signed, if you please. I will cherish it.

Will you be at AAASS this year? I have been once before but this year simply must attend and I can finally afford to, institutionally – despite my being a sociologist.

Искренне Ваш,
Георгий Дерлугьян

Письмо Георгия Дерлугьяна,
российско-американского социолога и историка,
Стивену Коэну

22 ноября 2004 года

Уважаемый профессор Коэн,

Я прошу прощения, что мне понадобились четыре недели, чтобы ответить на ваше такое любезное письмо! Это был период, как в восточноевропейской шутке, что-то между небольшими стихийными бедствиями и радостями жизни в форме визитов многочисленных дорогих гостей из разных мест вроде Карабаха.

Относительно вашего главного вопроса: я никогда не писал специально о дискуссиях на тему Бухарина в провинциальных городах. Но я упоминаю об этом факте в обеих моих монографиях, конкретно в главах 4 и 6 и в Таблице 4, где они проходят под общим грифом «расследование преступлений сталинизма». Есть также старая статья «Этнический сепаратизм в Чечне и Татарстане: источники и ресурсы», опубликованная в малоизвестном журнале International Journal of Public Administration –

так вышло, что даже у меня не имеется ни одного экземпляра (что обернулось небольшим конфузом во время моей университетской проверки на соответствие должности).

Ваша книга и ваше имя достигли культового статуса, который длился около года, но повышенным вниманием пользовались на протяжении всей этой фазы перестройки. Слава вашей книги измерялась уже тем, что ее необязательно было читать. Это примерно так же, как, скажем, с Фукуямой, которого мало кто реально читал, но все, похоже, в какой-то момент уверены, что знают, о чем речь, и соглашаются как с авторитетным мнением. Важность вашей темы была напрямую связана с распространенным чувством, что улучшенная версия советского порядка действительно была возможна и что деспотическая жесткость коммунальной экономики не была безальтернативной – ни тогда, ни теперь, в середине 1980-х годов.

У вашей книги не было широкого круга читателей по чисто техническим причинам: ее было не достать, – но потребность была такова, что ее основные идеи распространялись через публицистику и посредством межличностных связей, в основном в среде образованной советской молодежи. В своей практике я обычно задавал стандартный вопрос: «Как насчет бухаринской биографии Стивена Козна?», и неизменно выяснялось, что интервьюируемый знаком с предметом и воспринимает его с энтузиазмом и ностальгией (поскольку свои опросы я проводил гораздо позже). Например, если вы случайно встретитесь с министром иностранных дел чеченских сепаратистов д-ром Ильясом Ахмадовым (он, по моим сведениям, живет теперь в Вашингтоне), спросите его, что он читал в аспирантуре Ростовского государственного университета. Хотя, скорее всего, он сам вас сразу же узнает. То же можно сказать про активистов Народного фронта Азербайджана (тоже в Вашингтоне; я бы посоветовал Джейхуна Молла-заде, он там сейчас нефтяной лоббист и консультант) или про Бориса

Львина, русского консультанта Всемирного банка (Львин является ценным источником, поскольку когда-то в Ленинграде был председателем перестроечного дискуссионного клуба, членами которого были молодые Андрей Илларионов и Анатолий Чубайс). В Новосибирске спросите Якова Лондона, ставшего местным медиамагнатом и недавно баллотировавшегося в мэры. Вообще в Новосибирске вы были очень знамениты в то время и не только в элитном Академгородке, но и в менее престижных университетах, которых там много. Или спросите Геннадия Бурбулиса, который в середине 1980-х был своего рода оппозиционным гуру, хотя официально занимал должность младшего преподавателя научного коммунизма в Свердловске. В Грузии спросите Гию Нодиа (который часто бывает в Америке и в октябре был у меня в гостях; Гия блестящий оратор). В Армении практически все члены будущего Карабахского комитета были хорошо знакомы с вашей книгой. В Харькове (Украина) спросите ректора Национального университета профессора Бакирова, декана философского факультета профессора Мамалуя и особенно теоретика и эрудита Олександра Фисуна. Нужно ли продолжать? Клуб в Набережных Челнах был просто самым заметным примером. Существовало много подобных, более или менее неформальных, клубов, большинство из которых никак не назывались. Типичное революционное поветрие, которое распространялось подобно инфекции (существуют социологические теории на это счет).

Пожалуйста, пришлите мне свою книгу о провале крестового похода – если можно, с подписью. Я буду очень благодарен.

Вы будете на конференции AAASS в этом году? Я однажды был, но в этом году просто обязан поехать и наконец могу себе это позволить институционально – хотя я и социолог.

Искренне ваш,
Георгий Дерлугьян

Stephen Cohen's opening speech at the memorial service in honor of Professor Robert Tucker

Princeton, October 1, 2010

I) We are gathered today to remember and memorialize Robert Charles Tucker, or Bob, as most of us here came to know him.

I am Stephen Cohen, and I welcome and thank each of you for being here on behalf of Bob's family – his wife and companion of 64 years, Evgeniya (Zhenya); his daughter Elizabeth (Liza) Tucker; his son-in-law Robert English; and their two children (Bob's grandchildren), Katia and Alex. Also on behalf of Princeton's department of politics, Bob's university home, after nearly 5 years at Indiana University, for the next 22 years, and on behalf of Bob's former students, colleagues, and friends of many students who are here today.

I have the very great honor of presiding today for two related reasons; Bob's family asked me to do so.

And because I am part of the legacy of Robert C. Tucker, perhaps even more, due to my age, than are Bob's other former students here today. For a full 50 years, from the time I had the great fortune to become Bob's student at Indiana University in 1960, he was my essential mentor, closest colleague, and dear friend. The plain truth is that anything I have achieved in my own work has been due, in some way, to the mentoring and influence of Bob Tucker – including my 30 years as a Princeton professor, every interpretive question, big subject, and large idea I have pursued; and every book I have published, from the first one in 1973 to the most recent just last week.

Still more, Bob was my constant friend throughout my adult life, including my two family lives: my oldest daughter, Alexandra Tucker Cohen, bears his name, Bob was my best man at my marriage to Katrina vanden Heuvel (who is, of

course, here today), in 1988, and all three of my children, including my youngest, Nika (a Princeton student who is also here today), called him «Uncle Bob.»

In short, very much that has been good and rewarding in my life has been due significantly to Bob's mentoring and friendship – and that is still the case today. Without Bob, my life would have been very much less in very many ways.

II) More generally, the memorial service today, no matter how well we speak, cannot possibly pay full tribute to Bob's life, professional achievements, and enormous scholarly influence.

A lesser reason is that the Princeton chapel permits only about 75 minutes for a memorial service, and therefore I have had to limit each of our speakers to 5–6 minutes.

But even if we had a full day – and Russian-style a night – we could not speak adequately of everything Robert Tucker was, and will remain. Not even the admiring' obituaries in the New York Times and Washington Post; nor the one I wrote for Bob's many readers, admirers, and friends in Russia; nor the obituary 5 of his former students (all of us here today) are trying to write for the Slavic Review – can do justice to all that Bob accomplished or all that he meant to so many people, and to his country.

Today, however, is only the first of the remembrances and tributes to Bob's life and work that will follow in the months and years ahead. (A special roundtable, eg, is already scheduled for the National Convention of Russianists in Washington in November 2011.)

As for today, having limited my fellow-speakers to 5–6 minutes, I will now try not to exceed that limit myself. In particular, I will not attempt to tell Bob's life story or to identify even his most important publications. Other speakers will no doubt have something to say about that, and, in addition, you can turn to the «In Memoriam» biography in your program.

III) Instead, I've tried to think of brief generalizations that might summarize the most important aspects of Robert Tucker's life and work. I've settled on 5. A few may seem a bit provocative, but they are meant to provoke us into thinking and rethinking about who and what Bob was.

1. First, I think Robert C. Tucker was the single most important scholar in the history of American (and possibly Western) Russian studies. This was not because Bob trained more doctoral students than did other major figures. He did not.

Instead, this was because he published an astonishing number of seminally influential books and articles in an astonishing number of fields, academic disciplines, and sub-disciplines – from philosophy and Russian area studies to political science, history, leadership studies, and comparative theory.

– Nor did Bob tower because, as Marx said of Ricardo, of the barrenness of the landscape around him. There have been many other major figures in the history of Russian studies. Some might say, eg, that George Kennan, Bob's close friend, was the preeminent American. Certainly, Kennan was a great figure. But his influence was limited largely to policy-making and diplomatic history. Bob's scarcely knew any scholarly limitations.

– For a very long time, many scholars have followed in Bob's shadow and stood on his shoulders. And they will continue to do so.

– Not incidentally, the growing number of Russian scholars who know Bob's work feel the same. When I informed a major Russian historian of Bob's death, he replied simply: «We know who we have lost.»

2) Second, why was Robert Tucker such a towering figure? My answer is that it was because he was not primarily a Russian area specialist, a political scientist, a historian, or a biographer, though he was all of those. It instead was because Bob was first and foremost an intellectual – a thinker. He was always in pursuit of ideas and interpretation (his own and oth-

ers), but also always on the trail of empirical evidence, facts, for those ideas.

As an intellectual, a thinker, Bob had few peers in the history of Anglo-American Russian studies. Certainly, George Kennan. Possibly, Leonard Shapiro. I challenge you to think of others.

– In any case, there are no such multi-dimensional thinkers among us today and in that respect too, we should understand who we have lost.

3) Third, Bob's great subject was politics in the very fullest meaning of the word. But he was never, unlike many in our field, a political ideologue. He was, eg, an American patriot, but never a cold warrior. He hated what Stalin and his heirs did, but he loved Russia and never doubted its capacity to change. Also unlike many intellectuals, in America and in Russia, Bob believed in the people.

But Bob also cared passionately about contemporary politics, both in his own country and in Russia. And he had his deep-rooted political values. What they were was reflected in his great admiration for two political figures: the failed American presidential candidate, Adlai Stevenson, and the great Soviet – era dissenter, Andrei Sakharov. Like them, Bob was an old – fashioned liberal, in the most democratic meaning of the word, and a bit utopian.

4) Fourth, Bob's virtues as a man, friend, and teacher should not be minimized. In truth, like all great intellectuals, he was a complex person – capable of anger, dark moments, and testing personal relationships. (Having studied the horror of Stalinism for decades, could it have been otherwise?)

But the larger truth is that Bob was in the end always a deeply caring and compassionate man. Even he and I, eg, had our disputes, but Bob never let them fester or remain unresolved. Similarly, he had many students unworthy of his high standards and aspirations, but he never turned his back on them. He always helped them find their comfort level and place in the field.

Indeed, in our 50 years together, I only twice perceived cruelties in Bob, and they weren't really that. One was when we were in his graduate seminar at Indiana and he tapped loudly and repeatedly on his pocket watch when we approached the time limit for our presentations. The other, years later, was when he destroyed me on the tennis court with a cunning, relentless array of powerless but-impossible-to-return slices and drop shots. I never played tennis with him again.

5) Finally, a generalization that is a prediction.

The great Russian poet, and author of *Dr. Zhivago*, Boris Pasternak, once remarked that an afterlife is how, and for how long, a person is remembered, and not only by the person's loved ones.

I am certain that the afterlife of Robert C. Tucker will be at least as long and as exemplary as was his earthly life. That his writings and ideas will long survive him.

Certainly, we, his students, will never forget him or outlive his influence. Nor, I am sure, will our own students, to whom we have passed on his writings and teaching.

Вступительное слово Стивена Коэна
на мемориальной службе в память
профессора Роберта Такера

Принстон, 1 октября 2010 года

I. Мы собрались сегодня, чтобы вспомнить и почтить память Роберта Чарльза Такера, или Боба, как большинство из нас знали его.

Я, Стивен Коэн, и я приветствую и благодарю всех вас за то, что вы пришли, прежде всего от имени семьи Боба: его жены и компаньона на протяжении 64 лет Евгении

ROBERT CHARLES TUCKER

May 29, 1918 – July 29, 2010

The IBM Professor of
International Studies Emeritus

Service of Remembrance
and Celebration

Princeton University Chapel

October 1, 2010

(Жени), его дочери Элизабет (Лизы) Такер, его зятя Роберта Инглиша и двух их детей (внуков Боба), Кати и Алекса. А также от лица факультета политики Принстонского университета, который, после пяти лет в Индиане, на 22 года стал университетским домом Боба. И от лица бывших студентов и коллег Боба, а также их друзей, многие из которых собрались сегодня здесь.

Для меня огромная честь председательствовать на сегодняшней службе по двум связанным между собой причинам:

- семья Боба попросила меня об этом;
- потому что я сам часть наследия Роберта Ч. Такера и, возможно, в силу моего возраста, больше, чем любой другой из его студентов. На протяжении 50 лет с момента, когда мне очень повезло стать студентом Боба в Индианском университете в 1960 году, он был моим главным наставником, ближайшим коллегой и дорогим другом. Говоря без прикрас, всем, чего я достиг в своей работе, я обязан наставничеству и влиянию Боба Такера – все 30 лет моей профессорской карьеры в Принстоне, все до одной большие темы и важные вопросы, которые я изучал, и все до одной книги, которые я опубликовал, от самой первой в 1973 году до последней на данный момент, вышедшей на прошлой неделе.

Более того, Боб был моим верным другом на протяжении всей моей взрослой жизни, включая две мои семейные жизни: моя старшая дочь, Александра Такер Коэн, носит его имя, он был моим шафером на свадьбе с Катриной ванден Хювел (разумеется, присутствующей здесь) в 1988 году, и все трое моих детей, включая младшую, Нику (студентку Принстона, которая тоже сегодня здесь), звали его «дядя Боб».

Иными словами, очень многим хорошим и стоящим в моей жизни я обязан в значительной степени наставничеству и дружеской поддержке Боба – и это до сих пор так.

Без Боба моя жизнь была бы обделенной в очень многих отношениях.

II. В более общем смысле, сегодняшняя мемориальная служба, как бы хорошо мы о нем ни говорили, не сможет отдать в полной мере дань памяти жизни Боба, его профессиональным достижениям и огромному научному влиянию.

Одна из причин, хотя и далеко не главная, состоит в том, что Принстонская капелла отвела на службу только 75 минут, поэтому я буду вынужден ограничить речи выступающих 5–6 минутами.

Но даже если бы в нашем распоряжении был целый день (и ночь, если следовать русской традиции), мы все равно не смогли бы дать адекватную оценку тому, чем был и останется для нас Боб. Ни полные уважения некрологи в «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост», ни тот, что я написал для многочисленных почитателей и друзей Боба в России, ни тот, что пятеро его бывших студентов (которые все сегодня здесь) пытаются написать для «Славик Ревью», не могут охватить всего, что сделал Боб и что он хотел сказать своим читателям и своей стране.

Сегодняшняя мемориальная служба, впрочем, только первая в ряду тех памятных мероприятий, что последуют в ближайшие месяцы и годы (например, уже запланирован специальный «круглый стол», который войдет в программу ежегодного съезда русистов в Вашингтоне в ноябре 2011 года).

Что касается сегодняшней службы, то, ограничив выступающих 5–6 минутами, я и сам не буду злоупотреблять отведенным мне временем. В частности, я не собираюсь пересказывать историю жизни Боба или перечислять его хотя бы самые важные публикации. Другие спикеры, несомненно, что-то скажут по этому поводу. К тому же, у вас у всех есть программа сегодняшней службы с биографией Боба.

III. Вместо этого я попытался наметить несколько коротких обобщающих тезисов, которые позволили бы подытожить важнейшие аспекты жизни и деятельности Роберта Такера. У меня получилось пять. Некоторые из них могут показаться провокационными, но так и было задумано, чтобы мы снова и снова возвращались к мысли о том, кем и чем для нас был Боб.

1. Первое. Я считаю, что Роберт Такер был величайшим ученым в истории американского (а, может, и всего западного) россиеведения. Это не потому, что он подготовил больше студентов докторантуры, чем другие известные профессора. Нет. Это потому, что он опубликовал невероятное количество невероятно глубоких и влиятельных книг и статей по невероятно широкому кругу областей, академических дисциплин и субдисциплин – от философии и россиеведения до политологии, истории, психологии лидерства и теории компаративистики.

При этом Боб не возвышался, как выразился Маркс о Рикардо, среди бесплодного пейзажа. История россиеведения знает много других крупных фигур. Кто-то может сказать, к примеру, что Джордж Кеннан, близкий друг Боба, был выдающимся американским деятелем в этой сфере. Кеннан, безусловно, был влиятельной фигурой, но его влияние ограничивалось в основном политической и дипломатической историей. У Боба же практически не было научных пределов.

В течение очень долгого времени многие ученые неотступно следовали за Бобом и стояли у него на плечах, и они продолжают это делать в будущем.

Неслучайно все большее количество российских ученых, знакомых с трудами Боба, чувствуют то же самое. Когда я сообщил крупному российскому ученому о смерти Боба, он сказал просто: «Мы знаем, кого потеряли».

2. Второе. Почему Роберт Такер был выше других? Мой ответ: не потому, что он был в первую очередь спе-

циалистом по России или политологом или историком или биографом, хотя он был и тем, и другим, и третьим, и четвертым. А потому что он был в первую очередь интеллектуалом, мыслителем. Он всегда находился в поиске идей и интерпретаций (своих и чужих), но не менее заботился и об эмпирических доказательствах, фактах для обоснования этих идей.

Как интеллектуал и мыслитель Боб фактически не имел себе равных в среде англо-американского руссиеведения. Да, Джордж Кеннан. Возможно, Леонард Шапиро. Я предлагаю вам подумать, кто еще.

В любом случае, среди нас, живущих, больше нет таких разносторонних мыслителей, и в этом отношении тоже мы должны понимать, кого потеряли.

3. Третье. Главным предметом изучения Боба всегда была политика в самом полном смысле этого слова. Но, в отличие от многих коллег, он никогда не был политическим идеологом. Он был, к примеру, американским патриотом, но никогда – сторонником холодной войны. Он ненавидел то, что делали Сталин и его наследники, но любил Россию и верил в ее способность меняться. А еще, и тоже в отличие от многих интеллектуалов в Америке и в России, Боб верил в народ.

Однако Боб страстно интересовался современной политикой, как в своей стране, так и в России. И у него были свои глубоко осмысленные политические ценности. О том, что это были за ценности, можно судить по двум политическим персонажам, которых Боб особенно уважал: так и не ставший президентом США Адлай Стивенсон и великий советский диссидент Андрей Сахаров. Подобно им, Боб был старомодным либералом, в самом демократическом значении этого слова, а еще немножко утопистом.

4. Четвертое. Нельзя не сказать о достоинствах Боба как человека, друга и учителя. Это правда, что, как все ве-

ликие интеллектуалы, он был сложным человеком: мог рассердиться, поддаться плохому настроению, проверить на прочность личные отношения. (Еще бы, десятилетиями изучать ужасы сталинизма – могло ли быть по-другому?)

Но более важная правда состоит в том, что в конце жизни Боб был очень заботливым и сострадательным человеком. Даже когда мы с ним, к примеру, спорили, Боб никогда не позволял спору, как занозе, уйти под кожу, остаться неразрешенным. Или, скажем, у него всегда было много студентов, которые не дотягивали до его стандартов, заданной им высокой планки, но он никогда не отворачивался от них, а всячески помогал определиться, найти свое место в профессии.

На самом деле, за те 50 лет, которые мы были вместе, я только дважды ощутил суровость Боба, да и то это было не совсем так. Один раз, когда мы были у него на семинаре в Индиане, и он громко стучал по своим карманным часам, когда кто-то затягивал время презентации доклада. А другой, много лет спустя, когда он разгромил меня на теннисном корте безжалостной чередой несильных, но не берущихся резанных и укороченных ударов. Больше я с ним в теннис не играл.

5. И последнее. Оно же предсказание.

Великий русский поэт, автор «Доктора Живаго», Борис Пастернак как-то сказал, что жизнь человека после смерти длится столько, сколько его помнят. И не только близкие.

Я уверен, что посмертная жизнь Роберта Такера будет как минимум такой же долгой и примерной, как и его земная жизнь, и что его труды и идеи намного переживут его.

А мы, его студенты, разумеется, никогда его не забудем и сохраним в себе его влияние. Как, я уверен, и наши студенты, которым мы передадим его теоретическое наследие.

From Stephen Cohen's letter to Nikita Petrov,
The Memorial's archive researcher

February 13, 2012

[...]

You and I may disagree about the June 1937 Plenum. I am not ready to dismiss all the reports of opposition there as «vydumki». To do so would mean dismissing the diary of Piatnitskii's wife, to whom he spoke after Plenum sessions; the book by his son Vladimir Piatnitskii, ZAGOVOR PROTIV STALINA; and reports that circulated in the Soviet Union and abroad (among Mensheviks) in 1937. It's true, these all may be rumors that created more rumors, but Piatnitskii's wife?! In addition, I knew well, in the 1970s, his other son, Igor – a very calm, rational, scientific man, who deeply believed the reports. (Igor gave me the diary to take abroad and publish, which I did.) No less important, how do we explain the very exceptional absence of a plenum stenogram? It is very, very unusual, is it not? I've seen the file. What's there, as I recall, is the agenda and Ezhov's speech. And then words something like «The Plenum was not transcribed». What could this mean? That someone – Stalin or his opponents ordered, when the arguments broke out, that transcriptions stop? Or that the disputed parts of the stenogram were destroyed and this note put in? That is, there is too much evidence that something happened for me to conclude nothing happened. In addition, I have a theory based on my study of Bukharin's dela in Lubianka. Bukharin agree to «cooperate» – that is give false testimony against himself – only after (in June) he was shown the beaten generals or their testimonies against him, or both. Bukharin then understood that if these tough men could not stop or even resist Stalin, no one could. (Until then, he seems to have thought that Stalin would be stopped, or stop himself.) I think the crushing of the generals had the same impact

on the remaining old Bolsheviks on the CC. Now (June 1937) they too understand, at last, they were all doomed. No one was left to stop the terror – except themselves. Their target at the plenum – if this happened – was, of course, Stalin, but they used Ezhov as his proxy, and attacked Ezhov. This is not merely an abstract theory. There is some evidence in the interrogations and confessions of the generals – note the rush – that Stalin himself understood that crushing the military command was the last obstacle to breaking the party elite. Here too Bukharin became a symbol, a proxy, the last (and best) hope of someone they might be able to defend. (I need to study more carefully what these CC members said, and did not say, at the Feb. – March Plenum.) But, yes, it is only my working hypothesis. You may be right. But I wish you would join me in the investigation of this mystery.

[...]

Из письма Стивена Коэна Никите Петрову,
научному сотруднику архива
общества «Мемориал»

13 февраля 2012 года

[...]

В вопросе об июньском (1937 г.) пленуме мы с тобой, возможно, расходимся. Я не готов с ходу отместить как «выдумки» все отчеты оппозиции. Тогда придется отместить и дневник жены Пятницкого, с которой он беседовал после заседаний пленума, и книгу его сына, Владимира Пятницкого, «Заговор против Сталина», и циркулировавшие в 1937 году в СССР и за рубежом (среди меньшевиков) отчеты. Да, возможно, то были только слухи, которые порождали другие слухи, ну а жена Пятницкого?! К тому же, в 1970-е годы я был знаком с другим сыном Пятницкого –

Игорем – очень спокойным, рациональным человеком, ученым, который искренне верил в эти отчеты. (Игорь дал мне дневник, чтобы я вывез его за рубеж и там опубликовал, что я и сделал.) Не менее важный вопрос: как можно объяснить исключительный факт отсутствия стенограммы пленума? Это же очень необычно, разве не так? Я видел папку. Всё, что в ней есть, это повестка дня и речь Ежова. А еще приписка, что-то вроде: «Стенограмма Пленума не велась». Что это могло значить? Что кто-то, Сталин или его оппоненты, приказал остановить стенограмму, когда разгорелись дебаты? Или что спорные части стенограммы были после уничтожены, а взамен сделана та приписка? То есть, для меня слишком много свидетельств того, что что-то произошло на пленуме, чтобы сказать, что ничего не произошло. Вдобавок у меня есть теория, основанная на изучении мною материалов лубянского дела Бухарина. Бухарин согласился «сотрудничать» – то есть дать фальшивые показания против себя – только после того, как ему показали (в июне) избитых генералов или их показания против него (или то и другое). Бухарин понял тогда, что если уж эти сильные мужчины не смогли остановить или хотя бы оказать сопротивление Сталину, то никто не сможет. (До этого он, похоже, думал, что Сталина остановят или он сам остановится.) Я думаю, что такое же воздействие расправа над генералами оказала и на оставшихся старых большевиков в ЦК. Теперь (в июне 1937 года) они тоже, наконец, поняли, что все они обречены. Не осталось никого, кто мог бы остановить террор – кроме них самих. Мишенью их атаки на пленуме – если это произошло – был, естественно, Сталин, но в Ежове они видели полномочного представителя Сталина, поэтому атаковали Ежова. Это не просто абстрактная теория. В материалах допросов и признаниях генералов – обрати внимание на поспешность – есть свидетельства того, что Сталин и сам понимал, что сокрушение военного

руководства открывает ему дорогу к уничтожению партийной элиты. И Бухарин здесь тоже стал символом, представителем, последней (и главной) надеждой того, кого они могли бы защищать. (Нужно изучить более тщательно, что эти члены ЦК говорили и не говорили на февральско-мартовском пленуме.) Но да, это только моя рабочая гипотеза. Возможно, прав ты. Но я бы хотел, чтобы мы с тобой вместе докопались до истины в этой загадочной истории.

[...]

From Stephen Cohen's letter to Zhanna Artamonova,
a researcher of the Russian State Archive of Social and
Political History (RGASPI)

April 12, 2012

[...]

Though I may be «biased» because of my long scholarly involvement with Bukharin, I think that a one or two volume publication based on the 1938 trial would be a very important scholarly, historical and political event. As you know, the 1938 was the culmination of the public face of Stalin's terror. Building on the 1936 and 1937 trials, it was Stalin's «greatest spectacle», not only because Bukharin and Rykov were such important figures in Soviet history. Though the impact of the 1938 trial inside the Soviet Union remains to be studied – as you suggest – we know that its impact in the West was enormous, much greater than that of the 1936 and 1937. So much so that the 1938 has sometimes been called «The Trial of the Century» and the «Greatest Mystery of the 20th century». These are, of course, exaggerations, but they suggest the trial's impact at the time.

Meanwhile, despite the thick published «stenogram», there is so much we do not know about the trial – its preparation and even about what actually happened in the courtroom. There are, for example, as far as I know, no photographs of the defendants, even though there were many photographers, and even kino operators (no doubt NKVD men) in the courtroom! And, as we know, the stenogram was falsified – «corrected» by Stalin, Ulrikh, et al. – before publication.

As you also know, there is now a lot of archive materials on the trial. The full original trial stenogram, with «corrections» written in handwriting, are now at RGASPI (f. 17, op. 24, dd. 393–401, I think). Kosheleva had all these dela in her office for me, but I did not have time to look through all of them. Several years ago, Iurii Murin published two articles analyzing the «corrections» (falsifications) of Bukharin's «Poslednee Slovo» (Novaia I noveishaia istoriia, No.1, 1995; and Istochnik, No. 4, 1996). But no one, I think, has looked at the entire stenogram of the trial and its «corrections». (I noticed, for example, interesting changes in Rykov's testimony.)

[...]

We also have, as you know, Bukharin's manuscripts written in Lubyanka. Most of them, except the poems, have been published in Moscow: UZNIK LUBIANKI (AIRO, 2008) and his novel VREMENA (in several editions). But there is more about Bukharin in Lubyanka. In the 1990s, I worked in that archive, where they gave me the delo Bukharina, including some correspondence with his sledovatel, Kogan, but not everything. (Nikita Petrov says there is in the FSB archive a «lichnoe delo Bukharina» that, according to law, must be made accessible in March 2013, 75 years after Bukharin's execution. I am guessing that in that delo there may be more correspondence than the few letters Bukharin wrote to Stalin and to his wife in Lubyanka, plus more about the roles of Kogan and Ezhov, and possibly even another manuscript.)

I have also collected other materials about the trial, including Western newspapers reports by correspondents who were in the courtroom and even memories of one or two Russians who were in the courtroom. In addition, I located the daughter of Bukharin's sledovatel (he was shot in 1939), who, though young at the time, had some memories of her father and an interesting family album of photos of her father. All of this, I would, of course, contribute to the project. Some of it is referred to in my biography of Bukharin, published in Moscow in 1988; and even more in my introduction to the US edition of Bukharin's prison novel, HOW IT ALL BEGAN.

[...]

Из письма Стивена Коэна
Жанне Артамоновой, научному сотруднику
Российского государственного архива социально-
политической истории (РГАСПИ)

12 апреля 2012 года

[...]

Возможно, я «пристрастен» по причине своей многолетней научной вовлеченности в бухаринскую тему, но я думаю, что публикация одно- или двухтомника, посвященного процессу 1938 года, будет очень важным научным, историческим и политическим событием. Как ты знаешь, процесс 1938 года был кульминацией публичного проявления сталинского террора. Выстроенный по образцу процессов 1936 и 1937 годов, он стал сталинским «величайшим спектаклем» и не только по причине исторической значимости фигур Бухарина и Рыкова. Хотя влияние процесса на внутреннюю политику Советского Союза еще требует изучения – как ты полагаешь – его внешнее воз-

действие на Западе было колоссальным, куда больше, чем воздействие процессов 1936 и 1937 годов. Вплоть до того, что его иногда называли «процессом столетия» и «величайшей загадкой XX века». Это всё, конечно, преувеличения, но они показывают, насколько велико было воздействие процесса в то время.

Меж тем, несмотря на опубликованную пухлую «стенограмму», мы до сих пор многого не знаем о процессе – о его подготовке и даже о том, что на самом деле происходило в зале суда. Нет, например, насколько мне известно, даже фотографий обвиняемых, хотя в зале суда присутствовали многочисленные фотографы и даже кинооператоры (несомненно, сотрудники НКВД)! И стенограмма, как мы знаем, была сфальсифицирована – «подправлена» – перед публикацией Сталиным, Ульрихом и др.

Тебе также известно, что сегодня существует масса архивных материалов по процессу. Оригинал стенограммы в полном виде с рукописными «исправлениями» хранится в РГАСПИ (ф. 17, оп. 24, д. 393–401, по-моему). Кошелева в свое время подобрала эти дела для меня, но у меня не было времени с ними ознакомиться. Несколько лет назад две статьи с анализом «правки» (фальсификации) стенограммы «Последнего слова» Бухарина опубликовал Юрий Мурин («Новая и новейшая история», № 5, 1995 и «Источник», № 4, 1996). Но стенограммой целиком со всеми «исправлениями» никто, по-моему, не занимался. (Я, к примеру, заметил любопытные изменения в показаниях Рыкова.)

[...]

У нас есть, как ты знаешь, тюремные рукописи Бухарина. Большинство из них, за исключением стихов, были опубликованы в Москве: «Узник Лубянки» (АИРО-XX, 2008) и роман «Времена» (несколько изданий). Но существуют и другие документы о пребывании Бухарина на Лубянке. В 1990-е годы, когда я работал в их архиве, мне

дали посмотреть дело Бухарина, включая его переписку со следователем Коганом, но не всё. (Никита Петров говорит, что в архиве ФСБ есть «личное дело» Бухарина, и оно, согласно закону, должно быть рассекречено в марте 2013 года, 75 лет спустя после казни Бухарина. Я полагаю, что в нем могут быть еще письма, помимо тех нескольких, что он написал из тюрьмы Сталину и жене, плюс что-то новое о роли Когана и Ежова и, может быть, даже еще одна рукопись.)

У меня собраны и другие материалы о процессе, включая репортажи западных корреспондентов, присутствовавших в зале суда, и даже воспоминания одного-двух русских очевидцев. Кроме того, я нашел дочь бухаринского следователя (расстрелянного в 1939 году), которая, хотя и была мала в то время, сохранила некоторые воспоминания об отце и довольно любопытный альбом с семейными фотографиями. Я бы хотел, конечно, чтобы все эти материалы вошли в проект. Ссылки на некоторые из них есть в моей биографии Бухарина, опубликованной в Москве в 1988 году, и еще больше – в моем предисловии к американскому изданию бухаринского тюремного романа «Времена» (How It All Began).

[...]

Orlando Figes and Stalin's Victims
By Peter Reddaway and Stephen F. Cohen

The Nation, May 22, 2012

Many Western observers believe that Vladimir Putin's authoritarian regime has in effect banned a Russian edition of a widely acclaimed 2007 book by the British historian Orlando Figes, *The Whisperers: Private Life in Stalin's Russia*. A Professor at University of London's Birkbeck College, Figes him-

self inspired this explanation. In an interview and in an article in 2009, he suggested that his first Russian publisher dropped the project due to «political pressure» because his large-scale study of Stalin-era terror «is inconvenient to the current regime.» Three years later, his explanation continues to circulate.

We doubted Figes's explanation at the time – partly because excellent Russian historians were themselves publishing so many uncensored exposes of the horrors of Stalinism, and continue to do so – but only now are we able to disprove it. (Since neither of us knows Figes or has ever had any contact with him, there was no personal animus in our investigation.) Our examination of transcripts of original Russian-language interviews he used to write *The Whisperers*, and of documents provided by Russians close to the project, tells a different story. A second Russian publisher, Corpus, had no political qualms about soon contracting for its own edition of the book. In 2010, however, Corpus also canceled the project. The reasons had nothing to do with Putin's regime but everything to do with Figes himself.

In 2004 specialists at the Memorial Society, a widely respected Russian historical and human rights organization founded in 1988 on behalf of victims and survivors of Stalin's terror, were contracted by Figes to conduct hundreds of interviews that form the basis of *The Whisperers*, and are now archived at Memorial. In preparing for the Russian edition, Corpus commissioned Memorial to provide the original Russian-language versions of Figes's quotations and to check his other English-language translations. What Memorial's researchers found was a startling number of minor and major errors. Its publication «as is,» it was concluded, would cause a scandal in Russia.

[...]

In summer 2010, representatives of three Russian organizations involved – the publisher Corpus, Memorial, and a foundation, Dynastia (which owned the Russian rights and paid

for the translation) – met to consider what Memorial's researchers had uncovered. According to a detailed account by one participant, the group tried to find a way to salvage the project, but researchers had documented too many «anachronisms, incorrect interpretations, stupid mistakes and pure nonsense.» All of The Whisperers' «facts, dates, names and terms, and the biographies of its central figures, need to be checked,» the participant added. It was too much. A decision was made against proceeding with the Russian edition. After re-examining the relevant materials, Dynastia informed Figes of the decision in an April 6, 2011, letter to his London literary agency.

Indeed, after looking at only a few chapters of the Whisperers, Memorial found so many misrepresentations of the life stories of Stalin's victims that its chief researcher, a woman with extensive experience working on such materials, «I simply wept as I read it and tried to make corrections.» [...]

[...]

The Whisperers may be consistent with Figes's other practices, but for us, longtime students (and friends) of victims of Stalinist and other Soviet-era repressions, the book's defects are especially grave. For many Russians, particularly surviving family members, Stalin's millions of victims are a «sacred memory.» Figes has not, to say the least, been faithful to that memory – nor to the truth-telling mission of the often politically embattled Memorial, which, despite the effort expended, honorably agreed with the decision against publishing the Russian edition. Still more, a great many Russians have suffered, even died, for, as [Robert] Service put it, the «freedom to speak the truth.» Figes has not honored that martyrdom either.

Unfortunately, The Whisperers is still regarded by many Western readers, including scholars, as an exemplary study of Soviet history. These new revelations show, however, that Figes's book cannot be read without considerable caution.

Historians are obliged to be especially meticulous in using generally inaccessible archive materials, but Figes cannot be fully trusted even with open sources. Thus, in *The Whisperers* he also maligns the memory of the late Soviet poet and long-time editor of *Novyi Mir*, Aleksandr Tvardovsky, a bold forerunner of Mikhail Gorbachev's anti-Stalinist thinking, by stating that Tvardovsky «betrayed» his own father to the police during the terror... Figes's allegation has been convincingly refuted in the Russian press.

[...]

In a letter, one of [Memorial's] leading figures recently wrote about Figes, «Many of us have formed an impression of him as being... a very mediocre researcher and incompetent handler of sources who is poorly oriented in his chosen topic, but an energetic and talented businessman.» [...]

Питер Реддауэй, Стивен Коэн
Орландо Файджес и сталинские жертвы

The Nation, 22 мая 2012 года

Многие западные обозреватели убеждены, что авторитарный режим Путина, по сути, наложил запрет на издание в России книги британского историка Орландо Файджеса «Шептуны. Частная жизнь в сталинской России», выход которой в 2007 году так бурно и широко приветствовался. Профессор Биркбекского колледжа Лондонского университета Файджес сам инспирировал это объяснение. В интервью и еще в одной статье в 2009 году он предположил, что его первый российский издатель отказался от проекта из-за «политического давления», поскольку его [Файджеса] масштабное исследование сталинского террора «неудобно для нынешнего режима». Прошло три года, но это объяснение продолжает циркулировать.

Мы уже тогда сомневались в версии Файджеса – отчасти потому что замечательные российские историки сами как публиковали, так и продолжают публиковать многочисленные разоблачения ужасов сталинизма без всякой цензуры – но только сейчас у нас появилась возможность ее опровергнуть. (Поскольку ни один из нас не знаком с Файджесом и никогда не имел с ним контактов, в нашем расследовании не было личной неприязни.) Изученные нами оригиналы русскоязычных интервью, которые он использовал при написании «Шептунов», а также документы, предоставленные нам российской стороной проекта, рассказывают совсем другую историю. Второе российское издательство, Согрус, не имело политических опасений, заключая с ним контракт. Однако в 2010 году оно отказалось от проекта. Причины не имели никакого отношения к путинскому режиму, зато они имели прямое отношение к самому Файджесу.

В 2004 году Файджес заключил со специалистами из общества «Мемориал», уважаемой российской исторической и правозащитной организации, основанной в 1988 году для защиты прав и интересов жертв сталинского террора, контракт о взятии сотен интервью, которые легли в основу его «Шептунов» и хранятся сегодня в архиве «Мемориала». При подготовке русского издания Согрус обратился к «Мемориалу» с просьбой предоставить русскоязычные оригиналы цитат в книге Файджеса и проверить другие его переводы на английский. Выявленное в ходе проверки количество больших и малых неточностей поразило научных сотрудников «Мемориала». Было признано, что публикация книги «как есть» вызовет большой скандал в России.

[...]

Летом 2010 года представители трех вовлеченных российских организаций – издательства Согрус, «Мемориала» и фонда «Династия» (который владел правами на рос-

сийскую публикацию и оплачивал перевод) – встретились, чтобы обсудить результаты проверки, проведенной «Мемориалом». Согласно детальному отчету одного из участников, собравшиеся попытались найти способ спасти проект, но специалистами было зафиксировано слишком много «нарушений хронологии, неточных толкований, глупых ошибок и просто чепухи». Было признано, что все представленные в книге «факты, даты, имена и термины, биографии центральных фигур нуждаются в проверке». Это было слишком. Участники встречи сочли нецелесообразным продолжать готовить русское издание книги. После повторного изучения соответствующих материалов, «Династия» 6 апреля 2011 года уведомила Файджеса о решении разорвать контракт, отправив соответствующее письмо его литературному агенту.

Действительно, просмотрев всего лишь несколько глав «Шептунов», «Мемориал» обнаружил так много неточностей в биографиях фигурирующих в книге сталинских жертв, что их главный научный сотрудник, женщина с огромным опытом работы с подобными материалами, сказала, что она «просто плакала, когда читала это и пыталась вносить исправления». [...]

[...]

Возможно, для Файджеса такой подход не является чем-то из ряда вон выходящим, но для нас, людей, бывших студентами (и друзьями) жертв сталинских и других советских репрессий, недостатки книги кажутся особенно непростительными. Для многих русских, особенно уцелевших членов семей, миллионы сталинских жертв являются «священной памятью». Файджес по меньшей мере не проявил уважения к этой памяти – и к миссии постоянно воюющего за правду «Мемориала», который, несмотря на затраченные усилия, великодушно согласился с решением не публиковать русское издание. И это при том, что очень много русских людей пострадали и даже погибли за то,

что [Роберт] Сервис назвал «свободой говорить правду». Эти жертвы Файджес тоже проигнорировал.

К сожалению, «Шептуны» до сих пор считаются на Западе, даже среди ученых, образцовым примером исследования советской истории. Однако эти новые разоблачения показывают, что книгу Файджеса нужно читать с большой осторожностью. Историки должны проявлять особую скрупулезность, используя недоступные широкой публике архивные материалы, но Файджесу нельзя в полной мере доверять даже в том, что касается открытых источников. Так, в «Шептунах» он умудрился очернить память покойного советского поэта и многолетнего редактора «Нового мира» Александра Твардовского, смело предвосхитившего антисталинистское мышление Горбачева, заявив, что тот «сдал» своего отца органам в годы террора... Это обвинение было убедительно развенчано в российской прессе.

[...]

В недавнем письме один из ведущих деятелей «Мемориала» так написал о Файджесе: «У многих из нас сложилось впечатление о нем как... очень посредственном исследователе и некомпетентном пользователе источников, который плохо ориентируется в выбранной теме, но при этом энергичном и талантливом бизнесмене». [...]

From Stephen Cohen's letter
to Zhanna Artamonova

October 5, 2012

[...]

As you know, I am preparing a new edition of my biography of Bukharin, which was published in the USA in 1973 and in Russia in 1989, before, that is, I had any access to archive

materials. In the new edition, I want to accomplish two things. Turn the book from a «political» biography to a full personal biography. And second, I want to fill out some historical, political episodes that I could not write fully about in the original edition. For the first, I need to learn everything I can about Bukharin's personal life, including his family and his wives. About the wives, I know a lot now, except about Lukina, his first «wife». Except for the pseudonymous portrait of her as a young child in Bukharin's autobiographical prison novel, VREMENA, I know almost nothing about her except later in life. (This from the memoirs of Anna Larina and archive documents about what happened to Lukina in Lubianka in 1938–40.) Bukharin considered Lukina his wife from sometime before or just after his exile from Russia, in 1911, until the early or mid-1920s, when Esfir Gurvich became his wife. But Bukharin remained close to Lukina to the end, and she defended him to the end. By the way, Lukina had two brothers, Mikhail and Nikolai. Mikhail Lukin was later a famous Soviet historian. All died in Stalin's terror.

Here are the main questions I hope the letters will answer:

1. What was the reality of Bukharin's «husband-wife» relationship? (Like many revolutionaries, they did not actually marry in the legal sense.) The question arises for several reasons. Nadezhda (born in 1887) and Bukharin (born in 1888) were first cousins and childhood friends. Nadezhda had, perhaps from childhood, a spinal disease that made her an invalid later in life. They had no children, though Bukharin had a child with each of his next two wives. I do not know Nadezhda's relationship with Bukharin while he was married to Gurvich, but when he lived in the Kremlin in the 1930s, Nadezhda lived here with him. And she continued to live in the Kremlin with him (and Anna Larina) when he was married to Larina. Larina accepted this as normal. And Nadezhda's devotion to Bukharin was unwavering. She wrote letters to Stalin defending Bukharin before and after his arrest. And

in Lubyanka, she went to her death, despite being tormented, without ever testifying against Bukharin or denouncing him, even though both of her brothers were «broken» and [gave] testimony against both Nadezhda and Bukharin.

So, as you will understand, I wonder if their relationship was ever a full «marriage» including a sexual relationship. In the parts of the letters I could read, Bukharin expressed enormous affection for Nadezhda; he was always «tenderly kissing her hands». But is there any evidence in the letters – one way or the other – of physical passion, longing, need, etc.? Anything to suggest whether their relationship was more than that of very dear, platonic friends since childhood? Your instincts both as a historian and as a woman might give me the answer.

2. Second, and perhaps related, is there in Bukharin's letters any discussion of their family members – Nadezhda's or Bukharin's. Bukharin had a mother, father, and two brothers. If so, I would like to know any information about them there and anything this might reveal about the relationship between Nadezhda and Bukharin.

3. Third, where exactly was Nadezhda, and what was she doing, after Bukharin left Russia in 1911? As I recall, in his letters to her there was on his part some hope or expectation that she would join him in exile. Was this serious on his part? Did she ever join him, and if so, where and [when]?

4. Fourth, most of the letters are undated, but you might learn from their internal contents when approximately they were written. Also, how did Bukharin send them to Russia – openly or *na levo*? And where was he when he wrote individual letters?

5. Finally, anything else you might find that you think I should know would be helpful.

[...]

Из письма Стивена Коэна
Жанне Артамоновой

5 октября 2012 г.

[...]

Как ты знаешь, я сейчас готовлю новое издание моей биографии Бухарина, вышедшей в США в 1973 году, а в России в 1989, то есть до того, как я получил доступ к архивным материалам. В новом издании я хочу достигнуть двух целей. Превратить книгу из «политической» биографии в полноценную персональную биографию. И второе, я хочу восполнить некоторые политические, исторические эпизоды, которые я не мог прописать полностью в первом издании. Для первой цели мне нужно узнать все, что я могу, о личной жизни Бухарина, включая его семью и его жен. О женах мне уже известно многое, за исключением Лукиной, его первой «жены». Кроме ее детского портрета, содержащегося (под чужим именем) в автобиографической, написанной Бухариным в тюрьме, повести «Времена», я не знаю о ней почти ничего до позднего этапа ее жизни. (О нем я знаю из воспоминаний Анны Лариной и архивных документов о пребывании Лукиной на Лубянке в 1938–40 годах.) Бухарин считал Лукину своей женой с момента либо до, либо сразу после его ссылки и нелегальной эмиграции из России в 1911 году и где-то до начала или середины 1920-х годов, когда его женой стала Эсфирь Гурвич. Но он до конца оставался близок с Лукиной, и она до конца защищала его. Между прочим, у Лукиной было два брата, Михаил и Николай. Михаил Лукин стал известным советским историком. Оба погибли во время сталинского террора.

Вот главные вопросы, на которые я надеюсь найти ответы в этих письмах [письмах Бухарина к Лукиной из ссылки и эмиграции]:

1) Чем в действительности были их «супружеские» отношения? (Как многие революционеры, они не были женаты официально.) Вопрос возник по нескольким причинам. Надежда Лукина (1887 г.р.) и Бухарин (1888 г.р.) были двоюродными братом и сестрой и дружили с детства. Надежда, возможно с детства, страдала заболеванием позвоночника, которое позднее сделало ее инвалидом. Детей у них не было, хотя от каждой из двух следующих жен Бухарин имел по ребенку. Я не знаю, каковы были отношения Надежды с Бухариным в ту пору, когда он был женат на Гурвич, но в 1930-е годы, когда он жил в Кремле, Надежда жила с ним там же. И продолжала жить с ним в Кремле, когда он женился на Анне Лариной. И Ларина воспринимала это нормально. И преданность Надежды Бухарину была непоколебимой. Она писала письма Сталину в защиту Бухарина до и после его ареста. И на Лубянке она пошла на смерть, даже под пытками не дав показаний против Бухарина и не опорочив его, при том что оба ее брата «сломались» и дали показания и против нее, и против Бухарина. То есть, как ты поймешь, меня интересует, были ли их отношения полноценным «браком», включавшим сексуальные отношения, или нет. В тех частях писем, которые я сумел прочесть, он обращается к Надежде с большим чувством; всегда «нежно целует руки». Но есть ли в этих письмах какое-либо указание – с его или с ее стороны – на наличие физической близости, страсти, влечения и т. д.? Чего-то, что позволяет предположить, что их отношения были чем-то большим, чем нежные платонические отношения друзей с детства? Твоя историческая и женская интуиция могли бы мне подсказать.

2) Второй вопрос, возможно, связанный с первым: есть ли в письмах что-то о членах семей Бухарина или Надежды? У Бухарина были мать, отец и два брата. Меня интересует любая информация о них и как эта информация может пролить свет на отношения Надежды и Бухарина.

3) Третий вопрос: где конкретно находилась Надежда и чем занималась после того, как Бухарин был сослан в 1911 году? Насколько я помню, в его письмах сквозила некая надежда или ожидание, что она может приехать к нему в эмиграцию. Было ли это серьезно с его стороны? Приезжала ли она к нему, и если да, то где и когда это было?

4) Четвертое: большинство писем без даты, но ты могла бы понять по их содержанию, когда примерно они были написаны. И еще: как Бухарин посылал их в Россию – открыто или «налево» [нелегальными каналами]? И где он находился, когда писал то или иное письмо?

5) И, наконец, все прочее, что, по твоему разумению, могло бы оказаться для меня полезным.

[...]

From Stephen Cohen's letter to Olga Maksakova,
the wife of Yuri Larin, Nikolai Bukharin's
and Anna Larina's son

November 11, 2012

[...]

...But I agree: after the death of A.M. [Anna Mikhailovna], the relationship between me and Yuri should have grown ever fuller and closer. Both of us lost someone dear to us. (I still feel the *otsutstvie* [absence] of A.M.) This is also why I feel even now that it is my duty to Yuri to keep alive the memory of N.I. [Nikolai Ivanovich Bukharin] and A.M. in Russia and to defend their memories. This requires a lot of work. It also requires – as I said before – money. All the books about the Bukharin's family published by Bordiugov, or by the Fond of N.I. and A.M. [Bukharin], require subsidies from me. So will

the two volumes based on archive documents which I found, about N.I.'s trial, which will be based by the foundation of Alexandr Yakovlev in late 2013, around the time of N.I.' jubilee. Even discovering the photos of A.M. and baby Yuri took much time and money (the cost of travelling to Moscow and living in a hotel). Part of all this is for me, for my new edition of BUKHARIN, but because it continues the work Yuri, A.M. and I began many decades ago... You understand.

[...]

Из письма Стивена Коэна Ольге Максаковой,
жене Юрия Ларина, сына Н.И. Бухарина
и А.М. Лариной

11 ноября 2012 года

[...] Но я согласен: после смерти А.М. [Анны Михайловны] наши отношения с Юрием должны были стать ближе и полнее. Мы оба потеряли дорогого нам человека. (Я до сих пор ощущаю отсутствие А.М.) Еще и поэтому я чувствую даже теперь, что это мой долг перед Юрием – сохранить живую память об Н.И. [Николае Ивановиче Бухарине] и А.М. в России и защищать эту память. Это требует очень большой работы. И это также требует – как я говорил – денег. Все книги о семье Бухарина, издаваемые Бордюговым или Фондом Н.И. и А.М. [Бухариных], требуют моих субсидий. И то же относится к двухтомнику найденных мной архивных документов о процессе Н.И. [Бухарина], который будет издан фондом Александра Яковлева в конце 2013 года к юбилею Н.И. Даже на то, чтобы раздобыть фотографии А.М. с младенцем Юрием, потребовались время и деньги (стоимость поездки в Москву и проживания в гостинице). Отчасти это всё для меня, моего

нового издания «Бухарина», но и потому что это продолжает дело, начатое Юрием, А.М. и мной много десятилетий назад. Ты понимаешь.

[...]

From Stephen Cohen's letter to Yuri Larin
(c/o Olga Maksakova)

December 28, 2012

[...]

As you probably know, I have been working for several years on a new, expanded edition of my biography of N.I. [Nikolai Ivanovich Bukharin], the book that you and E.A. [Eugeny Alexandrovich Gnedin] so wonderfully translated into Russian, and thereby changed many things in the Soviet Union. The new edition – in English and in Russian, which will continue to acknowledge the translation by «Chetvergov», – will be the same book but supplemented by the new materials I have collected over many years. Most of these materials are from archives, though not all of them. There will also be A.M.'s memoirs, materials you have given to me, etc.

I have almost finished the research, but one important source remains. When I worked in the Lubyanka archives in 1990s – as you will recall, as the doverennoe litso of A.M. [Anna Mikhailovna Larina] – the authorities gave me many dela. They did not, however, give me two dela regarding N.I.: operativnoe delo and «Lichnoe delo N.I. Bukharina». According to a Russian law, 75 years after the death of a victim, all of his dela must be made available to any researcher who requests them. On March 15, 2013, this law will apply to the dela of N.I. in the Lubyanka archive. In January 2013, I will begin sending letters requesting to see the two dela. Probably they will not show me the operativnoe delo because it includes the

reports of donoschiki, secret methods, etc. But the Lichnoe delo is more important because I think it may include personal material we have not seen – eg, other letters that N.I. wrote to A.M., to Ivan Gavrilovich, to Stalin, and others. It may also include N.I.'s missing manuscript, the one he wrote at home before his arrest, and which disappeared. I am certain that N.I. wrote many letters in Lubianka, but I have not yet found them. That is why the Lichnoe delo is so important.

The 75-year-law says the materials must be made available to any researcher, not just members of the victim's family. But I think it may help gain access if you give me a letter saying that I am your doverennoe litso in this work. You may not want to do this, and if not, I will understand. Probably I will not need the letter, at least according to the law. But I still believe that discovering and telling the full truth about the life (and death) of N.I. is our common cause. You and I have worked together on this for 40 years. I hope that you will want to continue together.

If you decide to give me such a letter, it requires only a few lines, and your signature and date. Ideally, it would be notarized, but this too may not be necessary. Olya then could scan the letter to me.

Finally, as you also know, late 2013 will mark the 125th jubilee of N.I. Based on new archive materials that I found, the Aleksandr Yakovlev Fund will publish at that time a two-volume book about N.I.'s trial, including the non-falsified transcript and other new documents. The editors are Nikita Petrov, the outstanding Memorial archive researcher, and a young archivist at RGASPI, Zhanna Artamonova. She is a wonderful person and highly qualified – a member of the new generation of Russian historians interested in N.I. I have been helping her with her own work. Zhanna has some questions, which I cannot answer, about some documents you gave me many years [ago]. I advised her to contact you through Olya. I hope you will try to answer her questions.

[...]

Из письма Стивена Коэна Юрию Ларину
(через Ольгу Максакову)

28 декабря 2012 года

[...]

Как ты, наверное, знаешь, я уже несколько лет работаю над новым, расширенным, изданием моей биографии Н.И. [Бухарина] – книги, которую вы с Е.А. [Гнединым] так замечательно перевели на русский, чем изменили многое в Советском Союзе. Новое издание – на английском и на русском, с опорой на перевод «Четверговых» – [концептуально] будет той же книгой, но дополненной новыми материалами, которые я собрал за много лет. По большей части это архивные материалы, но не только. Туда войдут и воспоминания А.М. [Лариной], и материалы, которые ты мне дал, и пр.

Я почти закончил исследование, но один важный источник остался. Когда я работал в архиве Лубянки в 1990-е годы – помнишь, как доверенное лицо А.М. – мне дали посмотреть много дел. Однако два дела, касающихся Н.И., мне тогда не дали: оперативное дело и «Личное дело Н.И. Бухарина». По российскому закону, по истечении 75 лет после смерти жертвы все архивные дела, связанные с ним, должны выдаваться любому исследователю без ограничения. 15 марта 2013 года этот закон будет применен к делам Н.И. на Лубянке. В январе 2013 года я начну посылать письма с запросом на просмотр этих дел Н.И. Скорее всего, оперативное дело мне не покажут, поскольку оно содержит сообщения доносчиков, секретные методы и т. д. Но для меня важнее «Личное дело», т. к. я думаю, что оно может содержать другие письма, которые Н.И. писал из тюрьмы А.М., Ивану Гавриловичу [Бухарину], Сталину и другим. Там может находиться и утраченная рукопись Н.И., та, которую он писал дома перед арестом

и которая пропала. Я уверен, что на Лубянке Н.И. написал много писем, но я их пока не нашел. Вот почему так важно «Личное дело».

Закон о 75-летней давности говорит, что архивные материалы должны быть доступны любому исследователю, а не только членам семьи жертвы. Но я думаю, что мне было бы проще получить допуск, если бы ты дал мне письмо, где говорится, что я твое «доверенное лицо» в этой работе. Если ты не захочешь связываться, я пойму. Скорее всего, это письмо мне и не понадобится, во всяком случае, согласно закону. Но я все же уверен, что искать и рассказывать полную правду о жизни (и смерти) Н.И. – это наше общее дело. 40 лет мы с тобой вместе этим занимались, и, надеюсь, ты не захочешь отступить теперь.

Если ты захочешь дать мне такое письмо, в нем должно быть всего несколько строчек плюс твоя подпись и дата. В идеале, нотариально заверенное, но это совсем не обязательно. Оля могла бы сканировать его затем и прислать мне.

Наконец, как ты знаешь, в конце 2013 года у Н.И. юбилей – 125 лет. К этой дате Фонд Александра Яковлева на основании найденных мной архивных материалов собирается издать новый двухтомник о процессе Н.И., в который войдут оригинал стенограммы и другие неопубликованные документы. Редакторы – Никита Петров, замечательный исследователь, специалист по архивам из «Мемориала», и молодая сотрудница РГАСПИ Жанна Артамонова. Она чудесный человек и очень хороший специалист своего дела, представитель нового поколения российских историков, интересующих Н.И. Я помогаю ей с ее собственной научной работой. У Жанны есть вопросы, на которые я не могу ответить, по поводу некоторых документов из тех, что ты дал мне когда-то. Я посоветовал ей обратиться к тебе через Олю. Надеюсь, ты сможешь ей найти ответы на эти вопросы.

[...]

From Stephen Cohen's letter to Zhanna Artamonova

January 20, 2013

[...]

Koestler is a larger and more serious issue. I do not know his book «Tragediia stalnykh liudei». (What is the title in English or German?) I know his novel, *Darkness at Noon*, very well. It is very famous. And you are wrong: it has had great influence over the years, partly because it purports to prove that revolutionary intellectuals will destroy themselves, and therefore are bad, etc. If you look at my notes, you will see I cite Koestler's memoirs. More recently, a big biography of Koestler, by Michael Scammell, has been published; Scammell treats the novel and the trials, but I do not recall exactly what Scammell writes. Over the years, Koestler said various things about Rubashov: that he was based on Bukharin, on Radek, on Bukharin and Radek (whom Koestler knew), on all of the old Bolsheviks, etc. In my book, I dismissed Koestler's treatment of Bukharin's trial, and not only because he did not see Bukharin's «tactics». Koestler did not know the dark truth of the terror – the horrible physical torture, the threats against family members, often carried out, etc. So Koestler reduced everything to one flaw: Bukharin's need to perform one «last service» to his own revolution. (Koestler later admitted that he had not known about the darker secrets.) But I too have learned new things. At least one of Bukharin's letters to Stalin from Lubyanka states his willingness to perform a last great service to the Soviet Union. But at most this can be only a partial explanation of his conduct, and it does not explain at all his «tactics». I believe Bukharin had three desperate goals. First, to save his family (two children, a young wife, and many others). About this, Stalin lied to Bukharin. Eg, in his Jan. 1938 letter to Stalin, Bukharin believed that Larina and little Iurii were home together, when in fact they had been «taken» in June 1937! (They also showed Bukharin a photo of his daughter Svetlana, in *Pionerskaia Pravda*, safely and happily at school!) Bukharin's second

goal was to help the Soviet Union – his revolution – but not as Koestler thought. Instead, knowing that war with Germany was coming, Bukharin's goal was to convince Stalin to prepare for war and NOT make a separate peace with Hitler (as Stalin did in 1939). As editor of Izvestiia, Bukharin certainly knew about Stalin's secret negotiations with Hitler, which began (probably in 1934). Moreover, at the 17th Party Congress, Stalin had declared a willingness to cooperate with Nazi Germany, which Bukharin opposed (also at the Congress). All of Bukharin's Lubyanka writings touch on this theme.

Robert Conquest, who is now 95 and lives in California, is one of my oldest and closest friends. His book *The Great Terror* is a great book. The first edition was published long before 1985. Later, Bob published an «updated» edition, but it really did not use archive, only the glasnost press. That is, Bob knows nothing about the archives. When we talk every week, I tell him about them [...] So anything Bob said about the Soviet-era archives was not first-hand knowledge, just what he heard at that time from others. He still tries to read new books on the terror based on archives – eg, Nikita [Petrov]'s biography of Ezhov – but I give him these books. On the other hand, even back many years ago, Bob agreed with me and Tucker (and Medvedev) about Stalin's personal role in the terror, not with Trotsky or Carr or Deutscher (see, eg, Conquest's treatment of the Kirov murder).

[...]

Из письма Стивена Коэна Жанне Артамоновой

20 января 2013 года

[...]

Вопрос о Кёстлере более широкий и серьезный. Я не читал его книгу «Трагедия стальных людей» (а как звучит заголовок по-английски или по-немецки?), но я хорошо

знаю его роман «Слепящая тьма» (Darkness in the Noon), он очень известный. И ты неправ: он не утратил значения с годами, отчасти потому, что задуман с целью доказать, что революционеры-интеллектуалы уничтожают себя, поэтому они плохие, и т. д. Если ты взглянешь на мои заметки, то увидишь, что я ссылаюсь на мемуары Кёстлера. Не так давно была опубликована большая биография Кёстлера, написанная Майклом Скаммелом. Скаммел разбирает роман и процессы, но я не помню в точности, что он пишет. В разные годы Кёстлер говорил разные вещи о Рубашове: что прообразом был Бухарин, Радек, Бухарин и Радек (которого Кёстлер знал лично), все старые большевики и т. д. Я в своей книге не придавал серьезного значения суждениям Кёстлера о бухаринском процессе и не только потому, что он не увидел «тактики» Бухарина. Кёстлер не знал мрачной правды террора – о жутких физических пытках, об угрозах в адрес членов семьи, часто реализованных, и т. д. Поэтому он свел всё к одной слабости – бухаринской убежденности, что он должен сослужить «последнюю службу» своей революции. (Кёстлер позднее признавался, что не знал об ужасах террора.) Но я также узнал кое-что новое. Как минимум в одном из писем Сталину с Лубянки Бухарин пишет о своей готовности сослужить последнюю большую службу советскому государству. Но это возможно лишь частично объясняет его поведение и совсем не объясняет его «тактику». Я убежден, что Бухарин отчаянно преследовал три цели. Во-первых, спасти семью (двоих детей, молодую жену и других). По этому поводу Сталин лгал Бухарину. Например, в письме Сталину от января 1938 года Бухарин выражал уверенность, что Ларина и маленький Юрий находятся дома, в то время как обоих «взяли» еще в июне 1937 года! (Бухарину также показали в тюрьме фото его дочери Светланы, опубликованное в «Пионерской правде» и доказывающее, что она жива-здоровая и счастлива в школе.) Второй целью

Бухарина было помочь Советскому Союзу – помочь его революции – но не так, как думал Кёстлер. Зная о приближении войны с Германией, Бухарин стремился убедить Сталина подготовиться к этой войне, а не заключать сепаратный мир с Гитлером (что Сталин сделал в 1939 году). Как главный редактор «Известий», он не мог не знать о тайных переговорах Сталина с Гитлером, которые начались (возможно, в 1934 году). Кроме того, на 17-ом съезде партии Сталин заявил о готовности сотрудничать с нацистской Германией, а Бухарин выступил против (там же на съезде). Всё написанное Бухариным на Лубянке касается этой темы.

Роберт Конквест – ему 95, и он живет в Калифорнии – один из самых давних и близких моих друзей. Его книга «Большой террор» – великая книга. Ее первое издание вышло задолго до 1985 года. Позже Боб опубликовал «новое, дополненное» издание, но он не использовал архивы, только перестроечную прессу. То есть, Боб ничего не знает об архивах. Когда мы созваниваемся раз в неделю, я рассказываю ему о них [...] Поэтому всё, что Боб пишет о советских архивах, не является знанием из первых рук; это лишь то, что он слышал в то время от других. Он пытается читать новые книги, написанные на архивном материале – например, биографию Ежова Никиты [Петрова] – но это книги, которые я ему даю. С другой стороны, даже тогда, много лет назад, Боб был согласен со мной и Такером (и Медведевым) по поводу личной роли Сталина в терроре, а не с Троцким, Карром или Дойчером (см., напр., его трактовку убийства Кирова).

[...]

From Stephen Cohen's letter to Nikita Petrov
and Zhanna Artamonova

February 9, 2013

[...]

First and most important. I finally found an important document, which I have had for many years, that I think you will want to include in the sbornik. It is a short article by Bukharin's then 13-years-old daughter, Svetlana Gurvich, published in Pionerskaia Pravda, December 28, 1937 (No. 175/1993). This 4-page issue featured stories written by students of the «zvena» about their happy lives. One story is signed by «Svetlana Gurvich». The issue also contains several drawings of her and her activities.

I am certain that this issue was shown to Bukharin in Lubi-anka. Remember, this was a critical moment in preparing him for the trial. He was still resisting many of the charges. And, as we know from Bukharin's letter to Larina in January 1938, he thought the trial would begin in January, not March. For Bukharin, the most important «negotiation» was saving his family. Anna Larina and baby Iurii had already been taken, in June 1937, but he did not know this. He was equally worried about Svetlana. When her mother, Esfir Gurvich, was in America for a year in the 1920s, Svetlana lived with Krupskaiia and Ulianova at Gorki, where Bukharin had his own room and often visited. Certainly, the Pionerskaia Pravda article and pictures were not accidental. They were made to show him that Svetlana was at home, safe, and well.

I think you should include a facsimile of this article in the sbornik. Problem is, Svetlana gave me a poor xerox copy, which is the issue cut into four pieces. It is too poor to scan to you, and too poor to reprint. But probably you can find an original copy in Moscow, where the paper was published as an «organ TsK i MK VLKSM». Probably a large library that con-

tains newspapers has it. Or possibly the newspaper's own archive. It was printed, I think, by Pravda's own izdatelstvo. I do not know if Svetlana had an original copy of the paper or if she too had only a xerox copy. If she had an original, Emma Borisovna Gurvich, who wrote a book about Esfir and Svetlana, which Bordiugov published, might have it. [...] Please let me know if you can find the newspaper. And if not, what we should do.

Second, for my own work, I need a description – photos, written, architectural plan, etc. – of the «internal prison» of Lubyanka, where Bukharin was held (in kamera 84, I think), in 1937. Do either of you, Nikita or Zhanna, know where I can find such information? Nikita, you may know from your work on Ezhov. For example, where was Bukharin's cell located and what was it like? (I know a little from his drawings on his prison manuscripts. There was, eg, a high window. But I need more information.) How many floors were in the internal prison? Where were the offices of the sledovateli? Where was Ezhov's office? Etc. I need information about the prison before it was reconstructed sometime later. Even memoirs of other prisoners would help. Zabolotskii says, eg, there was a «lift». Please let me know.

[...]

Из письма Стивена Коэна Никите Петрову
и Жанне Артамоновой

9 февраля 2013 года

[...]

Первое и главное. Я наконец нашел важный документ, который у меня хранился много лет и который, я думаю, вы захотите включить в сборник. Это короткая заметка, написанная 13-летней дочерью Бухарина Светланой Гур-

вич и опубликованная в «Пионерской правде» 28 декабря 1937 года (№ 175/1993). Этот 4-страничный номер рассказывает о счастливой жизни [пионерских] «звеньев», и один из рассказов подписан «Светлана Гурвич». Там также есть ее рисунки, иллюстрирующие деятельность звена.

Я уверен, что этот номер газеты показали Бухарину на Лубянке. Напомню, что это был очень важный момент в подготовке его к процессу. Он все еще отвергал многие из обвинений. И, как мы знаем из его письма к Лариной, написанного в январе 1937 года, он думал, что процесс начнется в январе, не в марте. Для Бухарина самый главный «торг» заключался в спасении семьи. Анну Ларину с младенцем Юрием взяли еще в июне 1937 года, но он этого не знал. В не меньшей степени он беспокоился о Светлане. Когда ее мать, Эсфирь Гурвич, в конце 1920-х годов уехала на год в Америку, Светлана вместе с Крупской и Ульяновой жила в Горках, где у Бухарина была своя комната, и он часто бывал там. Разумеется, «Пионерская правда» с заметкой и рисунками появилась не случайно. Она должна была показать, что Светлана дома, живая и невредимая.

Я думаю, вы должны включить факсимиле этой статьи в сборник. Проблема в том, что Светлана передала мне плохую ксерокопию, которая представляет собой номер газеты, разрезанный на четыре части. Она слишком плохого качества, чтобы ее сканировать или копировать. Но, вероятно, вы сможете найти оригинал газеты в Москве, где она издавалась как «орган ЦК и МК ВЛКСМ». В какой-нибудь крупной библиотеке, где есть газетный отдел. Или, может быть, в архиве самой газеты. Она печаталась, как я понял, в издательстве «Правды». Я не знаю, имелся ли у Светланы оригинал газеты или тоже только ксерокопия. Если был оригинал, то он мог сохраниться у Эммы Борисовны Гурвич, написавшей книгу об Эсфири и Светлане, которую издал Бордюгов. [...] Пожалуйста, дайте мне знать, если сможете найти газету, а если нет, то что мы будем делать.

Второе. Мне для моей собственной работы нужно описание – в письменном виде, фотографии, архитектурный план и т. д. – «внутренней» тюрьмы Лубянки, где в 1937 году сидел Бухарин (камера 84, по-моему). Кто-нибудь из вас, Никита, Жанна, знает, где я могу найти подобную информацию? Возможно, ты, Никита, что-то знаешь, в связи с твоей работой по Ежову. Например, где была расположена камера Бухарина и как она выглядела? (Кое-что мне известно по рисункам Бухарина в его тюремных рукописях, например, что там было высокое окно. Но мне нужно больше информации.) Сколько этажей было во внутренней тюрьме? Где находились кабинеты следователей? Где был кабинет Ежова? И всё такое. Мне нужна информация о тюрьме, какой она была до реконструкции, случившейся какое-то время спустя. Подойдут даже воспоминания других заключенных. Заболоцкий, к примеру, говорит, что там был «лифт». Пожалуйста, дайте мне знать.
[...]

Stephen Cohen's panel discussant speech ASEEES National Convention

Boston, November 22, 2013

(I) I like this panel because it suggests a revival of interest in the biographies of Old Bolsheviks – my own career-long interest – now on the part of younger scholars. (As opposed to social history of Set Russia.) And I like all three of the papers, though for me each has a weakness (if read as the draft of an article).

1) I like Oleksa Drachewych's paper for alerting me to the importance of Chicherin, but I cannot judge Chicherin's larger importance because the paper does not provide enough of his biography before or after Genoa, or his political context. E.g., about his relations with top colleagues in the Commissariat of

Foreign Affairs. Or about his standing in the Party in the early 1920s.

2) I like Charters Wynn's paper because its subject is also mine – the end of NEP. He provides valuable new information about this fateful turning point. For me, Charters' shortcomings are twofold. First, he treats Tomsky's struggle in the T.U. [trade union] organization apart from the larger struggle over NEP in 1928–1929, though he does allude to it. And second, Charters has been slow in finishing his biography of Tomsky, which I need very soon.

3) But I especially like Lara Cook's paper, not because it is best or because I have a longtime interest in Osinskii, but because she explicitly emphasizes the importance of biography. Indeed, I made this same point long ago in my biography of Bukharin: we need good biographies of many Old Bolsheviks in order to understand their varieties and thus the varieties of original Leninism itself. The weakness of Lara's paper is, I think, reflected in the misnomer in her title, introduction, and conclusion. The importance of Osinskii at this moment was not his «constitutionalism» but his opposition to the emergence of a Party-state. In Cook's place, I would have cut many of the long quotes and instead more fully disclosed this larger theme, which was also of fateful importance. (E.g., Bukharin raised it in 1928–1929 against Stalin.)

(II) That said, I will move from the papers to exercise a prerogative of my age in order to issue a personal appeal, based on my own experience, to anyone working on an early Soviet leader (founding father).

I published my biography of Bukharin exactly 40 years ago (November 1973). At that time, there were other Western biographies of Old Bolsheviks. But like mine, the authors lacked essential materials for full biography: uncensored autobiographies, diaries, memoirs, correspondence, photographs, people to interview. Much of this had been destroyed, locked away, or forbidden by Stalin and his successors. As a result, what we wrote were

partial, narrowly political biographies, not unlike the cults without personality produced by Soviet historians. (Partial exceptions: Deutscher's *Trotsky*; and Louis Fischer's *Lenin*.)

But now, nearly 25 years after Gorbachev ended historical censorship, the situation has changed. Many materials were destroyed under Stalin, but an astonishing amount survived – if you can find them. This means it may no longer be necessary to write biography «по-советскому» [Soviet-like], without the personal life and personality.

Of course, each of us has to judge how and how much the personal impacted on the political. But certainly, to understand the political life, we need to know the family upbringing, love life, health, hobbies, phobias, and passions of our subject.

I am now preparing a new edition of my *Bukharin and the Bolshevik Revolution*, so let me briefly cite a few things I have found that maybe indications for you:

Even before Gorbachev, I found in the homes of Bukharin's surviving relatives typescript memoirs about him and his family, some handed down by older generations.

In the early 1990s, we found in Stalin's then-secret archive Bukharin's autobiographical novel about his childhood, written in Lubyanka Prison in 1937–38 while he awaited trial and execution. (A remarkable, revealing book!)

Soon after, we found buried in a garden the memoirs of Bukharin's younger brother, Vladimir.

Also in the 1990s, I found in the Lubyanka/NKVD archives, personal letters written by Bukharin in prison – to his wife, to Stalin, even to his interrogator.

There are, of course, masses of personal material in open, well-organized archives such as RGASPI [Russian State Archive of Social and Political History]. But even they sometimes do not know what they have, and you find it.

Nor can you search only at the logical archive. I found Bukharin's correspondence where I had not assumed to find

ASEEES Boston Nov 2013

From: OLEKSA DRACHEWYCH <dracheom@mcmaster.ca>

Date: April 10, 2013 1:23:38 AM EDT

To: Stephen Cohen <sfcl@nyu.edu>

Subject: Re: ASEEES Panel Acceptance

Dear Dr. Cohen,

Here is the final line-up:

Discussant: Stephen Cohen

Discussant: Lars Lih

Chair: Tracy McDonald

Panelists:

Oleksa Drachewych - Gregory Chicherin at the Genoa Conference: A Review and Case Study of Chicherin's Influence on Early Bolshevik Foreign Policy

Lara Cook - Nikolai Osinski: Constitutionalist Bolshevik? Polemics on Party-State Relations, 1920-3'

Charters Wynn - Mikhail Tomsky: Politburo Member, Trade Union Chair, and Foreign Policy Leader, 1918-1926

Talking to Dr. McDonald, we're going to discuss it further, but we're thinking that each panelist will have 12-15 minutes to give their paper and each discussant will have 12 minutes or so to speak.

Oleksa

Yes, confirmed

Fri

3-4:45pm

Orleans Room, 4th FL.

[Didn't go because of Jean's problem.]

any – from RGALI [Russian State Archive of Literature and Arts] and the Gorky Institute to Pasternak's family archive.

And there is more, including some I probably have not yet found.

(III) And so, my appeal: If you undertake an Old Bolshevik biography, do it as fully as possible, no matter the time it takes.

Look everywhere, not just at the one archive.

Find surviving relatives, possibly grand-children or now great-grandchildren.

And don't take an institutional «no» as the final answer. In my experience, a «closed» archive or still «classified» documents may not be inaccessible. Befriend an archivist. Use the 75-year-law. Become the «доверенное лицо» [authorized representative] of a relative of your subject. Write polite but insistent letters to heads of archives.

In short, no more biographies «по-советскому», only with minuses replaced by pluses. Your generation should aim higher. Real biography is a long form in all respects. But you have the time.

Выступление Стивена Коэна
в качестве дискуссанта на одной из панелей
ежегодного съезда Ассоциации славянских,
восточноевропейских и евразийских исследований
(ASEEES)

Бостон, 22 ноября 2013 года

(I) Мне нравится эта панель, потому что она говорит о возрождении интереса к биографиям «старых большевиков» – тому, что всю жизнь было моим профессиональным интересом – со стороны молодых ученых. (В проти-

вовес социальной истории Советской России.) И мне нравятся все три доклада, хотя каждый, на мой взгляд, имеет свои недостатки (если оценивать его как черновик статьи).

1) Мне нравится доклад Олексы Драчевича, потому что он привлекает мое внимание к значимости фигуры Чичерина, но при этом я не могу судить о его значимости в более широком смысле, потому что мне в докладе не хватает его биографических данных до и после Генуи, как и политического контекста. Например, сведений о его отношениях с коллегами по Наркомату иностранных дел или о его положении в партии в начале 1920-х годов.

2) Мне нравится доклад Чартерса Уинна, потому что это моя тема – конец НЭПа. Он дает ценную новую информацию об этом поворотном пункте в советской истории. Недостатков у Чартерса, на мой взгляд, два. Первый: он рассматривает борьбу Томского внутри профсоюзной организации отдельно от более широкой борьбы вокруг НЭПа в 1928–1929 годах, хотя и делает отсылки к ней. А второй состоит в том, что Чартерс медлит с завершением своей биографии Томского; надо бы поскорее.

3) Но особенно мне нравится доклад Лары Кук – не потому что он лучший и не потому что я давно питаю интерес к Осинскому, а потому что он отчетливо делает акцент на важности биографии. Это именно то, на что я обращал внимание много лет назад в своей биографии Бухарина: нам нужны хорошие биографии многих «старых большевиков», с тем чтобы понять их разнообразие и, значит, разнообразие раннего ленинизма вообще. Слабость работы Кук, на мой взгляд, проявляется в терминологической ошибке в названии, введении и заключении. Самое важное в позиции Осинского в тот момент заключалось не в его «конституционализме», а в его оппозиции становлению «партии-государства». На месте Лары я бы сократил многие длинные цитаты и сосредоточился на

более полном раскрытии этой главной темы, также чрезвычайно важной для того периода. (Напр., Бухарин поднимал ее в спорах со Сталиным в 1928–1929 годах.)

(II) Отойду теперь от докладов, чтобы, пользуясь преимуществом моего возраста, обратиться с личным призывом, основанным на моем собственном опыте, к тем, кто занимается биографией раннесоветского лидера (отца-основателя).

Я опубликовал мою биографию Бухарина ровно 40 лет назад (в ноябре 1973 года). В то время существовали и другие западные биографии «старых большевиков». Но, как и мне, их авторам не хватало материала, необходимого для написания полноценной биографии: не подвергшихся цензуре автобиографий, дневников, мемуаров, писем, фотографий, людей, которых можно расспросить. Многие из этих вещей были уничтожены, спрятаны или попали под запрет при Сталине и его преемниках. Поэтому то, что мы писали, это были урезанные, узко политические биографии, мало отличающиеся от лишенных человеческой личности культовых описаний, создаваемых советскими историками. (Частичные исключения: «Троцкий» Дойчера и «Ленин» Луиса Фишера.)

Но сегодня, когда прошло 25 лет после отмены Горбачевым советской цензуры, ситуация изменилась. Да, много материалов было уничтожено при Сталине, но вы удивитесь, как много сохранилось – если уметь найти. То есть, больше нет необходимости писать биографию «посоветски», без личной жизни и без личности.

Конечно, каждый из нас сам решает, как и насколько личное влияет на политическое. Но, для того чтобы понимать политическую жизнь человека, мы, без сомнения, должны знать историю его семьи, личной жизни, здоровья, а также хобби, фобии и пристрастия нашего героя. Я сейчас готовлю новое издание моей книги «Бухарин и большевистская революция», поэтому позвольте мне при-

вести несколько примеров своих находок, которые, возможно, послужат вам подсказками.

Еще до эпохи Горбачева я нашел в семьях уцелевших родственников Бухарина напечатанные на машинке воспоминания о нем и его семье, многие из которых были унаследованы от старших поколений.

В начале 1990-х мы нашли в закрытом тогда сталинском архиве автобиографический роман Бухарина о его детстве, написанный им в тюрьме на Лубянке в 1937–1938 годах, когда он ожидал суда и смерти. (Замечательная, откровенная книга!)

Вскоре мы нашли зарытые в саду мемуары младшего брата Бухарина, Владимира.

Тогда же, в 1990-е годы, я обнаружил в архиве НКВД письма, которые Бухарин писал из лубянской тюрьмы жене, Сталину, даже своему следователю.

Масса личного материала хранится, разумеется, в открытых, хорошо организованных архивах, таких как РГАСПИ [Российский государственный архив социально-политической истории]. Но даже их хранители не всегда знают, что хранят, а вы можете найти.

И не надо искать только в логически подходящем архиве. Я нашел переписку Бухарина там, где, по логике, не должен был найти ее – от РГАЛИ [Российский государственный архив литературы и искусства] и Литературного института имени Горького до семейного архива Пастернака.

И это я еще не все нашел.

(III) Отсюда мой призыв: если вы взялись писать биографию «старого большевика», делайте это в наиболее полном объеме, сколько бы времени вам не потребовалось.

Ищите везде, не только в одном архиве.

Найдите живущих родственников, внуков или правнуков вашего героя.

И не воспринимайте «нет» от какого-нибудь института как окончательный ответ. Моя практика показывает, что закрытые архивы и засекреченные документы могут быть доступны. Подружитесь с архивистом. Используйте закон о 75-летней тайне. Станьте доверенным лицом родственника вашего героя. Пишите вежливые, но настойчивые письма руководству архива.

Одним словом, никаких больше биографий «по-советски», с простой заменой минусов на плюсы. Ваше поколение должно стремиться к большему. Настоящая биография – это во всех отношениях долгая форма. Но у вас есть время.

From Stephen Cohen's letter to Nadezhda Fadeeva,
Anna Larina's daughter

August 15, 2015

... Among Americans who truly know the history of Stalinism, no one is more anti-Stalinist than I am – or more distressed by the current wave of neo-Stalinist sentiments in Russia. But there is also, for me, this:

My own country was founded in large part on the basis of slavery which destroyed more souls and families than did Stalin's terror. Many of the American founding fathers were slave owners, including Washington and Jefferson. America has lived and struggled with this legacy for more than 200 years. I experienced it personally growing up in Kentucky, in a completely segregated town ruled by Jim Crow laws, where black people remained less than citizens.

America today is littered with statues and memorials to – not vs – slavery. Many places across America, not just in the South, are named after Robert E. Lee, the commander of the

pro-slavery Confederate armies in our civil war. A statue of Jefferson Davis, president of the Confederacy, still stands in the state capital of Kentucky. Many positive books are written and movies made about these defenders of slavery. [...]

In short, this is the fate of nations with a tragic history. Russia and America alike. The struggle over the past does not end. Each generation engages it in its own way. I have seen many pro-Stalin books in Moscow, and many portraits, etc. I do not like them, but I am not surprised, and they also remind me of the past and present of my own country.

[...]

Из письма Стивена Коэна Надежде Фадеевой,
дочери А.М. Лариной

15 августа 2015 года

[...] Среди американцев, которые действительно знают историю сталинизма, нет никого, кто был бы большим антисталинистом, чем я, и кого бы больше расстраивала нынешняя волна неосталинистских настроений в России. Но для меня также важно сказать следующее:

Моя собственная страна была создана во многом на основе рабства, которое разрушило больше душ и семей, чем сталинский террор. Многие американские отцы-основатели были рабовладельцами. Несколько американских президентов были рабовладельцами, в том числе Вашингтон и Джефферсон. Америка живет и борется с этим наследием уже больше двухсот лет. Я испытал это на себе, поскольку вырос в Кентукки, в полностью сегрегированном городе, где правили [расистские] законы Джима Кроу и где чернокожие не считались гражданами.

Америка сегодня уставлена памятниками и статуями во славу, а не против рабства. В Америке много мест – и не

только на Юге – носят имя Роберта Ли, командующего армией рабовладельцев-конфедератов в нашей гражданской войне. Статуя Джефферсона Дэвиса, президента Конфедерации, до сих пор стоит в столице штата Кентукки. Написано множество книг и снято множество фильмов, представляющих в позитивном свете этих защитников рабства.

[...]

Одним словом, это судьба наций с трагической историей. Общая у России с Америкой. Борьба вокруг прошлого никак не закончится. Каждое поколение ведет эту борьбу по-своему. Я вижу много просталинских книг в Москве, много портретов и т. д. Они мне не нравятся, но и не удивляют. Они напоминают мне о прошлом и настоящим моей собственной страны.

[...]

Письмо Людмилы Кошелевой,
научного сотрудника РГАСПИ,
Стивену Коэну

12 июня 2017 года

Дорогой Стив!

Я постараюсь встретиться с тобой в один из дней, когда ты будешь в Москве. На твой вопрос, есть ли какие-нибудь новые документы о Бухарине, отвечаю: ничего нового мы не получали. К сожалению, я не знаю, какие документы у тебя есть. Встречаются очень интересные материалы Бухарина и о Бухарине в тех фондах, которые мы получили давно. Посылаю тебе небольшой перечень. Есть ли у тебя эти документы? Извини, пожалуйста, за небрежно составленный перечень. Очень торопилась.

Людмила Кошелева

1. Письмо Бухарина А.А. Андрееву о намерении издать обзорный «Ежегодник “Известий”», о разговоре со Сталиным по этому вопросу, с просьбой дать разрешение на отпуск бумаги и т. д., с приложением содержания сборника (перечня документов и статей «Ежегодника»).

2 апреля 1935 г.

Автограф.

Ф. 671, оп. 1, д. 52, л. 22–25.

2. Записка Бухарина в Политбюро ЦК (Сталину) с просьбой, ввиду крайне ненормально сложившейся обстановки в редакции «Известий», удовлетворить просьбу Цыпина об освобождении его от работы в газете и назначить заместителем редактора Богушевского или Дятлова.

22 мая 1935 г.

Автограф.

Ф. 671, оп. 1, д. 52, л. 36.

3. Письмо Бухарина Сталину с просьбой разрешить ряд «ультра-зрелых» вопросов (назначение зам. редактора газеты, о секретаре редакции, о корреспондентах за границей, о болезни Радека, о постановлении ПБ, о проработке «Известий» в бюллетенях Таля, о своем отпуске и др.), с резолюцией Сталина: «Ежову».

27 июня 1935 г.

Автограф.

Ф. 671, оп. 1, д. 52, л. 27–29.

4. Записка Бухарина в Политбюро ЦК (Сталину) с просьбой, ввиду крайней утомленности, разрешить отпуск с 15 июля на 1,5 месяца и разрешить затянувшийся вопрос о его заместителе, с резолюцией Сталина: «т. Ежову. Поговорите, пожалуйста, с т. Бухариным (совместно с т. Талем) и урегулируйте это дело. И. Ст. Насчет отпуска т. Бухарина возражений не имею. И. Ст.»

11 июля 1935 г.

Автограф.

Ф. 671, оп. 1, д. 52, л. 30.

5. Письмо Бухарина Ежову (лично) с просьбой урегулировать вопрос о заместителе редактора «Известий» Селихе. (Сообщает, что его отпуск уже в третий раз откладывается).

15 июля 1935 г.

Автограф.

Ф. 671, оп. 1, д. 52, л. 31.

6. Очень интересные черновики письма Ежова Сталину о самоубийстве М.П. Томского, о правых, Радеке, Пятакове и др., сообщается о разговоре с женой Томского (имеется упоминание, что накануне самоубийства Томского у него был «близкий друг и товарищ Б.», в документе фамилия не расшифрована).

[Август 1936 г.]

Автографы.

Ф. 671, оп. 1, д. 52, л. 183–195.

7. Записка работника аппарата ЦК ВКП(б) Васильева Ежову с приложением вырезки из «белогвардейской чешской газеты» о пребывании Бухарина в Праге; письмо Мануильского Ежову о посылке адресату перевода письма Бухарина в редакцию вечерней газеты КП Чехословакии «Хало Новины», свидетельствующее «о довольно странном инциденте, происшедшем на докладе Бухарина в Женском клубе в Праге», необходимости расследовать этот инцидент в ЦК.

25 марта 1936 г.

Газетная вырезка, подлинник.

Ф. 671, оп. 1, д. 53, л. 69, 70, 71.

8. Письмо Бухарина вице-президенту АН СССР Кржижановскому и непременно секретарю АН СССР Горбуну о том, что он, член Президиума Академии и директор Института по истории науки и техники, из четвертых рук узнал, что они «фактически распустили и прикрыли институт, не сказав ему ни слова», с протестом против за-

крытия Института и др.; ответное письмо Горбунова Бухарину.

10 июня 1936 г.

Машинописная копия.

Ф. 671, оп. 1, д. 23, л. 49–52.

9. Письмо Бухарина (из Парижа) М.М. Литвинову, с просьбой помочь (в случае его задержки) его жене А.М. Лариной переправиться к нему, потому что «Аня должна произвести на свет потомство», с сообщением, что «ни одной казенной копейки на эту поездку потрачено не будет» (без даты); письмо Бухарина из Парижа Ежову с просьбой разрешить приезд в Париж его жене: «Затягивать своего пребывания здесь из-за “удовольствия” я, разумеется, не буду и не хочу, так как – надеюсь, это самоочевидно – мне в СССР во всех отношениях “больше нравится”».

26 марта [?]

Автограф.

Ф. 671, оп. 1, д. 48, л. 8, 9.

10. Заявление Швальбе в Молотовский райком ВКП(б) в связи с поднятым на суде вопросом о причастности и связи правых «с зиновьевско-троцкистскими террористами» (сообщает, в том числе, о встречах Бухарина и Каменева в издательстве «Академия», редакции «Известий», встрече в Ленинграде в общежитии Академии наук и пр.); докладная записка секретаря парткома Института литературы им. Горького Туманова секретарю Молотовского райкома Левенштейну о своем разговоре с Швальбе: о Бухарине, Сокольникове, Пятакове, Томском, Раковском.

Ф. 671, оп. 1, д. 253, л. 229–233.

11. В фонде Ежова имеется интересное дело: Записки Отдела печати и издательств ЦК ВКП(б) Сталину, Ежову, проект постановления ЦК ВКП(б) о редакции газеты «Из-

вестия» (по результатам работы комиссии, возглавляемой Ежовым).

1936 г.

Ф. 671, оп. 1, д. 49.

12. Письмо Н.И. Бухарина И.В. Сталину с замечаниями на проект по национальному вопросу.

[1923 г.]

Ф. 324, оп. 2, д. 15, л. 65, 66.

13. Замечания Бухарина на поправки Зиновьева к тезисам по аграрно-крестьянскому вопросу.

1920 г.

Машкопия.

Ф. 324, оп. 2, д. 16, л. 8–13.

14. Записка Бухарина Радеку по поводу лозунга С.Ш. Европы (социалистических и советских).

Без даты.

Автограф.

Ф. 326, оп. 2, д. 6, л. 7

15. Переписка Бухарина с Зиновьевым:

Письмо Зиновьева Бухарину с просьбой немедленно переслать его статью о 5-летию Коминтерна в «Известия» в связи с тем, что ни одна его статья не появляется в «Правде» без опозданий; записка Бухарина Сталину по этому вопросу с приписками Сталина, Каменева (вероятно, на заседании ПБ), что вопрос можно считать исчерпанным.

1924 г.

Подлинники. Автографы Зиновьева, Бухарина, Сталина, Каменева, Молотова, Рудзутака.

16. Письма Бухарина Зиновьеву с ответом на обвинения адресата в адрес «Правды».

Подлинники.

Ф. 324, оп. 2, д. 71, л. 50–57.

17. Письмо Зиновьева Бухарину о борьбе Сталина, Угланова и адресата против Зиновьева-Каменева. Интересно!!!

1925 г.

Машкопия.

Ф. 324, оп. 2, д. 71, л. 93.

18. Письма Бухарина Зиновьеву (прости, Стив, нет времени их расписать) с 1919 г. по (приблизительно) 1925 г.

Ф. 324, оп. 2, д. 76, л. 74–87.

A letter of Ludmila Kosheleva, RGASPI archive
researcher, to Stephen Cohen

June 12, 2017

Dear Steve! I'll try to meet up with you when you're in Moscow. You've asked whether there are any new documents related to Bukharin; the answer is no, we haven't received anything new. Unfortunately, I don't know what documents you have. In the collections of documents we received previously, we come across very interesting stuff by and about Bukharin. I'm sending you a small listing. Do you have these documents? Please excuse me for the listing's sketchiness. I was in a great hurry.

Ludmila Kosheleva

1. Bukharin's letter to A.A. Andreyev: plans to publish «Izvestia Yearbook» and a conversation with Stalin regarding this; request to authorize the provision of paper for the publication; enclosed is the book's table of content (listing of the Yearbook's documents and articles).

April 2, 1935.

Hand-written original.

Collection 671, file 1, folder 52, sheets 22–25.

2. Bukharin's memo to the Central Committee's Politburo (to Stalin) with a request: considering the abnormal situation among Izvestia's editors, grant Tsy-pin's request to relieve him of his duties at the newspaper and appoint Bogushevsky or Dyatlov as a deputy editor.

May 22, 1935.

Hand-written original.

Collection 671, file 1, folder 52, sheet 36.

3. Bukharin's letter to Stalin – a request to solve several «ultra-ripe» problems (appointing the newspaper's deputy editor; the editorial team's secretary; foreign correspondents; Radek's illness; Politburo's resolution; criticism of Izvestia in Tal's bulletins; Bukharin's vacation leave, etc.) – with Stalin's resolution «For Yezhov's consideration.»

June 27, 1935

Hand-written original.

Collection 671, file 1, folder 52, sheets 27–29.

4. Bukharin's memo to the Central Committee's Politburo (to Stalin): a request, considering the writer's extreme fatigue, to allow his 1.5-month vacation leave and to solve the long-standing problem related to appointing Bukharin's deputy; Stalin's resolution: «For comrade Yezhov's consideration. Please, talk this over with comrade Bukharin (together with comrade Tal) and settle the matter. J[oseph] St[alin]. I have no objections against c[omrade] Bukharin's vacation leave. J[oseph] St[alin].»

July 11, 1935.

Hand-written original.

Collection 671, file 1, folder. 52, sheet 30.

5. Bukharin's letter to Yezhov (personally): a request to settle the matter concerning Izvestia's deputy editor Selikh. (Bukharin informs that his vacation leave is being postponed for the third time).

July 15, 1935.

Hand-written original.

Collection 671, file 1, folder 52, sheet 31.

6. Very interesting drafts of Yezhov's letter to Stalin about M.P. Tomskey's suicide, about the Right Opposition, Radek, Pyatakov, etc.; information about a conversation with Tom-

sky's wife (mentioning that the day before his suicide Tomsky was visited by a «close friend and associate B.» (whom the document doesn't identify).

[August 1936]

Hand-written originals.

Collection 671, file 1, folder 52, sheets 183–195.

7. Memo from Vasiliev, employee of the Communist Party's Central Committee's administration, to Yezhov, containing a clipping from «a White Guard Czech newspaper» about Bukharin's stay in Prague; Manuilsky's letter to Yezhov – Manuilsky informs Yezhov that he sends him a translation of Bukharin's letter to the editor of the evening newspaper of Czechoslovakia's Communist Party «Halo noviny,» which was an evidence «of a fairly dreadful incident that took place during Bukharin's presentation on February 29 at the Women's Club in Prague», and that this incident should be investigated by the Central Committee.

March 25, 1936

A newspaper clipping, original

Collection 671, file 1, folder 53, sheets 69, 70, 71

8. Bukharin's letter to vice-president of the Academy of Sciences of the USSR Krzhizhanovsky and the Academy's permanent secretary Gorbunov: Bukharin, being a member of the Academy's presidium and the director of the Institute of History of Sciences and Technology, learned from strangers that they [Krzhizhanovsky and Gorbunov] «de-facto dismissed the institute's staff and closed the institute, without saying him [Bukharin] a word,» objections against the closing of the institute, etc.

Gorbunov's letter in response to Bukharin's.

June 10, 1936

Typed copy.

Collection 671, file 1, folder 23, sheets 49–52/

9. Bukharin's letter (from Paris) to M.M. Litvinov asking him to help his wife, A.M. Larina, to come to Paris, (if he [Bukharin] stays in Paris longer than expected), because

«Anya is with child»; Bukharin also writes that «not a single kopeck from the state's coffers will be expended on this trip» (undated);

Bukharin's letter from Paris to Yezhov: a request to allow his wife to travel to Paris: «I'm certainly not going – nor do I want – to stay here longer than necessary 'for pleasure' because – I hope this is self-evident – I 'like' living in the USSR 'more'»

March 26 [?]

Hand-written original.

Collection 671, file 1, folder 48, sheets 8, 9.

10. Schwalbe's submission to the Communist Party's committee of the Molotovskiy District regarding the issue, raised at the court hearings, of the Right Opposition's complicity and connections with «the Zinoviev and Trotsky terrorists» (Schwalbe informs, inter alia, about meetings between Bukharin and Kamenev at the Academia publishing house, Izvestia's editorial office, in Leningrad at the Academy of Sciences's guest house, etc.); report submitted by Tumanov, secretary of the Communist Party committee at the Gorky Institute of Literature, to Levenshtein, secretary of the Molotovskiy District party committee, about Tumanov's conversation with Schwalbe: about Bukharin, Sokolnikov, Pyatakov, Tomsky, Rakovsky.

Collection 671, file 1, folder 253, sheets 229–233.

11. Yezhov's collection of documents includes an interesting folder: Memos submitted by the Department of Printing and Publishing of the Communist Party's Central Committee to Stalin and Yezhov, a draft of the resolution of the Communist Party's Central Committee on the Izvestia newspaper's editorial team (findings of a commission headed by Yezhov).

1936

Collection 671, file 1, folder 49.

12. N.I. Bukharin's letter to Stalin with comments about the draft of the [resolution] on the national question.

[1923]

Typed.

Collection 324, file 2, folder 15, sheets 65, 66.

13. Bukharin's comments about changes introduced by Zinoviev to the talking points regarding the question of agriculture and peasants.

1920.

Typed.

Collection 324, file 2, folder 16, sheets 8–13.

14. Bukharin's memo to Radek about the slogan for the (socialist and Soviet) United States of Europe.

Undated.

Hand-written original.

Collection 326, file 2, folder 6, sheet 7.

15. Bukharin's correspondence with Zinoviev:

Zinoviev's letter to Bukharin – a request to immediately send to Izvestia his article on the 5th anniversary of the Comintern because Pravda never publishes his articles without a delay; Bukharin's memo to Stalin about this issue, with postscripts by Stalin and Kamenev (perhaps made at a session of the Politburo) to the effect that the question can be considered as settled.

1924.

Originals. Hand-written by Zinoviev, Bukharin, Stalin, Kamenev, Molotov, Rudzutaks.

16. Bukharin's letters to Zinoviev responding to Zinoviev's accusations against Pravda.

Originals.

Collection 324, file 2, folder 71, sheets 50–57.

17. Zinoviev's letter to Bukharin about Stalin's, Uglanov's and Bukharin's struggle against Zinoviev and Kamenev. Interesting!!!

1925

Typed.

Collection 324, file 2, folder 71, sheet 93.

New Yevtushenko Poem Praises Stalin Victim

By David K. Shipler

*Published in The New York Times,
January 19, 1988*

In a new, previously unpublished poem that has found its way to the United States, the Soviet poet Yevgeny Yevtushenko expresses a vivid admiration and compassion for Nikolai I. Bukharin, the Bolshevik leader who was executed on Stalin's orders in 1938.

The poem, «Bukharin's Widow,» written last June after Mr. Yevtushenko met with Bukharin's widow in Moscow, comes as an additional statement of anti-Stalinism amid a growing campaign in the Soviet press and theater to praise Bukharin and to see him officially rehabilitated.

[...]

Mr. Gorbachev spoke favorably of Bukharin in a major speech on Soviet history last November, during the celebrations of the 70th anniversary of the Bolshevik Revolution.

[...]

In a sense, Mr. Gorbachev's current efforts at «perestroika,» or «restructuring,» parallel many of Bukharin's views, according to Stephen F. Cohen, who is a professor of Soviet politics and history at Princeton University and author of «Bukharin and the Bolshevik Revolution: A Political Biography, 1888–1938.»

«Anti-Stalinism is an essential part of Gorbachev's program,» Mr. Cohen said. «Perestroika is an effort to dismantle the system created in the thirties. Bukharin was the real defender of NEP. That's why Bukharin keeps forcing himself back onto the historical and political agenda.»

[...]

Mr. Cohen and other specialists say they believe that Bukharin may be close to full official rehabilitation, both in the

form of a formal juridical document throwing out his conviction in a show trial and in the form of posthumous readmission to the Communist Party.

[...]

Mr. Yevtushenko has been reading his poem around Moscow since he wrote it last summer. He reportedly submitted it to Vitaly A. Korotich, the editor of *Ogonyok*... The hesitation may be «that it's too radical,» Mr. Cohen speculated, «because Bukharin stands as a symbol of the lost founding fathers,» and the verses suggest, perhaps, a country that lost its founding ideals. «It may be too much, too soon, too quick,» he said.

[...]

During his career, Mr. Yevtushenko has been known for being just ahead of trends, for judiciously testing the wind and the limits of art and discourse. He was decidedly ahead in this case, according to his translator, Antonina W. Bouis, since he wrote the poem and began giving readings of it several months before Mr. Gorbachev's favorable mention of Bukharin in November.

[...]

Bukharin's Widow:

Anna Mikhailovna Larina,
I look at you astonished,
stunned,
for beneath your maiden name
for so many years
has hidden the miraculously survived
widow of Nikolai Bukharin.
You are the only book
from which
his picture has not been torn out.
I saw that picture
not in our country,
but abroad:
a Narodnik-type beard,
a driver's cap on his brow,

the black,
prophetically funereal,
sheen of his Bolshevik leather coat,
and the gaze,
used to surveillance, both from the tsarist police
and his own GPU.
There he is – the «Party's favorite»
in Lenin's phrase.

***

And twenty-year-old Anechka,
angel of those black days,
Not having had time
to read her husband's books,
married the uncrowned,
the «half-exposed,»
the doomed –
and that is to her honor.

***

Anya memorized his testament,
and tore it into shreds,
becoming his living testament.
The words of Bukharin's testament
floated down the sewer pipes
but those very words
un destroyed,
were borne
by a Soviet Decembrist...
his widow.
Soviet Decembrist wives
did not ask for royal
permission –
«May we go to Siberia?»
They were simply thrown here,
where the toilet cans stood like chalices of patience
and where the thieves
and whores ruled
and judged.

And the camps began –
Maryinsky,
Novo-Ivanovsky,
Tomsky,
where the stink of the gruel and the underwear
is the only perfume for women.

***

They took away
her year-old Yura,
and then took away his surname and patronymic,
so that he would not know his father.

***

And when, twelve years later,
in the village of Tisul,
they met in fear of their first meeting,
mother and son,
the name «Bukharin»
burned him like magma,
spilling from the pots, gone berserk
of his orphanage kitchens.

And his mother
miraculously
turned into a ventriloquist,
from her, at last,
in exhausted,
pre-death testament
his real father
spoke to him.
Former defendants,
resurrected,
become judges.
Former judges
become the accused.
Former «losers»
become people with great fates,
former false luminaries
turn into barely visible lights.
The revolution's traitors turned out
to be someone completely different.

The revolution had been betrayed
by false heirs.

***

Forgive, Anna Mikhailovna Larina,
who should be Bukharina.

My meeting with you is a gift
of a bitter history lesson.

Forgive, Yuri Borisovich,
who should be Nikolaevich.

***

Anna Mikhailovna,
you did not preserve the testament in vain,
for one day we will say as a nation:
if we are born of Lenin, of October,
then we are of Bukharin too.

Those who see danger in glasnost
are trying to stifle it.

***

Real fathers of the revolution,
perestroika

is your testament.

And the revolution will continue,
and so will the line

of commissars,

if we,

resurrecting every honest name

and dragging

our country

forward on our backs,

become

our fathers'

living testament!

By Yevgeny Yevtushenko, July 1987

Translated by Antonina W. Bouis

Новая поэма Евтушенко славит жертву Сталина

Дэвид К. Шуплер

The New York Times, 19 января 1988 года

В новой, прежде не публиковавшейся поэме, дошедшей до Соединенных Штатов, советский поэт Евгений Евтушенко выражает откровенное восхищение и сочувствие по отношению к Николаю Бухарину – лидеру большевиков, казненному по приказу Сталина в 1938 году.

Поэма «Вдова Бухарина», написанная в июне прошлого года после встречи поэта с вдовой Бухарина в Москве, стала еще одним антисталинистским заявлением в набирающей обороты кампании в советской прессе и театре в поддержку Бухарина и его официальной реабилитации.

[...]

Положительную оценку Бухарину в ноябре прошлого года дал г-н Горбачев в своей большой речи о советской истории, посвященной 70-летию большевистской революции.

[...]

В определенном смысле, нынешние усилия г-на Горбачева по «перестройке» страны схожи со многими взглядами Бухарина, считает Стивен Ф. Коэн, профессор советской политики и истории в Принстонском университете и автор книги «Бухарин и большевистская революция: Политическая биография, 1888–1938». «Антисталинизм – существенная часть программы Горбачева, – сказал Коэн. – Цель перестройки – демонтировать политическую систему, сложившуюся в 1930-е годы. Бухарин отстаивал идеи НЭПа. Вот почему он все настойчивее возвращается в историческую и политическую повестку».

[...]

Г-н Коэн и другие специалисты уверены, что Бухарин, возможно, близок к полной официальной реабилитации,

как в форме формально-юридического документа о снятии с него обвинений, по которым он был осужден показательным процессом, так и в форме посмертного восстановления в партии.

[...]

Свою поэму, написанную летом прошлого года, г-н Евтушенко публично читает по всей Москве. По некоторым сведениям, он предложил ее для публикации Виталию Коротичу, главному редактору «Огонька»... Колебания могут быть связаны с тем, что она «слишком радикальна», считает г-н Коэн, «поскольку Бухарин выступает символом забытых отцов-основателей», и стихи могут восприниматься как намек на то, что страна забыла идеалы, на которых была основана. «Возможно, это слишком много, слишком скоро, слишком рано», – сказал он.

[...]

На протяжении своей поэтической карьеры г-н Евтушенко был известен тем, что умел опережать свое время, улавливать направление ветра и наступать на границы дозволенного искусством и общественным дискурсом. В этом случае он явно опередил время, считает его переводчица Антонина Буис, поскольку написал свою поэму и начал ее читать перед публикой за несколько месяцев до официального одобрения Бухарина Горбачевым в ноябре прошлого года.

[...]

Евгений Евтушенко
Вдова Бухарина (отрывки)

Анна Михайловна Ларина,
я гляжу на Вас ошеломленно,
ударенно,
ибо под Вашей фамилией девичьей
прячется столько лет
уцелевшая чудом
вдова Николая Бухарина.

Вы – книга единственная,
из которой
не выдран его портрет.
Я этот портрет увидел
не в нашей стране,
а, как говорится, в «загранке» –
народническая борода,
шоферская кепка на лбу,
и чёрный,
пророчески траурный,
блеск большевистской кожанки,
и взгляд,
привыкший к слежке царской охранки
и собственного ГПУ.
Вот он – «любимец партии»,
по выражению Ленина.
...
А двадцатилетняя Анечка –
ангел времени чёрного,
книг своего мужа
ещё не успев прочесть,
вышла не за увенчанного –
за полуразоблаченного,
вышла за обреченного,
и это ей делает честь.
...
... и Аня по просьбе мужа
его завещанье зазубривала
и разорвала на клочки,
став завещаньем живым.
Слова завещанья Бухарина
плыли по трубам канализации,
но эти же самые
неуничтоженные слова,
как воплощенная в женском образе
память нации,
носила в себе
советская декабристка –
его вдова.

с ним заговорил
его настоящий отец.
Бывшие подсудимые,
воскреснув,
становятся судьями.

Бывшие судьи
становятся подсудимыми.

Бывшие неудачники –
людьми с великими судьбами.

Бывшие ложные светила –
лампочками, еле разглядимыми.

У революции оказались
вовсе не те предатели.

Предали революцию
лживые «продолжатели».

...

Простите, Анна Михайловна Ларина,
которая должна быть Бухарина.

Как горький урок истории
мне встреча с Вами подарена.

Простите, Юрий Борисович,
который должен быть Николаевич.

...

Анна Михайловна,
вы сохранили его завещанье не зря,

ибо мы скажем ещё всем народом:

если мы родом из Октября,

значит, мы из Бухарина тоже родом.

Нашу гласность задуть сегодня рвутся

те, кому она – как личная опасность.

Настоящие отцы революции,

это ваш спасённый глас –

наша гласность.

Цену жизни занижали,

иудствуя,

цену цифр преступно завывали.

Настоящие отцы революции,

перестройка –

это ваше завещанье.

И продолжится революция,
и продолжится наш
искалеченный род,
если мы,
воскрешая каждое честное имя,
на себе
страну
волоча вперед,
станем
наших отцов
завещаниями живыми!

Июль 1987

II

A PROFESSOR,
A MENTOR,
A LECTURER

ПРОФЕССОР,
НАСТАВНИК,
ЛЕКТОР

He Was the Best

Pine Crest Today, January/February 1969

[...]

Cohen came to Princeton last fall after studying, teaching, and doing research at Columbia University.

Following a common Princeton practice, he did little formal teaching initially, while becoming acclimating to the University. Instead, he directed a number of senior theses, handled some precepts – small, weekly, course-related explanatory undertakings by students and teachers which are a distinctive part of Princeton's program of study – and run the University's Program of Russian Studies.

«We looked for a person in comparative politics and Communist politics,» explained a senior member of the department, «and he was the best.» Princeton tried to get Cohen on its faculty for the first time back in 1964. It doesn't often try twice.

[...]

His dissertation, «Bukharin and the Russian Bolshevism», is, [Cohen] says, «an intellectual and political biography of Bukharin, emphasizing the period between 1924 and 1929, the Soviet leader's industrialization program, and his theory of building socialism in Russia.»

[...]

The completed dissertation is now being polished for publication as a book, tentatively titled, says Cohen only half in jest, «The Good Bolshevik».

«Actually, my main interest is in revolutions, revolutions of the 20th century, and by peasants particularly,» Cohen explains. «You might call it biography of revolutions.» He sees the 1917 Russian Revolution as the «beginning laboratory.»

[...]

When his book on Bukharin is finished, Cohen hopes to do one on the «Stalin revolution» of the 1930s. And he is already thinking about a study of Russian movies, one of several non-academic areas which interest him.

[...]

«His doctoral thesis, already a major contribution to our knowledge about the Russian Revolution, is going to be a very important book in its field,» observes Dr. Tucker, one of this nation's leading interpreters of the Russian political system. «We can see in Steve Cohen one of the most promising young scholars in Russian studies in the field of political science and history.»

Он был лучшим

Pine Crest Today, Январь/февраль 1969 года

[...]

Коэн пришел в Принстон в конце прошлого года после учебы, преподавательской и исследовательской работы в Колумбийском университете.

Следуя принятой в Принстоне практике, он поначалу мало преподавал, акклиматизируясь в университете. Он осуществлял научное руководство диссертациями, вел «прецепты» – еженедельные групповые дискуссии студентов и преподавателей по тематике курса, которые являются отличительной чертой программы обучения в Принстоне, и руководил университетской программой руссиеведения.

«Мы искали специалиста по компаративной политике и коммунистической политике, – пояснил один из старших преподавателей факультета. – И он был лучшим». Первый раз Принстон пытался заполучить Коэна в свой штат в 1964 году. Он редко делает это дважды.

Pine Crest today

Jan/Feb 1969

HE WAS THE BEST

Stephen F. Cohen, Assistant Professor of Politics at Princeton University, is a specialist in comparative politics and Communist politics.

□ "I'm more inclined to give you your head than to impose authors or subjects on you."

The young faculty member was discussing with a potential enrollee, a graduate course on Marxism which was to be given in the spring 1969 term at Princeton University. In a sense, one suspects the statement reflects a teaching philosophy of Pine Crest School alumnus Stephen F. Cohen, Assistant Professor of Politics at Princeton.

Cohen came to Princeton last fall after studying, teaching, and doing research at Columbia University.

Following a common Princeton practice, he did little formal teaching initially, while becoming acclimated to the University. Instead, he directed a number of senior theses, handled some precepts — small, weekly, course-related exploratory undertakings by students and teachers which are a distinctive part of Princeton's program of study — and ran the University's Program in Russian Studies.

"We looked for a person in comparative politics and Communist politics," explained a senior member of the department, "and he was the best." Princeton tried to get Cohen on its faculty for the first time back in 1964. It doesn't often try twice.

There are a dozen in the Marxism seminar, "using their heads" rather than having authors and subjects imposed upon them. Their backgrounds offer the kind of broad discussion base Cohen likes. Two, for instance, are philosophy majors, another is doing graduate work in religion, five are following a politics curriculum, and another will get his doctorate in Slavic Languages and Literatures.

"Each comes with a different hobby horse to ride," reflects the young teacher.

His second course, one on "Soviet Politics," has drawn, on the other hand, 110 undergraduates. Obviously, Cohen lectures!

Born in Indianapolis and raised in Owensboro, Ky., Steve Cohen graduated from Pine Crest School in 1956 where, he says, he was best known as a guard on the basketball team. He went on to

[...]

Его диссертация «Бухарин и русский большевизм», это, по словам Коэна, «интеллектуальная и политическая биография Бухарина, с особым акцентом на периоде 1924–1929 годов, его программе индустриализации и теории построения социализма в России».

[...]

Завершенная диссертация сейчас готовится к публикации как книга с предварительным названием, полушутя-полусерьезно говорит Коэн, «Хороший большевик».

«На самом деле, меня больше всего интересуют революции, революции XX века и особенно крестьянские, – поясняет Коэн. – Это можно было бы назвать “биографией революций”». Русскую революцию 1917 года он считает «изначальной лабораторией».

[...]

Когда его книга о Бухарине будет закончена, Коэн надеется написать новую, о сталинской революции 1930-х годов. Еще он подумывает написать о российском кино – одной из немногих неакадемических сфер, которые его интересуют.

[...] «Его докторская диссертация, которая уже является большим вкладом в наше знание о русской революции, станет очень важной книгой в своей области, – говорит доктор Такер, один из ведущих специалистов по политической системе России в нашей стране. – Мы можем видеть в Стиве Коэне одного из самых многообещающих молодых ученых в области изучения российской истории и политики».

Stephen Cohen's comments on Doug Weiner's graduate student paper «Unemployment and the Peasant Otkhod in the NEP Period»

Princeton University, Department of Politics
December 3, 1975

Dear Doug Weiner,

I have written some strong, even harsh comments in the margins of your paper, and I shall repeat a few of them here. But they should be read and understood in the context of my overall opinion. Which is that this is a very, very impressive piece of work, indeed one of the best jobs of primary research I have ever seen by a graduate student at your level of training. I particularly admire the depth of your research; your use of primary and secondary Soviet sources (as I tried to encourage in the class); the importance of the questions you treat; your organization of the materials; your critical and scholarly mind. (There is no question in my mind that with some revisions and polishing you have here a good master's thesis – this is reply to your question.) On the practical side of things, I am recording for you a grade of A in the colloquium.

I won't continue the praise, but I want you to understand the critical remarks that now follow. I would not bother at such length – here and in the margins – if I did not think you have the makings of a real scholar. But, in my mind, real problems there are. Most you will see and understand from my many comments written all over your paper. So I shall only itemize briefly the main ones here:

1) You and I probably differ in our evaluation of NEP and its potentials. Fine. And we probably differ also on the imperatives, benefits, and achievements of 1929–33. Okay, too. But I worry that you are moving toward – or are already in – that school, strongly represented in England and not without

voice at Columbia, which sees the Stalinist policies of 1929–33 as somehow inexorable (p. 85) and utterly functional. I don't mean to suggest that this school is in any way Stalinist; but it does sometimes appear to accept uncritically a number of Stalinist contentions about circumstances, alternatives, results, etc. In addition, it shares with Stalinists and long-time anti-Communists alike, a kind of deterministic view of Soviet history (things happen inexorably), which I personally find Whiggish and primitive. I see this in your paper partly in some of your generalizations (e.g., pp. 10, 81–82, 85); partly in some of your odd glosses on the «costs» of Stalinist policies, such as camp labor (pp. 8, 25) and collectivization as an actual historical process and its actual impact; in your sometimes contemptuous and dubiously informed treatment of «Rights» (whatever your ubiquitous inverted commas mean); but occasionally also in your tone and coverage, in what you elect to emphasize and minimize. I think you should think about this, but in any case refrain from adopting a final «position» in these historical disputes until you are deeper into all of the evidence.

2) Related is your habit of sweeping generalizations, which undermine the reader's confidence. I have marked several.

3) Though your sympathies seem to be with the Left, it is no reason always to assume the worst of the «Right». First, it is never clear who or what you mean by the «Right», why always the inverted commas, and why you always suggest they didn't understand anything (e.g., unemployment), which then leaves you surprised when one does (pp. 54, 60, etc.).

4) I like your social history, but I would like also more flavor of the actual living conditions, which you allude to on occasion but never really illustrate. This would enrich and enliven your paper, which is very heavy on statistics.

5) I worry that you are not sufficiently critical, or interpretative, of Soviet scholarly (secondary) sources (e.g., p. 83). Remember that, however honorable, Soviet historians publish

nowadays only under certain conditions and constraints, and that they cannot always say exactly what they, and their factual evidence, mean. They expect a critical readership, and so you must be – always aware of the conditions of historical censorship which have varied since, say, the early 1960s.

6) Sometimes you rely too heavily on secondary sources when you should go to the originals – e.g., Lenin, congresses and conferences, etc. – especially on critical points.

7) There are also some serious problems of style and form: the paper needs a proper introduction, a title page, and a bibliography; get rid of all the exclamation points and inappropriate italics – if the emphasis isn't clear without them, the passage needs to be rewritten; underline foreign words; translate all the Russianisms, abbreviations, and Russian words, except those which must be retained – this makes the work smoother, etc.; get your transliteration system consistent – it varies from page to page, and from text to notes, especially on names; drop all rhetorical devices; don't abuse or overuse words («massive», «astonishing», «remarkable»); and, above all, copyread and copyedit.

All this should be clear when you read my notations. If you have problems, call me.

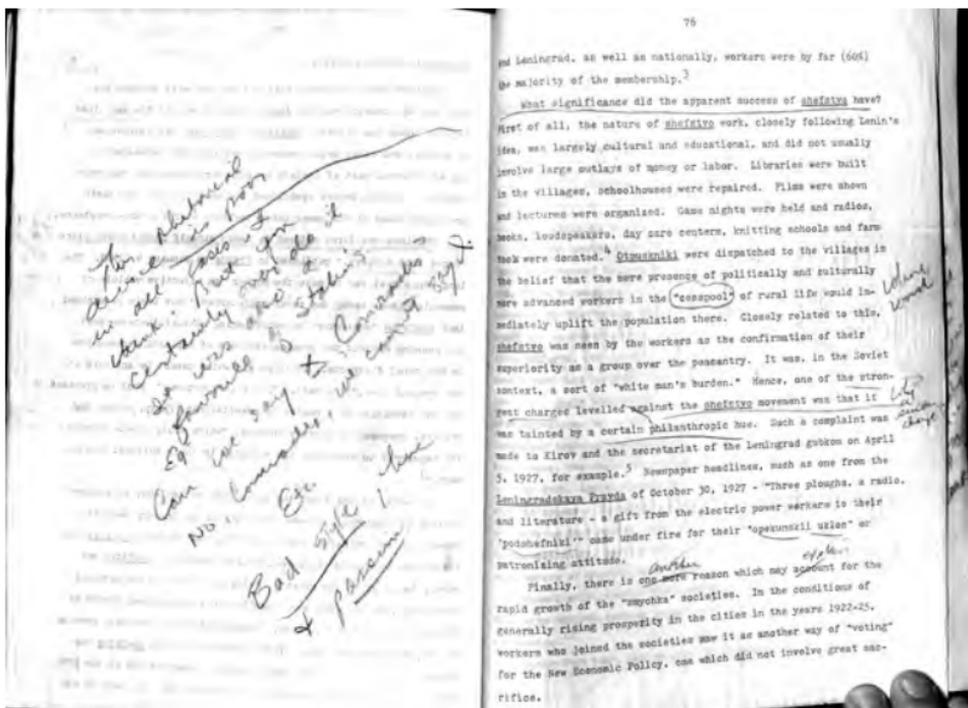
Good work. All best.

Отзыв Стивена Коэна
на работу студента Дуга Уэйнера
«Безработица и крестьянский “отход” в годы НЭПа»

*Принстонский университет, факультет политики
3 декабря 1975 года*

Дорогой Дуг Уэйнер,

Я написал несколько резких, даже грубых комментариев на полях твоей работы, и некоторые из них повторю

здесь. Но они должны быть прочитаны и поняты в контексте моего общего мнения. А оно состоит в том, что это очень, очень впечатляющая работа, одно из лучших самостоятельных исследований, проведенных студентом твоего уровня подготовки, из всех, что я видел. Из положительных черт я особенно хочу отметить глубину анализа; использование первичных и вторичных советских источников (то, к чему я всегда призываю на занятиях); важность затронутых вопросов; организацию материала; критический и научный подход. (Я не сомневаюсь, что с небольшими поправками и доработками у тебя выйдет хорошая магистерская диссертация – это ответ на твой вопрос.) Что касается практической стороны, то я ставлю тебе оценку «А» за коллоквиум.

Хвалить больше не буду, но хочу, чтобы ты правильно понял критические замечания, которые последуют ниже.

Я не стал бы делать это так подробно – здесь и на полях – если бы не думал, что у тебя есть задатки настоящего ученого. Но есть, на мой взгляд, и реальные проблемы. Ты поймешь, что я имею в виду, из моих рукописных пометок в тексте твоей работы. Здесь же я только коротко перечислю главное:

1) Мы с тобой, похоже, расходимся в оценке НЭПа и его потенциала. Это хорошо. И мы, похоже, по-разному оцениваем императивы, преимущества и достижения периода 1929–1933 годов. Это тоже хорошо. Но меня беспокоит, что ты движешься в сторону (или уже занял позицию) той школы, которая обосновалась в Англии и имеет своих сторонников в Колумбийском университете и которая считает сталинскую политику 1929–1933 годов чем-то неотвратимым (с. 85) и предельно функциональным. Я не хочу сказать, что эта школа сталинистская, но подчас она воспринимает некритически некоторые сталинистские установки по поводу обстоятельств, альтернатив, итогов и т. д. Кроме того, она разделяет со сталинистами и старыми антикоммунистами детерминистский взгляд на советскую историю (всё происходит неотвратимо), который лично я считаю либерально-вигским и примитивным подходом. Я усматриваю его в твоей работе отчасти в некоторых обобщениях (напр., на с. 10, 81–82 и 85); отчасти в некоторых рассуждениях по поводу таких «издержек» сталинской политики, как лагерный труд (с. 8, 25) и коллективизация как актуальный исторический процесс и влияние этого процесса; в твоём пренебрежительном и не всегда оправданном отношении к «правым» (что бы ни означали твои вездесущие кавычки); а порой и в твоём тоне и подаче материала, в том, что ты решаешь подчеркнуть или преуменьшить. Я считаю, что ты должен подумать о всем этом, но, в любом случае, воздержаться от занятия окончательной «позиции» в этих исторических спорах, пока ты не будешь обладать большей полнотой знания.

2) Сюда же относится и твоя привычка к огульным обобщениям, которые подрывают доверие читателя. Я для себя выделил несколько.

3) Хотя ты явно симпатизируешь левым, нет причин обвинять во всех грехах «правых». Во-первых, не всегда понятно, кого и что ты подразумеваешь под «правыми», зачем эти вечные кавычки и почему ты считаешь, что они ничего не понимают (например, в безработице), а потом удивляешься, что кто-то из них проявил понимание (напр., с. 54, 60 и т. д.)

4) Мне нравится твоя социальная история, но я бы хотел увидеть более яркую картину условий жизни, на которые ты иногда ссылаешься, но никогда не описываешь. А это могло бы обогатить и оживить твою работу, которая перенасыщена статистикой.

5) Меня беспокоит, что ты недостаточно критичен или способен толковать советские научные (вторичные) источники (напр., с. 83). Не забывай, что при всем уважении к советским историкам, они публикуются сегодня в условиях ограничений и запретов, и они не всегда могут говорить напрямую, что они или их документальные свидетельства имеют в виду. Они ожидают от читателя критического прочтения, и ты должен его продемонстрировать – всегда помнить об условиях исторической цензуры и тех изменениях, которые произошли, скажем, с начала 1960-х годов.

6) Иногда ты слишком полагаешься на вторичные источники, когда должен бы опираться на первичные: Ленин, партсъезды, партконференции, – особенно по критически важным вопросам.

7) Есть также серьезные претензии к стилю и оформлению работы: нужны хорошее введение, титульный лист и библиография; убрать восклицательные знаки и ненужный курсив – если без них твои акценты непонятны, значит надо переписать какие-то фрагменты; выделить ино-

странные слова; перевести / расшифровать все русские слова, русизмы, аббревиатуры, кроме тех, что нужно оставить – это сделает работу более гладкой; привести к единообразию систему транслитерации – она непоследовательна, меняется от страницы к странице, от текста к примечаниям, особенно в том, что касается имен; отказаться от риторических ухищрений; не злоупотреблять словами («массивный», «удивительный», «замечательный»); и, конечно, проверять и вычитывать.

Все это станет понятно, когда ты прочтешь мои комментарии. Будут проблемы – звони.

Хорошая работа. Всех благ.

Students rates Soviet Politics as Best Course for fall term

By Mark Chass

The Daily Princetonian, December 1982

The course that studies the ins and outs of the Kremlin, Stephen Cohen's Soviet Politics, is the highest rated fall-term course in the university, earning the score of 4.85 of a possible 5...

Cohen was surprised by his course's success; he had guessed that the course would finish somewhere in the middle of the ratings.

The course (Politics 302) hadn't finished among the top 10 in more than three years. Cohen said that there were a number of differences between the course last term and in the past.

«About four or five years ago I decided to re-do one-third of the lectures a year so that at the end of three years I would have a new set of lectures,» he said.

By changing the lectures, Cohen said that he dealt sooner with the contemporary period of Soviet politics.

Cohen thinks that he has gained a new outlook on the present Soviet system by living in Russia in 1976–77 and by spending some time there every year since.

«When you are in a place it draws you into it and you feel more comfortable talking about it,» he explained.

Changes in the reading list were another significant difference. This year, Cohen said, «you read everything from a novel by Solzhenitsyn to a documentary by Lenin.»

[...]

Студенты выбрали «Советскую политику» лучшим курсом осеннего семестра

Марк Часс

The Daily Princetonian, декабрь 1982 года

Курс, где изучают все тонкости кремлевской кухни, «Советская политика» Стивена Коэна, получил самую высокую оценку в студенческом рейтинге – 4.85 из 5 – и признан лучшим курсом осеннего семестра...

Коэн был удивлен, узнав об успехе своего курса; он полагал, что курс окажется где-то в середине рейтинга к концу семестра.

Курс (Политика 302) больше трех лет не финишировал в десятке лучших. Коэн сказал, что в минувшем семестре курс претерпел ряд изменений по сравнению с прошлыми годами.

«Четыре или пять лет назад я решил, что каждый год буду менять одну треть лекций, с тем чтобы к концу третьего года получить совершенно новый курс лекций», – сказал Коэн.

Благодаря изменениям, по словам Коэна, он смог быстрее справиться с современным периодом советской политики.

Коэн считает, что его опыт жизни в России в 1976–1977 годах и последующие ежегодные поездки туда помогли ему обрести новый взгляд на современную советскую систему.

«Когда находишься на месте, ты вовлечен, поэтому можешь говорить об этом более свободно и уверенно», – пояснил он.

Другим важным отличием нынешнего курса являются изменения в списке литературы. В этом году, по словам Коэна, «вы читаете всё, от романа Солженицына до документов Ленина».

[...]

A Scholar and a Showman

By Sissy Danforth

Princeton Alumni Weekly, May 22, 1985

It was a great thrill to see Stephen F. Cohen's picture on the cover of the March 27 PAW [Princeton Alumni Weekly]. Last fall the League of Women Voters, in an effort to educate the public on foreign policy issues, hired Dr. Cohen as a Russian expert. He not only had wonderful insights into the current Soviet scene, but his lecture was humorously presented, lively, informative, and it made the entire audience want to enroll in his course immediately. Princeton is fortunate to have such an outstanding scholar who can deliver information in a riveting way.

Ученый и шоумен

Сисси Данфорт

Princeton Alumni Weekly, 22 мая 1985 года

С восторгом увидела на обложке «Принстонских выпускников» от 27 марта фото Стивена Коэна. Осенью прошлого года Лига женщин-избирателей, стремясь к просвещению публики в вопросах внешней политики, пригласила доктора Коэна как эксперта по России прочесть лекцию на эту тему. Он не только продемонстрировал удивительно глубокие познания в текущей советской политике, но и сделал это с юмором, живо, информативно, так что вся аудитория немедленно захотела записаться к нему на курс. Принстону повезло иметь такого выдающегося ученого, который может представлять информацию так захватывающе-интересно.

Cohen uses Soviet humor to educate
as well as entertain

By Scott Angstreich

Princeton Weekly Bulletin, April 30, 1990

«What you see here today has nothing to do with a Princeton education,» said Politics Professor Stephen Cohen before he launched into his annual Soviet humor lecture in Politics 302 (Soviet Politics) on April 19.

Cohen, who is head of the Russian Studies Program, said he recounts the humorous anecdotes that circulate in the Soviet Union in order to give an idea of how real Soviet society compares with the Soviet government's official view.

Over 500 students, prospective students, and faculty members crowded into McCosh 10 to hear Cohen's lecture, one of

the most popular on campus. Cohen did not disappoint the audience. He left them laughing and applauding as he concluded 50 minutes of Soviet anecdotes with a verbal image:

The setting sun says: «– you, Gorbachev; I'm in the West now.»

Cohen explained that people in the Soviet Union use anecdotes for social intercourse as well as political commentary. The joke, he said, is the Soviet equivalent of a «high five.»

What's the difference between capitalism and socialism? Under capitalism there's the exploitation of man by man; under socialism, it's the other way around.

Anecdotes come from all areas of Soviet life and spread quickly. Cohen said he heard the following the night after Pravda announced the defection of a Soviet entertainer:

Do you know what a Soviet trio is? A Soviet quartet returning from New York.

Soviet humor ranges from relevant political problems to domestic affairs and even to international matters, according to Cohen. During the Carter era, when plans were being discussed for the neutron bomb, a device that would only harm people and not buildings, Soviet humorists were enthusiastic.

The neutron bomb is a great idea. Imagine, fully stocked vodka shops – and no lines.

A majority of anecdotes, Cohen said, deal with Soviet leaders and their abilities – or lack thereof. Soviet citizens have made Brezhnev, Stalin and even Lenin the butt of their jokes.

Brezhnev once took four hours to give a two-hour speech. He read the carbon copy.

Cohen related one anecdote about a meeting between Stalin and Roosevelt.

A book of jokes about FDR had just been released, and he said he couldn't believe anyone could find enough jokes about him to fill an entire book. «That's nothing,» Stalin replied. «I have two gulags full.»

Even Lenin, the founding father of the Soviet Union, does not escape the barbs of Soviet humor.

When Lenin died and went to heaven, God gave St. Peter the job of Lenin's reeducation. After a couple of weeks, God called St. Peter over and asked how Lenin's reeducation was going. Replied St. Peter, «Excellently, Comrade God!»

Коэн использует советский юмор,
чтобы учить и развлекать

Скотт Ангстрейг

Princeton Weekly Bulletin, 30 апреля 1990 года

«То, что вы увидите сегодня, не имеет никакого отношения к принстонскому образованию», – заявил 19 апреля профессор Стивен Коэн, предваряя свой ежегодный курс лекций о советских анекдотах в рамках курса Политика 302 (Советская политика).

Коэн, возглавляющий программу россиеведения, сказал, что он пересказывает советские анекдоты, чтобы дать понять, как выглядит реальное советское общество по сравнению с официальными представлениями.

Более 500 студентов, будущих студентов и сотрудников факультета набились в аудиторию МакКош 10, чтобы послушать лекцию Коэна, одну из самых популярных в кампусе. И Коэн не разочаровал аудиторию. Под смех и аплодисменты он завершил 50-минутный экскурс по советским анекдотам таким словесным образом:

Солнце заходит и говорит:... тебе, Горбачев! Я уже на Западе.

Коэн рассказал, что люди в Советском Союзе используют анекдоты как для социального общения, так и в качестве политического комментария. Анекдот, сказал он, это советский эквивалент «дай пять!».

В чем разница между капитализмом и социализмом? При капитализме происходит эксплуатация человека человеком. А при социализме наоборот.

Анекдоты рождаются во всех областях советской жизни и очень быстро распространяются. Коэн сказал, что следующий анекдот он услышал вечером того же дня, когда в «Правде» было опубликовано сообщение об оставшемся на Западе деятеле советской культуры.

Что такое советское трио? Это советский квартет после гастролей в Нью-Йорке.

Тематический охват советских анекдотов, по мнению Коэна, простирается от политики до бытовых проблем и даже внешнеполитических аспектов. В эпоху Картера, когда обсуждалась идея нейтронной бомбы, от которой якобы гибнут люди, а здания останутся целыми, советские юмористы живо отреагировали на это.

Нейтронная бомба – это классная вещь. Представляешь, в магазинах полно водки – и никаких очередей.

Большинство анекдотов, говорил Коэн, посвящены советским лидерам и их способностям – или отсутствию таковых. Мишенью шуток советских граждан делались Брежнев, Сталин и даже Ленин.

Брежнев однажды четыре часа читал двухчасовой доклад. Доклад был напечатан под копирку.

Коэн рассказал анекдот о встрече Сталина и Рузвельта.

Вышла книга анекдотов о Рузвельте, и он сказал, что не мог представить, что анекдотами о нем можно заполнить целую книгу. «Это что, – сказал Сталин. – Я два Гулага заполнил».

Даже Ленин, отец-основатель Советского государства, не избежал колючих шипов советского юмора.

Когда Ленин умер и попал на небеса, Бог дал поручение святому Петру заняться его перевоспитанием. Через пару недель Бог вызывает святого Петра и спрашивает, как проходит перевоспитание. «Отлично, товарищ Бог», – отвечает Петр.

Отзывы о встрече студентов
Российского государственного
торгово-экономического университета
со Стивеном Коэном
и Катриной ванден Хювел

8 марта 2004 года

Ольга Залевская:

Стив и Катрина обрисовали нам положение внутри своей страны (США) на данный момент и попытались сделать прогнозы на будущее, выдвинули собственные теории, ответили на некоторые вопросы. Следует отметить, что акцент был сделан на отношения между Россией и США, которые представляют большой интерес как для нас с вами, так и для наших гостей.

Мне было интересно узнать о том, что происходит в США, от людей, там проживающих и имеющих доступ к информации, которая, по некоторым причинам, не доходит до нас или доходит в недостоверном, искаженном виде.

Я не думала, что более 40 % населения страны недовольны нынешним правительством в лице Джорджа Буша. Для меня до этого момента США представлялись демократической страной, где народ сам выбирает, как жить. Теперь стало более понятно, что стоит за теми действиями со стороны Соединенных Штатов, которые были направлены против усиления положения России на Западе. Оказывается, США боятся (да, именно боятся, как бы непривычно ни звучало это слово для нас в сочетании со столь могущественным государством) соперника в лице России.

Конечно, немаловажную роль в охлаждении к нам американского правительства сыграл и отказ Путина от политики «уступничества», столь успешно практиковавшейся

во время правления Б.Н. Ельцина. По-моему, это положительный шаг для России, так как страна с огромным потенциалом не должна пресмыкаться перед другими государствами.

Очень интересно, что американская сторона аргументировала свою перемену отношения антидемократическим настроением правительства (арест Ходорковского), возвращением России к империализму и т. п. Мне кажется, что для Америки некоторые события, происходящие у нас в стране, кажутся шокирующими из-за того, что Америка – это не Россия, у русских свой взгляд на жизнь, в корне отличающийся от американцев. С нашим менталитетом жесткие действия бывают иногда даже очень полезны.

Также меня заинтересовала теория, выдвинутая Стивом Коэном, и мне бы хотелось изучить ее подробнее.

Столько написав о выступлении Стива и Катрины, я не могу не написать о самих этих людях. Честно говоря, когда я шла на встречу «с американцами», то была настроена достаточно скептически. Но когда началось их выступление, весь скептицизм улетучился. С самого начала они смогли расположить меня к себе.

Это оказались очень воспитанные и образованные люди. Было очень интересно наблюдать за тем, как они излагали свои точки зрения на правление Путина, которые достаточно отличались одна от другой, как неодинаково они расположены к России, при всем этом это люди, живущие под одной крышей в течение долгих лет, у которых взрослый ребенок и которые очень любят друг друга.

Мне кажется, им удалось передать атмосферу, царящую в США: переживание по поводу предстоящих выборов, исход которых может сильно повлиять на дальнейшую политику США, а следовательно, на безопасность и благополучие их граждан; возмущение правлением Джорджа Буша.

Надеюсь, это не последняя встреча со Стивеном и Катриной. Буду рада увидеть их еще не раз.

Огромное спасибо Л.Н. Доброхотову за организацию данного мероприятия.

Александра Ермакова:

Мне очень понравилось выступление Стивена Коэна. Особенно интересно было услышать его мнения и прогнозы по поводу отношений США и России в будущем, так как для россиян эта проблема является очень актуальной на данном этапе развития. Ведь дальнейшие взаимоотношения этих стран повлияют не только на их собственное состояние, но и непосредственно отразятся на экономике других стран. По моему мнению, к вопросу регулирования политики русско-американских отношений правительству России нужно отнестись наиболее серьезно, так как от этого зависит очень многое, в первую очередь – жизнь и достаток россиян.

Также хочется отметить то, что Стивен Коэн, не боясь критики американцев в свой адрес, трезво оценил сложившуюся ситуацию на мировой арене и рассказал нам, студентам Российского Государственного Торгово-Экономического Университета, о реальной обстановке в Соединенных Штатах и истинном отношении американского правительства к русскому. Лично для меня было неожиданностью узнать, что в Америке с новой силой разворачиваются антипутинские (и вообще антирусские) настроения, причем до такой степени, что создаются специальные объявления, в которых открыто осуждается политика Путина в России, да и сама страна представляется террористической.

Конечно, нетрудно догадаться, как будут относиться наивные американцы, прочитав такую статью. Впрочем, людям из США и так с детства внушается отрицательное отношение к России... Возникает вопрос – кому это нужно? Неужели американское правительство настолько боится возвышения роли России на мировой арене? Как го-

ворится, тот, кто уверен в своей силе, не станет нападать на слабого... Получается, что американское правительство просто эгоистичное и слабое, но скрывающееся под маской сильной державы. Мне кажется, так и есть! Я была ужасно возмущена тем, что, по словам Коэна, американцы считают прошлое нашей страны бесполезным, что относятся к нам без капли уважения, не считаются с нашими традициями.

Я уверена, что Россия – это великая страна, в будущем она усилит свою экономику и политику и поднимет свой былой авторитет и уважение, поэтому, по-моему, американские люди и тем более правительство не должны умалять роли нашей страны, а наоборот стать нашим союзником и товарищем. Стивен говорил: «Американские власти, да и граждане под влиянием СМИ рассматривали Россию лишь как помощницу Америки, всячески умаляя роль России как субъекта внешнеполитической стратегии крупнейших держав мира». Это их главная ошибка, по моему мнению. К тому же, если русское правительство и делало некоторые уступки США, то американское как не думало их делать, так и не собирается, по всей видимости.

Я очень благодарна Стивену Коэну за огромное количество интересной для меня информации, а также за полученное удовольствие от прослушивания его выступления. Я считаю, что сотрудничество и дружба с такими людьми, как Стивен Коэн, просто необходимы России, потому что наметившаяся тенденция к «холодной войне» между нашими странами представляет огромную опасность как для нас, так и для всего мира.

Comments on the meeting of Stephen Cohen and
Katrina vanden Heuvel with students of the Russian
State University of Trade and Economics

March 18, 2004

Olga Zalevskaya:

Steve and Katrina told us about the current situation in their country (USA) and tried to make some forecasts, introduced their own theories, answered some questions. It should be mentioned that the guest speakers focused mostly on Russia-US relations, a subject of great interest both for us and for them.

It was very interesting for me to learn about what was going on in the States from people who live there and have access to information that, for some reasons, either doesn't reach us or reaches us in a garbled form.

I had no idea that more than 40 % of the country's population is dissatisfied with the current government, with George Bush. Until now I used to think of the US as a democratic country where people decide how to live.

Now you have a better understanding of the motivations behind the moves of the US intended to subvert the process of the strengthening of Russia's position in the West. It turns out that the States are afraid (yes, afraid, even if the notion of fear does not seem to go together well with so powerful a state) of such rival as Russia.

Of course, one of the factors accounting for the negative changes in the US government's attitude to us was Putin's reluctance to continue the policy of «concessionism,» so successfully practiced in the era of Yeltsin. I believe this is a positive development for Russia because the country with a huge potential should not grovel before other countries.

It's very interesting that the States explained the changes in its attitude by the [Russian] government's anti-democratic drift (the arrest of Khodorkovsky), the resurgence of imperial-

ism in Russia, etc. In my opinion, the States are shocked by some of the events in our country because America is not Russia, Russians have a distinct worldview, which is different from the Americans'. Considering our mentality, playing hardball sometimes can be necessary.

Besides, Stephen Cohen introduced a theory that interested me very much and I'd like to take a closer look at it.

After having written so much about Steve's and Katrina's public talk, I cannot but say something about these people as such. Honestly, walking to the meeting with «Americans,» I was quite skeptical. But when the meeting started, all my skepticism evaporated. I found them endearing from the get-to.

They turned out to be very good-mannered and educated persons. It was fascinating to watch how they were sharing their thoughts on Putin's rule, which quite strongly differed from one another, how different their attitudes to Russia were, although they are a couple who have lived together for many years, have a grown-up child and love each other very much.

I think they succeeded in describing the present atmosphere in the States: anxieties related to the forthcoming election, whose outcome can have a very strong impact on the States' future policies and, therefore, on security and wellbeing of American citizens; the resentment over George Bush's policies.

I hope this is not the last meeting with Stephen and Katrina. I would be happy to see them again, and more than once.

Great thanks to L.N. Dobrokhotov for organizing this event.

Alexandra Yermakova:

I liked the meeting with Stephen Cohen very much. Of particular interest were his opinions and forecasts concerning the future of US-Russia relations because this issue is now very important for Russians. For future relations between these

two countries are to have an impact not only on them but on economies of other nations as well. In my view, the Russian government should give most serious consideration to the issue of regulating US-Russia relations because they have a bearing on many things – first of all, on Russians' living standards and prosperity.

Another point worth mentioning is that Stephen Cohen, unafraid of being criticized by Americans, gave a sober assessment of the current international situation and talked to us, students of the Russian University of Trade and Economics, about the real situation in the US and the true attitude of the American government to the Russian government.

I personally was surprised to learn that the States are experiencing a resurgence of the anti-Putin (and generally anti-Russian) sentiment, and on such a scale that there are special announcements with open denunciation of Putin's policies in Russia, Russia itself being presented as a terrorist country. Of course, it's easy to imagine what sort of picture naïve Americans are going to have in their minds when they read such articles. But anyway, Americans are taught to think negatively of Russia since childhood... So the question begs itself: who needs this? Is the US government really so much afraid of Russia's rise on the international stage? As they say, he who is confident about his strength will not attack a weaker party... hence it follows that the US government is egoistic and weak but pretends to be a strong power. I feel that this indeed is the case!

I felt very angry when Stephen Cohen said that the Americans viewed our country's past as useless, that they didn't feel the slightest respect for us, that they scorned our traditions... I'm certain that Russia is a great country that is set to strengthen its economic and political standing and restore its influence and the respect it used to command, so, in my opinion, the American people, let alone their government, rather than belittle our country's role, should, on the contrary, become our ally and comrade. Stephen Cohen said:

«Under the mass media's influence, the United States' government and, truth be told, citizens view Russia only as America's assistant, downplaying in every possible way Russia's role as a subject of the world's greatest powers' international strategies». I think it's their biggest mistake. And besides, whereas the Russian government has made certain concessions to the United States, the American government has never considered making any and, as it seems, is not thinking of changing its stance.

I'm very grateful to Stephen Cohen for the enormous amount of information that is of great interest to me, as well as for the pleasure of listening to his talk. I think that Russia needs cooperation and friendship of such people as Stephen Cohen because the stirrings of a new «cold war» between our countries are very dangerous both for us and for the entire world.

III

About
U.S. Russia
policies
and
russian-american
relations

Об американской
политике в
отношении России
и российско-
американских
отношениях

Gorbachev the Great

By Stephen F. Cohen

The New York Times, March 11, 1991

Six years after Mikhail Gorbachev came to power, on March 11, 1985, many commentators say his reform efforts have failed miserably. Some charge he has betrayed his promises or that he has always been an imposter-reformer. They point to growing Soviet economic chaos and ethnic unrest, to his unpopularity at home, as further evidenced by protests yesterday, and his recent adoption of authoritarian measures. They conclude, he is no longer worthy – or never was – of our support.

This view is based on false assumptions. The first is that Mr. Gorbachev has had time to carry out his reforms and thus demonstrate his real intentions. In reality, he has undertaken the most ambitious changes in modern history. Their goal is to «dismantle» the state controls Stalin imposed and to achieve an «emancipation of society» through privatization, democratization, and federalization of the 15 republics. Such proposals were bound to face old traditions, social obstacles and political opposition. They could not have unfolded quickly or smoothly. Even if successful, they will need decades to sink roots, with traumatic setbacks along the way.

The second assumption is that the persistent economic problems and continuing absence of a market economy prove that Mr. Gorbachev already has failed. Perestroika is in crisis, but its achievements are remarkable. In the equivalent of a U.S. Presidential term, 1985 to 1989, despite stubborn opposition, Mr. Gorbachev legislated most of his radical proposals aimed at virtually replacing the existing system with a democratic and market system. No American President with such a record would be considered a failure.

More important, Russia has come closer to democracy than ever before. Though democratization remains exceedingly frag-

ile, how can it be dismissed as a failure? Mr. Gorbachev's economic policies had also made gains. Many conservatives have given up dogmatic opposition to a market economy, and five million people now work in the private cooperative sector.

The third dubious assumption: Mr. Gorbachev has betrayed his professed goals by not allying himself with «radical democrats» led by Boris Yeltsin on the basis of a 500-day leap to a market economy; instead, he has turned to the military, K.G.B and party to save himself.

In fact, radical democrats are few in number, weak in power and deeply divided. Moreover, their plan asked Mr. Gorbachev to inflict on tens of millions of citizens extreme anti-welfare and inflationary measures no U.S. politician would advocate.

Rapid privatizing cannot be carried out primarily from above, because the vast bureaucracy controls 90 percent of the economy and opposes it. A market economy must be carried out by millions of citizens who have been empowered to do so by Mr. Gorbachev's legislation and are willing to become risk-taking entrepreneurs. Opinion surveys show relatively few are ready to do this.

Faced with growing destabilization and opposition, Mr. Gorbachev is trying to save perestroika from collapse or overthrow by forming a coalition with new conservatives who have emerged in traditional bastions of power. While resenting the «excesses» of Mr. Gorbachev's political reforms and demanding that he hold the union together, they substantially support a market economy and even some democratization. They are not the despotic «reactionaries» Eduard Shevardnadze warned against when he resigned as Foreign Minister.

We may regret Mr. Gorbachev's new political strategy, but it is frivolous to disregard the circumstances that compelled it, and a larger truth: authentic reform will be gradual and consensual or it will be nonexistent.

The fourth false assumption is that all democratic-minded Soviet citizens oppose Mr. Gorbachev and support Mr. Yeltsin, and so must we. This generalization applies mainly to Moscow-based liberal intellectuals, from whom our media get most of their political perspectives. Many pro-democracy intellectuals in the provinces are far less radical, and large segments of the populace remain allergic to all the reforms.

Nor is it true that all Moscow democrats have fully repudiated Mr. Gorbachev. They have rightly denounced the bloodshed in the Baltics, but some have urged him to resort to other authoritarian measures to save the reform process. Not a few mistrust Mr. Yeltsin. Do the impatient radicals who have given up on Mr. Gorbachev really understand their own political possibilities? Or are they continuing the intelligentsia's tradition of maximalism that previously undermined reform in Russian history?

None of this means Mr. Gorbachev has been a faultless leader – only that he has entered history as a great reformer and, if Eastern Europe is included, liberator. If reform is to succeed, another and different kind of leader eventually will be needed. But for now there is no persuasive evidence that one has approached center stage or that his time has come.

Горбачев Великий

Стивен Ф. Коэн

The New York Times, 11 марта 1991 года

Через шесть лет после того как 11 марта 1985 года Михаил Горбачев пришел к власти, многие комментаторы говорят, что его попытки реформ с треском провалились. Некоторые обвиняют его в том, что нарушил свои обещания или вовсе никогда не был настоящим реформатором. Они указывают на растущие в Советском Союзе экономи-

ческий хаос и этнические беспорядки, на его непопулярность в стране, еще одним подтверждением которой стали вчерашние выступления, и на принятые недавно авторитарные меры. И делают вывод: он больше не заслуживает – или никогда не заслуживал – нашей поддержки.

Эта точка зрения основана на ошибочных предположениях. Первое состоит в том, что у г-на Горбачева было время осуществить свои реформы и тем самым продемонстрировать свои настоящие намерения. На самом деле, он предпринял самую амбициозную попытку перемен в новейшей истории. Их цель – «демонтировать» навязанную Сталиным систему государственного контроля и добиться «освобождения общества» путем приватизации, демократизации и федерализации 15 республик. Такие планы не могли не столкнуться лоб в лоб со старыми традициями, социальными препятствиями и политической оппозицией. Их осуществление не могло быть ни быстрым, ни гладким. Даже в случае успеха им требовались десятилетия, чтобы пустить корни и преодолеть травматические последствия неизбежных для такого процесса неудач.

Второе предположение состоит в том, что бесконечные экономические проблемы и до сих пор отсутствующая рыночная экономика доказывают, что г-н Горбачев уже потерпел неудачу. Перестройка в кризисе, но ее достижения достойны восхищения. За время, равное одному президентскому сроку в Америке, с 1985 по 1989 годы, несмотря на упорное противодействие, г-н Горбачев законодательно закрепил большинство своих радикальных предложений, нацеленных практически на замещение существующей системы демократической и рыночной. Ни одного американского президента с таким послужным списком не назвали бы неудачником.

Что еще более важно, Россия сегодня ближе к демократии, чем когда-либо раньше. Пусть демократия пока еще очень хрупкая, но разве можно назвать ее неудавшейся?

И экономические меры г-на Горбачева тоже принесли плоды. Многие консерваторы отказались от догматической оппозиции в пользу рыночной экономики, в частно-кооперативном секторе ныне работают пять миллионов человек.

Третье сомнительное утверждение: г-н Горбачев предал заявленные цели, когда отказался заключить союз с «радикальными демократами» во главе с Борисом Ельциным, предложившими ему программу прыжка в рыночную экономику за 500 дней, а вместо этого повернул в сторону военных, КГБ и партийных структур, якобы спасая себя.

На самом деле, радикальные демократы малочисленны, слабы как политическая сила и глубоко расколоты. Кроме того, их план вынуждал г-на Горбачева подвергнуть десятки миллионов граждан крайне жестким мерам, чреватым высокой инфляцией и падением жизненного уровня, которые ни один политик в Соединенных Штатах не поддержал бы.

Ускоренную приватизацию нельзя осуществить главным образом сверху, поскольку 90 % экономики контролируется бюрократией, которая выступает против. Ее могут осуществить миллионы граждан, которые получили на это право по законодательству г-на Горбачева и готовы взять на себя риск и стать предпринимателями. Опросы общественного мнения показывают, что желающих относительно немного.

Столкнувшись с растущей дестабилизацией и оппозицией, г-н Горбачев пытается спасти перестройку от краха или срыва путем создания коалиции с новыми консервативными силами, возникшими в традиционных бастионах власти. Осуждая «эксцессы» политических реформ г-на Горбачева и требуя сохранения Союза, они, тем не менее, в основном поддерживают рыночную экономику и даже некоторую демократизацию. Это не те деспотические

«реакционеры», об опасности которых предупреждал уходящий с поста министра иностранных дел Эдуард Шеварднадзе.

Мы можем сожалеть по поводу новой политической стратегии г-на Горбачева, но глупо не учитывать обстоятельства, вынуждающие его к этому, как и более глобальную истину: подлинная реформа должна проводиться постепенно и согласованно, иначе никакой реформы не будет.

Четвертое неверное предположение состоит в том, что все демократически мыслящие советские граждане настроены против г-на Горбачева и поддерживают г-на Ельцина, поэтому и мы должны. Это обобщение относится по большей части к московской либеральной интеллигенции, у которой наши СМИ в основном черпают политические воззрения. Многие демократически настроенные интеллектуалы в провинции гораздо менее радикальны, а значительные слои населения остаются и вовсе невосприимчивыми к реформам.

Неправда также, что все московские демократы полностью отреклись от г-на Горбачева. Они справедливо осуждают кровопролитие в Прибалтике, но некоторые из них подталкивают его прибегнуть к авторитарным мерам, чтобы спасти перестроечный процесс. Немало и тех, кто не доверяет г-ну Ельцину. Понимают ли нетерпеливые радикалы, разуверившиеся в г-не Горбачеве, свои реальные политические возможности? Или они являются продолжателями традиционного для русской интеллигенции максимализма, погубившего не одну попытку реформ в истории России?

Ничто из сказанного не означает, что г-н Горбачев безупречный лидер, а лишь то, что он вошел в историю как великий реформатор и, если брать в расчет Восточную Европу, освободитель. Если реформе дано осуществиться, в конечном итоге понадобится другой, иного типа лидер. Но пока нет убедительных свидетельств того, что такой лидер появился на авансцене или что его время пришло.

Testimony on U.S. Policy toward Russia
to U.S. Senate Committee of Appropriations

By *Stephen F. Cohen, Princeton University*

January 24, 1994

A Personal Note

I have come here today to speak very harsh words about the Clinton Administration's policy toward Russia. Therefore, I need to begin on a personal note.

Having voted for President Clinton, I am not a partisan opponent of this Administration. And having grown up in Kentucky, and learned about the outside world as a young person much as President Clinton did, I have a strong sentimental interest in seeing this President establish a wise relationship with the country that I have studied for 30 years. Moreover, like President Clinton, I believe strongly that the United States should generously help the cause of Russian reform.

But I also believe that the honor of testifying before a Senate committee carries with it the obligation to speak the truth, as I see it, as fully and candidly as I can.

I. Under President Clinton's leadership, a terrible, fateful, and fully predictable U.S. foreign policy disaster may be unfolding in post-Communist Russia.

It would be a terrible disaster because all the goals we pursue in Russia – democracy, a stable market economy, a pro-Western government, and a major reduction and safeguarding of nuclear weapons and other lethal devices – are being undermined by the Clinton Administration's own policies, behavior, and rhetoric.

It would be a fateful disaster because as much as any other country (perhaps more), vast nuclear-laden Russia will determine the world order and our own security in the 21st century no less than it has in this century.

To be fair, this unwise policy toward Russia began under President Bush in late 1991, with the break-up of the Soviet Union. But for a full year now, President Clinton has expanded the policy, making it even worse, and thus making it his own.

II. Many self-professed experts, especially those who designed the policy, will tell you that it failed because the United States did not give Russia enough financial aid, or did not give it in the right way or at the right time. Their self-serving explanation ignores all the lessons that we must now learn if the American failure in Russia is not to unfold in still worse ways.

At fault is the whole conceptual, philosophical, political, or ideological foundation (underpinning) of American policy toward the post-Communist Russia.

The guiding principle of U.S. policy since 1991 has been, and evidently remains, an exceedingly missionary and highly interventionist idea: That the United States can and should intervene in Russian internal affairs in order to convert (or transform) that nation into an American-style system at home and into a submissive junior partner of the United States abroad.

On the basis of this preposterously missionary idea – which is in near total conflict with Russia's traditions, present-day realities, and actual possibilities – the Bush and Clinton administrations have tried to build a relationship with post-Communist Russia.

Essentially, the United States said to the new Russian government: If you follow our prescriptions for economic reform (known as leap-to-capitalism «shock therapy»), and our lead in nuclear and other international matters, we will give you financial aid, plenty of advisers, and a place by our side (or in our shadow) in world affairs.

Russian President Yeltsin, for his own complex reasons, accepted (or pretended to accept) the offer, which was declared

to be a «strategic partnership and friendship.» And on this understanding, the Clinton Administration has stuck to Yeltsin like crazy glue, at least until very recently.

III. Let me remind you how badly this missionary American policy has failed.

Prospects for peaceful development toward stable market and democracy in Russia are worse today than they were two years ago, and much worse than they were one year ago, when President Clinton took office.

Antidemocratic, military, and other security forces now play a far greater role in Russia's domestic and foreign politics than they did only a year ago.

Meanwhile, very little concrete has been done to actually reduce the various kinds of nuclear threat located on former Soviet territory, dangers greater today than they were under the Soviet regime. (Among other things, none of the much-ballyhooed nuclear reduction treaties have actually been ratified.)

As for the American wager on Boris Yeltsin as the popular instrument of our crusade, 85 percent of the voters in the December 1993 Russian elections voted against his policy and party, and not surprisingly.

A substantial part of that anti-Yeltsin vote was an anti-American backlash against our intrusive role in Russian affairs. (Indeed, there is more anti-Americanism in Russia today, or at least less affection for America, than at any time during the 30 years I have visited and lived in that country.)

Most recently, this Administration's remoteness from Russian reality allowed President Clinton to be embarrassed by his own Moscow summit meeting with President Yeltsin in Moscow: Promises made by Yeltsin about the composition and direction of his government were violated the moment Clinton left Moscow, and again, not surprisingly.

Finally, here in the United States, the Clinton Administration has created many public illusions and false expectations about Russia's possibilities. Now that realities are destroying

those illusions and expectations, there is the danger of an anti-Russian backlash here in our own country – certainly against more aid for Russian reform.

This development may not augur a new cold war, but a chilly peace now is more likely than the much vaunted «partnership and friendship» in U.S. – Russian relations. And here, too, the Clinton Administration bears heavy responsibility.

IV. Was any or all of this avoidable? Politics, and especially leadership, is about choosing the right policy from among those being proposed.

For two years, a small group of us, with knowledge of Russia and some access to the media and to Washington, have warned repeatedly about the present U.S. policy.

We pointed out the inevitable collision between American myths and Russian realities. We pointed to the counter-productive dangers inherent in such a policy. And we foresaw the dire consequences, for Russia and for the United States.

Events have proved that we were right. I wish that they had not.

But not even I, probably the most implacable and alarmed critic of this missionary policy, foresaw how deeply and unwisely the Clinton Administration would become involved in the cauldron of Russian domestic politics.

It is said that the United States must support Yeltsin because he is Russia's elected president. This is correct. But the Clinton Administration has gone far beyond that accepted norm of international conduct. It has acted as Yeltsin's political cheerleader, accomplice, spin doctor.

And thus it has implicated the United States in several of Yeltsin's profoundly unwise and even wicked deeds.

V. To understand the degree of our complicity, I ask you to see Yeltsin's leadership for one moment through the eyes of a great many Russian citizens.

In the Russian context, Yeltsin has been an extremist leader. Since 1991, he has tried to impose from above (an old

Russian tradition) very radical (i.e., extremist) policies on a country that never voted for any of them.

Yeltsin's most extreme measures came as three shocks to Russian society:

1. In 1991, he suddenly abolished the Soviet Union, the only country most Russian had ever known. (What we thought of it does not matter.)

2. In 1992, his economic «shock therapy» took away the life savings and standard of living of most Russian families.

3. And in 1993, his tanks destroyed an elected Parliament and constitutional political system that was previously presented to the people as the embodiment of Russia's post-Communist future.

Yeltsin's shock leadership polarized Russian society, opinion, and politics. Extremism always begets extremism. Yeltsin's extremism led to extreme nationalist Zhirinovskiy's big (but not surprising) victory in the December elections.

Consider now the role of the United States, under Bush and Clinton, in just a few of these Russian events:

1. When Yeltsin precipitously abolished the Soviet Union, our government cheered loudly without expressed concern for the impact on ordinary citizens, and without considering the potential for very bloody consequences and even several civil wars in a land full of nuclear devices.

2. When Yeltsin's «shock therapy» impoverished tens of millions of Russians (including millions of would-be middle-class private investors in economic reform), our government cheered loudly and urged him to do of the same.

3. When other Russian market economic reformers protested Yeltsin's policies, our government said that their policies were not real reform and shunned them.

4. When the Russian parliamentary opposition to Yeltsin formed in 1992, our government endorsed Yeltsin's characterization of that elected body as a «Red-Brown citadel of reaction» and shunned it too, thereby playing an ignoble role in

undermining the acceptance of an established opposition, which Russian democracy lacks but so needs.

5. When Yeltsin first tried to shut down the Russian Parliament, in March 1993, the Clinton Administration (to put it mildly) supported him.

6. When Russian moderates tried to ward off a second confrontation between Yeltsin and the Parliament, the Clinton Administration scorned them as well.

7. When Yeltsin abolished Russia's constitutional order and sent tanks against Parliament, in September-October 1993, the Clinton Administration cheered even more loudly. (It thereby endorsed Russia's most persistent anti-democratic tradition: overweening executive power, no legislative authority.)

8. And now that Yeltsin has contrived a new «constitution» without any real separation of power, or even any constitutional process, the Clinton Administration heralds it as a «democratic breakthrough.» (Does it not understand that Russia has had plenty of constitutions, never any constitutionalism?)

In light of all this, can there any longer be any doubt that this hopelessly intrusive and missionary policy toward Russia has failed in the most fundamental ways? That it has undermined our own purposes there and compromised our own best values? (Is it any wonder that even my democratic-minded Russian friends no longer have admiration for my government?)

VI. But what now? We must abandon this reckless crusade of trying to macro/micro manage Russia's present and future, but what kind of policy can and should we adopt? The answer must be found this time in Russia, not in Washington.

Deeply wounded, in shock, polarized, and angry, Russia desperately needs moderate, consensual, gradual reforms. Any more shocks are likely to send some rough beast slouching toward Moscow.

As we talk, a broad coalition of moderate Russian politicians («centrists» who see themselves between Yeltsin and Zhirinovskiy) is struggling behind the scenes to regroup and become the decisive force in Russian politics, and thus to take charge of and reshape the reform process – with or without Yeltsin.

This moderate bloc is Russia's best hope, and possibly last chance, for some kind of peaceful, democratic, market reform. For a Russia engaged in progressive changes at home rather than in the pursuit of lost empire abroad.

Some kind of moderate coalition is therefore also our own best hope, and possibly last chance, for a Russia compatible with our best concerns and real security.

But how will the Clinton Administration react to any moderate coalition that forms in opposition to Yeltsin's policies? And particularly this coalition, which includes political figures, ideas, and policy proposals that The Administration previously shunned and even denounced? Will the United States continue to be the enemy of a stable center and moderation in Russian politics?

If the Administration heeds the lessons of its own missionary failures in Russia, it will adopt a new (and moderate) guiding principle: The United States does not have the right, the wisdom, or the power to interfere so deeply in Russia's internal affairs.

If the Administration embraces that new principle, a wise and workable policy will be at hand. It will withdraw its excessive presence in Russian political life; cease its missionary sermons and dollar-laden ultimatums; and encourage Russia to find its destiny within its own traditions, existing circumstances, and real possibilities.

Such an approach is, after all, truly consistent with American values. Aren't most of us always stirred by the theme song of Frank Sinatra and Elvis Presley? «I DID IT MY WAY!»

Russia has to do it its own way.

And when (or if) Russia finds its own way toward political and economic reform, even if it is not our way, this Senate Committee will have plenty of opportunities to use its financial aid in ways that are wise, fruitful, and honorable.

Выступление Стивена Коэна перед Комитетом по ассигнованиям Сената США

24 января 1994 года

Личное замечание.

Я пришел сюда сегодня высказаться очень жестко о политике администрации Клинтона в отношении России. Поэтому я должен начать с личного замечания.

Поскольку я голосовал за президента Клинтона, я не являюсь партийным оппонентом его администрации. И, поскольку я вырос в Кентукки, и мое юношеское познание окружающего мира во многом было таким же, как у президента Клинтона, я сентиментально заинтересован в том, чтобы этот президент выстроил умные отношения со страной, которую я изучаю уже 30 лет. К тому же, я, как и президент Клинтон, абсолютно убежден, что США должны щедро помогать российской реформе.

Но я также убежден, что честь свидетельства перед сенатским комитетом предполагает обязательство говорить правду, как я ее понимаю, и настолько полно и искренне, как могу.

1. Под руководством президента Клинтона внешняя политика США, возможно, терпит крах – полный, грозный и абсолютно предсказуемый – в посткоммунистической России.

Это будет полный крах, потому что все цели, которые мы преследуем в России – демократия, стабильная рыночная экономика, прозападное правительство, существ-

венное сокращение и безопасное хранение ядерного и другого летального оружия – оказываются под угрозой из-за политики, поведения и риторики администрации Клинтона.

Это будет грозный крах, потому что огромная ядерная Россия, не меньше (а может больше), чем любая другая страна, будет определять мировой порядок и нашу безопасность в 21-ом веке, так же, как и в нынешнем.

Справедливо заметить, что неразумная политика в отношении России началась еще при президенте Буше в конце 1991 года, когда распался Советский Союз. Но вот уже год, как президент Клинтон продолжает и усугубляет эту политику, делая ее те самым своей.

II. Многие самозванные эксперты, особенно те, кто разрабатывал эту политику, скажут вам потом, что она потерпела крах, оттого что США не оказали России достаточной финансовой помощи или оказали ее не так или не в то время. Это самооправдание не учитывает все те уроки, которые мы должны извлечь теперь, пока крах американской политики в России не принял еще худшие формы.

Ошибочным является всё концептуальное, философское, политическое и идеологическое обоснование (фундамент) американской политики в отношении посткоммунистической России.

Руководящим принципом этой политики, начиная с 1991 года и очевидно до сих пор, является чрезмерно миссионерская и интервенционистская идея: США могут и должны вмешиваться во внутренние дела России в целях обращения (трансформации) ее в американоподобную систему дома и младшего, подчиненного партнера США на мировой арене.

На основе этой нелепой миссионерской идеи – которая идет вразрез с российскими традициями, сегодняшними реалиями и имеющимися возможностями – администрации Буша и Клинтона попытались выстроить отношения с посткоммунистической Россией.

США сказали новому российскому руководству: если будете следовать нашим рецептам экономической реформы (так называемой «шоковой терапии», позволяющей совершить прыжок в капитализм) и нашим указаниям в ядерном и других международных вопросах, мы дадим вам финансовую помощь, множество советников и место рядом с нами (или в нашей тени) в мировой политике.

Президент России Ельцин, движимый какими-то своими резонами, принял (или сделал вид, что принял) это предложение, которое было декларативно названо «стратегическим партнерством и дружбой». И, воспользовавшись этой договоренностью, администрация Клинтона вцепилась в Ельцина мертвой хваткой, во всяком случае, до самых недавних пор.

III. Позвольте напомнить вам, какими провалами обернулось это американское миссионерство.

Перспективы мирного развития в направлении стабильного рынка и демократии сегодня в России хуже, чем были два года назад, и гораздо хуже, чем были год назад, когда президент Клинтон занял Белый дом.

Антидемократические, военные и другие силовые круги играют сегодня куда большую роль в российской внутренней и внешней политике, чем это было даже год назад.

Меж тем, очень мало конкретного было сделано, чтобы реально сократить ядерные вооружения на бывшей советской территории, и опасность в этой области сегодня выше, чем была при советском режиме. (Среди прочего, ни одно из распиаренных ядерных соглашений не было ратифицировано.)

Что касается ставки американской администрации на Бориса Ельцина как на популярного лидера и инструмент ее крестового похода, то на прошедших в декабре 1993 года выборах в России 85 % проголосовали против его партии и его политики – что неудивительно.

Во многом это антиельцинское голосование было обратной антиамериканской реакцией на наше вмешательство в их внутренние дела. (Сегодня в России куда больше антиамериканизма, ну, или меньше любви к Америке, чем когда-либо за 30 лет, которые я знаю эту страну.)

Совсем недавно непонимание американской администрацией российской реальности позволило оконфузиться президенту Клинтону: данные Ельциным на московском саммите обещания относительно состава и политики его правительства были нарушены, как только Клинтон покинул Москву – и снова неудивительно.

Наконец, у нас, в Соединенных Штатах, администрация Клинтона создала много общественных иллюзий и фальшивых ожиданий по поводу возможностей России. Теперь, когда реалии рушат эти иллюзии и ожидания, есть опасность возникновения обратной антироссийской реакции уже у нас в стране – естественно, против дальнейшей помощи российским реформам. Возможно, это и не приведет к новой холодной войне, но «холодный мир» в американо-российских отношениях сегодня более вероятен, чем пресловутые «партнерство и дружба». И ответственность за это тоже несет администрация Клинтона.

IV. Можно ли было чего-то или всего этого избежать? Политика, особенно руководящая, это вопрос выбора правильного направления из предложенных.

Два года мы, небольшая группа людей, со знанием России и определенным доступом к СМИ и вашингтонским кругам, предупреждали об опасности текущей американской политики.

Мы указывали на неизбежное столкновение американских мифов и российской реальности. Мы указывали на заложенные в этой политике подрывные угрозы. И мы предвидели ее отрицательные последствия для России и для США.

События подтвердили нашу правоту, чему я совсем не рад.

Но даже я, возможно самый непримиримый и обеспокоенный критик этой миссионерской политики, не мог предвидеть, насколько глубоко и глупо администрация Клинтон уязвет в каше российской внутренней политики.

Утверждается, что США должны поддерживать Ельцина, поскольку он избранный президент России. Это правильно. Но администрация пошла куда дальше этой принятой международной нормы. Она стала вести себя как политический чирлидер, поделщик и пиарщик Ельцина. И тем самым втянула США в некоторые его совершенно глупые и даже порочные дела.

V. Чтобы понять степень нашей вовлеченности, я прошу вас взглянуть на ельцинское руководство глазами большинства российских граждан.

В российском контексте Ельцин как лидер является экстремистом. С 1991 года он пытается сверху (старая российская традиция) навязывать стране очень радикальные (экстремистские) меры, не спрашивая мнения граждан.

Самые экстремальные из ельцинских мер явились тремя шоками для российского общества:

1. В 1991 году он внезапно отменил Советский Союз – единственную страну, которую большинство русских знали. (Что мы думали об этом, не имеет значения.)

2. В 1992 году его «шоковая терапия» в экономике лишила большинство российских семей сбережений и нормального уровня жизни.

3. В 1993 году его танки расстреляли законно избранный парламент и уничтожили конституционную политическую систему, прежде представленную народу как воплощение посткоммунистического будущего России.

Ельцинское «шоковое» руководство раскололо общество, общественное мнение и политику. Экстремизм всегда порождает экстремизм. Ельцинский экстремизм привел к внушительной (неудивительно) победе на декабрьских выборах крайнего националиста Жириновского.

Посмотрим теперь на роль США при Буше и Клинтоне в некоторых российских событиях:

1. Когда Ельцин поспешно отменил Советский Союз, наше правительство громко рукоплескало, не заботясь о том, как это скажется на рядовых гражданах, и не думая о потенциале кровавых последствий и даже гражданских войн в стране, наполненной ядерными устройствами.

2. Когда ельцинская «шоковая терапия» сделала нищими десятки миллионов россиян (в том числе миллионы потенциальных членов среднего класса, будущих инвесторов в экономические реформы), наше правительство громко рукоплескало и подталкивало его на новые подобные свершения.

3. Когда другие российские реформаторы, тоже сторонники рыночной экономики, выступили против ельцинской политики, наше правительство сказала, что их реформа не настоящая, и отмахнулось от них.

4. Когда в 1992 году сформировалась российская парламентская антиельцинская оппозиция, наше правительство поддержало характеристику, данную этому избранному органу Ельциным: «красно-коричневая цитадель реакции», – и отмахнулось от нее тоже. Чем сыграло недостойную роль, помешав закреплению понятия официально признанной оппозиции, которого российской демократии так не хватает.

5. Когда в марте 1993 года Ельцин попытался впервые распустить российский парламент, администрация Клинтона (мягко говоря) поддержала его.

6. Когда российские умеренные политики попытались помешать второй конфронтации между президентом Ельциным и парламентом, администрация Клинтона презрительно дезавуировала их.

7. Когда в сентябре-октябре 1993 года Ельцин отменил существовавший конституционный порядок и послал танки к парламенту, администрация Клинтона рукоплескала

еще громче. (Тем самым одоблив самую закоренелую антидемократическую традицию России: превосходство исполнительной власти над законодательной.)

8. И теперь, когда Ельцин представил новую «конституцию», не имея в стране реального разделения властей или хотя бы внятного конституционного процесса, администрация Клинтона чувствует это как «демократический прорыв». (Разве она не понимает, что конституций у России было много, но никогда не было настоящего конституционализма?)

В свете всего сказанного можно ли еще сомневаться, что наша политика вмешательства по отношению к России провалилась самым фундаментальным образом? Что она мешает достижению наших целей там и компрометирует наши главные ценности? (Неудивительно, что даже мои демократически настроенные друзья в России больше не уважают мое правительство.)

VI. И что дальше? Мы должны прекратить этот крестовый поход, оставить попытки макро / микро управления российским настоящим и будущим. Но какую политику мы можем и должны проводить? Ответ на этот вопрос нужно искать в России, а не в Вашингтоне.

Глубоко уязвленная, потрясенная, расколотая и сердитая, Россия отчаянно нуждается в умеренной, согласованной, постепенной реформе.

Прямо сейчас за сценой широкая коалиция умеренных российских политиков («центристов», позиционирующих себя между Ельциным и Жириновским) старается сгруппироваться и стать решающей силой в российской политике, а вместе с тем взять в свои руки процесс реформ – с Ельциным или без него.

Этот умеренный блок – главная надежда и, может быть, последний шанс России на мирную, демократическую, рыночную реформу. На то, что Россия будет занята прогрессивными преобразованиями внутри страны, а не погоней за утраченной империей вовне.

Некая умеренная коалиция, следовательно, и наша главная надежда и, может быть, последний шанс на Россию, отвечающую нашим главным интересам и заботе о безопасности.

Но как администрация Клинтона отреагирует на умеренную коалицию, которая формируется как оппозиция ельцинской политике? Особенно эта коалиция, составленная из политических фигур, идей и предложений, от которых администрация прежде отмахнулась и даже отвергла? Останутся ли США врагом стабильного центра и умеренности в российской политике?

Если администрация извлечет уроки из провала своей миссионерской деятельности в России, она возьмет на вооружение новый (умеренный) руководящий принцип: Соединенные Штаты не обладают правом, мудростью и властью вмешиваться во внутренние дела России.

Если администрация примет этот новый принцип, то разумная и осуществимая политика будет наготове. Убрать избыточное американское присутствие в российской политической жизни; отозвать легион своих политических и экономических советников; прекратить свои миссионерские проповеди и денежные ультиматумы; и не мешать России искать свою судьбу в собственных традициях и исходя из существующих реалий и наличных возможностей.

Такой подход, помимо прочего, вполне отвечает американским ценностям. Кого из нас не волновал лейтмотив песни Фрэнка Синатры и Элвиса Пресли? «I DID IT MY WAY!» («Я сделал это по-своему»)

Россия должна сделать это по-своему.

И когда (если) Россия найдет свой собственный путь к политической и экономической реформе, то даже если это будет не наш путь, этот сенатский комитет будет иметь массу возможностей использовать свою финансовую помощь разумно, продуктивно и достойно.

Help Russia

By Stephen F. Cohen and Katrina vanden Heuvel
The Nation editorial, January 11/18, 1999

A fateful crossroads in American-Russian relations is being obscured by Bill Clinton's impeachment and war against Iraq. How the US government responds to Russia at this moment of its greatest economic and human distress since World War II is likely to determine relations between the two former cold war rivals for many years to come.

Russia is in the throes of an economic disaster. Seven years of depression have halved its GDP, decimated its banking system and currency, eroded essential infrastructures of modern life and left the state bankrupt and saddled with more than \$150 billion of foreign debt. Some 70 to 80 percent of Russians now live precariously below or barely above the subsistence level, their wages unpaid, bank savings frozen, money in hand greatly devalued and welfare provisions evaporating.

And yet Clinton Administration, despite having enthusiastically bankrolled every previous government formed under President Boris Yeltsin, even one that waged genocidal war in Chechnya, is refusing Moscow's pleas for financial help. The main reason given, routinely echoed in US editorials, is that the new Russian Cabinet headed by Yevgeny Primakov is abandoning «reform» – in particular, the purportedly free-market, rigidly monetarist policies that Washington and its primary lending agency, the IMF, have made a condition of aid for nearly six years.

The Primakov government is indeed moving away from US-backed policies – not because it is antireform or antimarket but because those measures have greatly contributed to Russia's deepening crisis. Desperately seeking ways to save its people, revive production and stabilize the country, Primakov's Cabinet is adopting forms of state regulation and deficit

spending akin to Franklin Roosevelt's anti-Depression reforms of the thirties. But not even this explicit appeal to America's own experience has softened Washington's hardline stance. No less incongruous, the Clinton Administration maintains that any new financial aid would be lost for corruption, even though many of its Russian proteges previously in power, the «radical reformers,» were both inept and corrupt. In contrast, Primakov's team didn't create Russia's meltdown and hasn't stolen anything.

In truth, Russia's economic collapse is also the collapse of Clinton's Russia policy. We urgently need a new one based on a very different principle – not the intrusive, ideological conditions imposed by US and IMF officials but on the prescient wisdom expressed by George Kennan almost a half-century ago. Foreseeing the eventual end of Communist rule, he wrote: «Let us not hover nervously over the people who come after, applying litmus papers daily to their political complexions... Give them time; let them be Russians; let them work out their internal problems in their own manner.» Today it means letting Russians, not our State and Treasury departments, decide what constitutes reform in Russia.

A new US policy would therefore have a less arrogant purpose. Instead of continuing the inherently doomed and dangerous crusade to transform Russia into a replica of America, it would aid that stricken nation's economic recovery and political stabilization. Discarding litmus papers, the United States should support any Russian government that pursues those goals as long as it does so by promoting the well-being of ordinary citizens and without abrogating the ten-year-old but still fragile process of democratization.

Such a US policy must begin by helping Russia now. There are four compelling reasons. The first is humanitarian. Russia has been devastated by a kind of hurricane that could be no less lethal than those in the Caribbean. As an exceedingly harsh winter descends, millions of Russian lives are jeopard-

ized by shortages of food, medicine and fuel. Second, America must atone in deeds for its widely perceived complicity in Russia's human disaster – US – sponsored policies, for example, made the country dependent on imported food and medicines most people can no longer afford – before anti-American feelings become implacable.

The third and fourth reasons go directly to our most basic national interests. Primakov and his top ministers are moderate centrists in desperate circumstances. If they fail, the world's largest territorial country, on whose borders lives nearly a quarter of the world's population, will be further destabilized and political extremists are likely to come to power. (Recent anti-Semitic incidents in the Duma are an omen.) Still worse, the complete collapse of a country laden with nuclear weapons, reactors, materials and other deadly devices would plunge the world into unprecedented danger.

Five ways of helping Russia immediately are readily at hand, only one requiring substantial new funds:

– The Clinton Administration is already sending large quantities of food, but Russia has a greater need for life-sustaining medicines. The US should use its wealth and logistical capabilities to organize an international pharmaceutical relief effort.

– Most Russians lack money even for essential goods and services. (Wage arrears to federal employees alone, including soldiers and schoolteachers, exceed \$4 billion and are growing.) That is one important reason the Primakov government has to print new rubles despite strong US disapproval. The IMF should release the remaining \$13 billion in new loans promised in July to the previous Russian government but withheld from Primakov's, the first installment of \$4.3 billion specifically to back rubles for long-overdue wages and pensions. This would directly help Russians in distress and avert hyperinflation.

– At the same time, much of Russia's sovereign debt to the West, especially the \$70 billion inherited from the Soviet Union, should be forgiven, as was done for Poland and as has been proposed by the World Council of Churches for all impoverished countries in connection with the new millennium. What remains should be restructured, with billions of dollars in interest and principal due in 1999 postponed for at least five years. That would enable the Russian government to use whatever resources it can muster for internal economic and social needs, particularly the revival of industry, agriculture and welfare benefits.

– In addition, there should be a concerted Western effort to help Russia locate and repatriate the enormous wealth – more than \$150 billion, according to some estimates – taken illegally and stashed abroad during the years of «reform.» The potential benefits to Russia far exceed all the empty promises of foreign investment.

– Finally, but no less urgent, Russia's nuclear devices, from decommissioned submarines and warheads to poorly maintained reactors, are several Chernobyls waiting to happen. During the cold war the United States spent trillions of dollars preparing to fight a nuclear war. Instead of the barely \$500 million currently budgeted by Congress for averting nuclear disaster in Russia, surely a few billion, or at least as much as spent recently on two wars against Iraq's «weapons of mass destruction,» is a small price to pay.

These are only the first steps toward a new US policy that must include more far-reaching US-Russian disarmament agreements and an end to provocative plans to bring former Soviet republics into NATO. They require an acknowledgment that current policies have failed and that the dangers emanating from Russia today are greater even than those of the cold war. Taking these steps before it is too late would help Bill Clinton redeem his presidency.

Помочь России.

Российская политика Клинтона провалилась.

Нужна новая

*Стивен Коэн, Катрина ванден Хювел
Независимая газета, 26 января 1999 года*

Роковое распутье в американо-российских отношениях омрачено процессом импичмента Билла Клинтона и войной против Ирака. То, как правительство США ответит России в момент ее величайшего экономического и гуманитарного бедствия со времен Второй мировой войны, скорее всего определит отношения между двумя бывшими противниками периода холодной войны на много лет вперед.

Россия корчится в муках экономической катастрофы. Семь лет депрессии наполовину сократили ее ВВП, подкосили банковскую систему и валюту, разрушили жизненно необходимые инфраструктуры современной жизни и оставили государство в состоянии банкротства, обремененным 150-миллиардным зарубежным долгом. Около 70 или 80 % русских ныне живут случайными заработками ниже или чуть выше уровня выживания с невыплаченными зарплатами, замороженными банковскими счетами, в значительной мере обесцененной наличностью и умирающей системой социального обеспечения.

И тем не менее клинтоновская администрация вопреки тому, что она же с энтузиазмом финансировала каждое предшествовавшее правительство, сформированное при президенте Ельцине, даже то, которое организовало геноцид в Чечне, ныне отказывает Москве в экономической помощи. Главной предьявляемой причиной этого, рутинно повторяемой в передовицах американских газет, является то, что новый российский кабинет, возглавляемый

Евгением Примаковым, отказывается от «реформ» – имея, в частности в виду жестко монетаристскую политику свободного рынка, которую Вашингтон и его важнейшее ссудное агентство МВФ сделали абсолютным условием помощи на последующие шесть лет.

Правительство Примакова на самом деле уходит от поддерживаемой США политики и не потому, что оно антиреформаторское или выступает против свободного рынка, а потому что эти меры в значительной мере способствовали российскому кризису. Отчаянно выискивая путь спасения своего народа, возрождения промышленности и стабилизации страны, кабинет Примакова одобряет формы государственного регулирования и дефицитного финансирования, в значительной мере напоминающие антидепрессивные реформы Франклина Рузвельта в 1930-е годы. Однако даже такая явная отсылка к собственному американскому опыту не смягчает жесткую позицию Вашингтона. Клинтоновская администрация также неуместно утверждает, что новая финансовая помощь будет потеряна вследствие коррупции, хотя многие из ее российских протеже, ранее находившиеся у власти «радикальные реформаторы», были в одно и то же время и недееспособны, и коррумпированы. В отличие от них, команда Примакова не способствовала российскому распаду и ничего ни у кого не украла.

Говоря по правде, экономический коллапс России – это и провал российской политики Клинтона. Нам позарез нужна новая политика, основанная на совершенно ином принципе: не на назойливых идеологических условиях, налагаемых официальными лицами США и МВФ, а на носящем провинциальный характер здравом смысле, проявленном Джорджем Ф. Кеннаном почти полвека назад. Предвидя возможное окончание коммунистического правления, он писал: «Давайте не будем нервно вертеться вокруг людей, которые придут после, ежедневно лакмусо-

вой бумагой измеряя их политическую окраску... Дадим им время; дадим им быть русскими, дадим им решать их внутренние проблемы своим собственным путем». Сегодня это означает дать возможность самим русским, а не нашему госдепартаменту и Министерству финансов решать, что определяет реформы в России.

В результате новая политика США будет иметь менее высокомерную цель. Вместо заведомо обреченного и опасного крестового похода по трансформированию России в подобие Америки, она будет способствовать экономическому восстановлению и политической стабилизации этой пораненной нации. Отказавшись от лакмусовой бумаги, Соединенные Штаты должны поддерживать любое российское правительство, которое преследует эти цели, до тех пор, пока оно делает это, обеспечивая благосостояние рядовых граждан и не отказываясь от дрящегося десятилетия, но все еще хрупкого процесса демократизации.

Подобная политика США должна начаться с помощи России сейчас же. Для этого существуют четыре убедительные причины. Первая – гуманитарная. Россия подверглась своего рода урагану, который может быть не менее смертельным, чем такие же бедствия в Карибском море. По мере того как продолжается зима, миллионы русских жизней оказались под угрозой в результате недостатка продуктов питания, медикаментов и топлива. Во-вторых, Америка должна делами искупить свое широко осознанное соучастие в российской гуманитарной катастрофе – к примеру, проводимая США политика сделала эту страну зависимой от импортных продуктов и медикаментов, которые большинство людей просто не могут себе позволить – до того, как антиамериканские настроения не примут неистового характера.

Третья и четвертая причины напрямую относятся к нашим самым основным национальным интересам. Примаков и его ведущие министры – умеренные центристы,

оказавшиеся в чрезвычайных обстоятельствах. Если они провалятся, крупнейшая по территории страна окажется в состоянии еще большей дестабилизации, и к власти в ней с вероятностью придут политические экстремисты (последние антисемитские инциденты в Думе тому пример). Хуже того, полный коллапс страны, перенасыщенной ядерным оружием, реакторами, материалами и другими смертельно опасными вещами, подвергнет мир беспрецедентной угрозе.

Пять способов немедленно помочь России без труда осуществимы, только один из них требует значительных новых ассигнований:

– Клинтонская администрация уже направляет большие объемы продовольствия, однако России остро требуются жизненно необходимые медикаменты. Соединенные Штаты должны использовать свои материальные возможности и запасы для организации международной фармацевтической помощи.

– У большинства русских нет средств даже на необходимые товары и услуги (задолженность по зарплате одних лишь государственных служащих, включая военнослужащих и школьных учителей, превысила 4 млрд долларов и продолжает расти). Уже одно это вынуждает правительство Примакова печатать новые рубли, несмотря на сильное неодобрение со стороны США. МВФ должен выделить остающиеся 13 млрд долларов новых займов, обещанных в июле предыдущему российскому правительству, но удержанных у примаковского, причем первую выплату в 4,3 млрд направить специально на поддержку рубля для оплаты давно просроченных зарплат и пенсий. Это прямо поможет русским в их беде и предотвратит гиперинфляцию.

– В то же время большая часть российского суверенного долга Западу и, несомненно, приблизительно 70 млрд долларов, унаследованных от СССР, должны быть прощены, как это было сделано применительно к Польше и было

предложено Всемирным Советом Церквей по отношению ко всем доведенным до обнищания странам в связи со вступлением в новое тысячелетие. Остающаяся часть долга должна быть реструктуризирована, сроки возврата миллиардов долларов процентных ставок и основных сумм кредитов, истекающие в 1999 году, отложены как минимум на пять лет. Это позволит российскому правительству использовать все ресурсы, которые оно сможет собрать, на внутренние экономические и социальные нужды, особенно на возрождение промышленности, сельского хозяйства и социальные пособия.

– Эти скудные ресурсы могут быть значительно расширены согласованными западными усилиями помочь России обнаружить и вернуть огромные богатства, согласно некоторым расчетам равняющиеся более чем 150 млрд долларов, незаконно вывезенные и спрятанные за границей в годы «реформ». Это будет непросто, но потенциальная польза для России далеко превысит все до сих остающиеся пустыми обещания западных инвестиций.

– И наконец последнее, но не менее срочное, это российские ядерные устройства – от списанных подлодок и боеголовок до плохо управляемых реакторов – несколько Чернобылей, ждущих своего часа. В времена холодной войны Соединенные Штаты потратили триллионы долларов, готовясь воевать в условиях ядерной войны. Без всякого сомнения, несколько миллиардов или как минимум столько, сколько было недавно потрачено в ходе двух войн против иракского «оружия массового уничтожения», вместо 500 млн, еле-еле выделенных конгрессом, это малая плата за избежание ядерной катастрофы в России.

Это только первые шаги в направлении новой, долгосрочной американской политики, которая должна в себя включать далеко идущие соглашения между США и Россией в области разоружения и отказ от провокационных планов по включению бывших советских республик в НА-

ТО. Они требуют признания того, что нынешняя политика провалилась, а угроза, исходящая ныне от России, больше той, которая существовала в годы холодной войны. Эти шаги до того, как станет слишком поздно, могли бы помочь Биллу Клинтону спасти его президентство.

Stephen Cohen's answer to an article criticizing his book
*Failed Crusade: America and tragedy
of Post-Communist Russia*

The Chronicle, January 12, 2001

A Footnote Taken Out of Context

To the Editor: I am desperately trying to prevent my family from seeing the November 24 issue of *The Chronicle*, in which M. Steven Fish pillories my book *Failed Crusade: America and the Tragedy of Post-Communist Russia* («Is America to Blame? Two Scholars Debate 'Failed Crusade', a New Book on Post-Communist Russia,» The Review, November 24).

My reason isn't that Fish dislikes every aspect of my *Failed Crusade*. («This book fails, and it fails miserably – as social science, as history, as journalism, as policy analysis, as punditry, and as polemic.») After all, I could inform my relatives that Fish has no known credentials in five of those crafts, and regarding the sixth, he neglects to mention that his own work is criticized as social science in my book. I could also refer them to the eminent historian and public-affairs commentator Robert V. Daniels, who – in the same piece in *The Chronicle* – observes: «Cohen's broadside ought to bring on serious debate among all Russia-watching constituencies – governmental, journalistic, and academic... and open the way to a new Russia policy.»

Nor is the reason Fish's judgment about my lack of «wit, humor, verve, and... suppleness of mind.» With this, some

members of my family – particularly my three children – might agree, but I could point out that Fish's own writing (the sparkling verve of «fails miserably,» «social-scientific approach,» and «hypothesis-testing» being only a few examples) seems a bit short on those qualities.

No – my shame, as the son of Jewish parents and the husband of the editor of a leading progressive and pro-feminist magazine, is having been outed by Fish for cavorting with known fascists and pornographers. In a note, I cite a Moscow expatriate newspaper, *the eXile*, as a source of valuable press criticism. Fish vigilantly ferrets out this citation, concealed among the book's other 299 notes, to inform *The Chronicle*'s readers that the Moscow tabloid publishes «a column by the notorious leader of a tiny fascist political party» and «outrageous misogyny.»

Fish is right – there's no defending my shameful sourcing. (To come out completely, I've even emptied glasses with *the eXile*'s American coeditor, Matt Taibbi, a onetime power forward in the Mongolian professional-basketball league turned scourge of conventional views and tastes who, still worse, obscenely exaggerates his scoring prowess in Mongolia and Moscow.)

Of course, I might lamely point out that *Playboy* often publishes serious political and media commentary (or so I am told), and that much of *the eXile*'s content is actually satire. But Steven Fish would no doubt reply that both, like *Failed Crusade*, «reject a social-scientific approach.» And here, too, he would be absolutely right.

Stephen F. Cohen
Professor of Russian and Slavic Studies and of History
New York University
New York

Ответ Стивена Коэна на критику его книги
«Провал крестового похода: Америка и трагедия
посткоммунистической России»

The Chronicle, 12 января 2001 года

Сноска, вырванная из контекста

К редактору: Я делаю все возможное, чтобы моей семье не попался на глаза номер *The Chronicle* от 24 ноября, в котором М. Стивен Фиш пригвоздил к позорному столбу мою книгу «Провал крестового похода: Америка и трагедия посткоммунистической России» («Виновата ли Америка? Два ученых спорят о “Провале крестового похода”, новой книге о посткоммунистической России»)

Причина не в том, что Фишу мой «Крестовый поход» не мил во всех отношениях («Эта книга – провал, жалкий провал со всех точек зрения: с точки зрения социальной науки, истории, журналистики, политической аналитики, экспертизы и полемики».) В конце концов, я могу сказать своим родным, что Фиш не имеет известных заслуг в пяти из перечисленных профессиональных областей, а относительно шестой он забыл упомянуть, что в моей книге его собственная работа критикуется с точки зрения социальной науки. А еще я могу сослаться на мнение видного историка и политического комментатора Роберта Дэниелса, который в том же номере *The Chronicle* пишет: «Град упреков и критики в книге Коэна должен вызвать серьезную полемику во всех наших кругах, имеющих отношение к России – правительственных, журналистских, академических... и открыть дорогу к новой российской политике».

Не является причиной и замечание Фиша относительно отсутствия у меня «яркости, живости, остроты и... гибкости ума». С этим некоторые члены моей семьи, особенно трое моих детей, могли бы согласиться, но я хотел бы указать Фишу, что его собственное творчество (взять хотя

бы такие примеры яркости и живости, как «жалкий провал», «социально-научный подход», «тестирование гипотезы») тоже не блещет этими качествами.

Нет, мне стыдно, что меня, сына еврейских родителей и мужа главного редактора ведущего прогрессивного и феминистского журнала, Фиш выставил как тусующегося с известными фашистами и порнографистами. Дело в том, что в одном из примечаний я ссылаюсь на московскую экспатскую газету *the eXile* в качестве источника ценной печатной критики. Фиш бдительно выуживает эту сноску, скрывающуюся среди прочих 299 сносок в книге, чтобы проинформировать читателей *The Chronicle*, что московский таблоид публикует «колонку скандально известного лидера мелкой фашистской партии» и «откровенного женофоба».

Фиш прав: нет мне прощения за использование недостойного источника. (Чтобы обнажиться окончательно, скажу, что выпивал с американским соиздателем *the eXile* Мэттом Тайбби, некогда форвардом монгольской профессиональной баскетбольной лиги, который стал бичом традиционных взглядов и вкусов и, что еще хуже, непристойно преувеличивал свои баскетбольные заслуги в Монголии и в Москве.)

Конечно, я мог бы тупо парировать, что «Плейбой» часто публикует серьезные политические и публицистические комментарии (как я слышал) и что *the eXile* вообще-то по большей части сатирическое издание. Но Стивен Фиш, без сомнения, ответит на это, что они, как и «Провал крестового похода», «отвергают социально-научный подход». И снова окажется абсолютно прав.

Стивен Ф. Коэн

Профессор россиеведения и славяноведения,
профессор истории
Нью-Йоркский университет
Нью-Йорк

Stephen Cohen and Katrina vanden Heuvel's letter
to Sergei Nacharov (*Izvestia*) on selecting them
Izvestia's «heroes» of 2007

December 9, 2007

Dear Sergei Nacharov,

Thank you for selecting us as two of *Izvestia's* «heroes» of 2007. Here are our replies. As you see, Stephen has answered the first question; Katrina has answered the second question and we have answered the third together.

[...]

1) As readers of *Izvestia* may remember, I have been warning since 2006 that the USA and Russia have been moving toward a new cold war. In my opinion, that danger has been created mainly by American policy toward post-Soviet Russia since the 1990s, but it is now so great that it will require wise policies on both sides to avoid a new cold war. In 2008, at least four major conflicts will decide whether US-Russian relations become even worse or improve: Kosovo, Iran, NATO expansion, and the American plan for missile defense in Poland and the Czech Republic. I am not optimistic, alas, that the leaders of our countries will find ways to resolve these conflicts. But as is sometimes said in my country, hope dies last. (Stephen Cohen)

2) Here in the United States, 2007 has been marked by the unfolding of more than a dozen Presidential candidacies, Democratic and Republican. It has also been shaped by Americans' growing discontent with Bush Administration policies – the disastrous war in Iraq, economic policies that privilege the very rich and do little for the middle class, and the incompetent and inhumane response to Hurricane Katrina. Seventy five percent of Americans now believe our country is on the wrong course. (This may explain why the opposition maga-

zine *The Nation*, which I edit and publish, has attracted so many new readers!) We head into election year 2008 with Americans, in overwhelming numbers, looking for a dramatic change in direction. Will our electoral process this November produce a new kind of leadership? We desperately need one that is committed to ending the war and occupation of Iraq; redefining America's engagement with the world so we are a global partner, not a global cop; fighting for universal health care for the 50 million Americans who live without any; shaping environmental policies that value alternative energy sources and reduce global warming; ending our own Gilded Age inequalities and crafting economic programs that will create real and shared prosperity. I believe these are times for conviction, not caution, and at *The Nation* we will be at the forefront of working in 2008, and beyond, to build a more peaceful, secure and democratic America. (Katrina vanden Heuvel)

3) When we think of Russia, we think first of our friends there, many of whom we have known for more than thirty years. For them and their families, we hope that 2008 will be a year of good health, well-being and happiness. As for Russia itself, readers may know that we do not believe that Americans have the right or the wisdom to advise the Russian people about their present or future. Therefore, for them, we wish wise leaders who will bring Russia prosperity and peace. (Stephen Cohen & Katrina vanden Heuvel)

Письмо Стивена Коэна и Катрины ванден Хювел
Сергею Начарову («Известия») по поводу выбора
их «героями» 2007 года по версии «Известий»

9 декабря 2007 года

Уважаемый Сергей Начаров,

Спасибо «Известиям» за выбор нас «героями года» в 2007 году. Вот наши ответы. Как вы видите, Стивен ответил на первый вопрос, Катрина на второй, и на третий мы ответили совместно.

[...]

1) Возможно, читатели «Известий» помнят, что с 2006 года я неизменно предупреждаю, что США и Россия движутся в направлении новой холодной войны. Я считаю, что эту угрозу создала в основном американская политика по отношению к постсоветской России, начиная с 1990-х годов, но сегодня она уже настолько велика, что понадобится мудрая политика с обеих сторон, чтобы избежать новой холодной войны. В 2008 году по меньшей мере четыре крупных конфликта будут решать, станут ли американо-российские отношения хуже или лучше: Косово, Иран, расширение НАТО и американский план размещения ракет в Польше и Чешской Республике. У меня, увы, нет оптимизма по поводу того, что лидеры наших стран найдут способы разрешить эти конфликты. Но, как порой говорят в моей стране, надежда умирает последней. (Стивен Коэн)

2) В Соединенных Штатах 2007 год был отмечен развернутыми президентскими кампаниями более 12 кандидатов в президенты от демократов и республиканцев. Это был также год растущего недовольства американцев политикой администрации Буша – катастрофической войной в Ираке, экономическими мерами, укрепляющими привилегии богатых и мало что дающими для среднего

класса, и некомпетентной и негуманной реакцией на ураган «Катрина». Сегодня 75 % американцев уверены в том, что страна движется неправильным курсом. (Возможно, это объясняет, почему оппозиционный журнал *The Nation*, редактором и издателем которого я являюсь, привлекает все больше новых читателей.) Мы вступаем в 2008, год президентских выборов, с американцами, в подавляющем большинстве мечтающими о решительной смене курса. Сумеет ли наш электоральный процесс в ноябре произвести новый тип руководства? Мы отчаянно нуждаемся в таком, который возьмет на себя обязательство закончить войну и оккупацию Ирака; сменить роль Америки в мире с глобального полицейского на глобального партнера; бороться за всеобщее здравоохранение, недоступное сегодня 50 миллионам американцев; выработать экологическую политику, направленную на поддержку альтернативных источников энергии и сокращение глобального потепления; покончить с неравенством и перекосами нашего «Позолоченного века» и выработать экономические программы, нацеленные на создание реального и всеобщего процветания. Я считаю, что пришло время перейти от осторожности к убеждению, и мы в *The Nation* будем трудиться на переднем крае в 2008 году и далее, чтобы построить более мирную, безопасную и демократическую Америку. (Катрина ванден Хювел).

3) Когда мы думаем о России, мы думаем прежде всего о наших друзьях там, многих из которых мы знаем уже более 30 лет. Для них, мы надеемся, 2008 год будет годом доброго здоровья, благополучия и счастья. Что касается всей России, то пусть читатели знают, что мы не считаем, что у американцев есть право или мудрость давать русским советы насчет их настоящего или будущего. Поэтому им мы желаем мудрых лидеров, которые принесут России процветание и мир. (Стивен Коэн и Катрина ванден Хювел).

From Stephen Cohen's handwritten notes
on his book *Soviet Fates and Lost Alternatives*
for his meetings with readers in 2009

I.

INTRO

– The general subject of my book is lost alternatives in the history of Soviet and post-Soviet Russia, from 1929 to the present: roads taken and not taken, and major (fateful) turning points in that history.

– Tonight, I'll focus on only one of those lost alternatives: the missed opportunity that existed 20 years ago to finally end the long American-Russian cold war.

(I) But first a few words about the book's general, overarching theme, which grows out of my 40-year intellectual (and personal) relationship with Russia.

1. Most American scholars, journalists, and political figures have always treated major outcomes in Russia's history since the 1917 Revolution as virtually inevitable – as a political history without real alternatives. (e.g.: «The Soviet Union died from a lack of alternatives»)

2. My book tries to show, on the other hand, that none of those fateful developments were pre-determined or inevitable. Not, e.g., the rise of Stalinism in 1929 and the 25-year Soviet terror; not the end of Khrushchev's anti-Stalinist reforms in the 1960s; not the rise or fall of Gorbachev's Soviet reformation (perestroika) in the late 1980s; and not the end of the Soviet state in Dec. 1991.

If so, the 20th century (not just Russia's) would have been very different, as would be the world we live today.

3. I don't make these arguments, as many historians do, by resorting to imaginary counter-factuals («What if Hitler and/or Stalin had died in 1934?»)

4. Instead, I tell the histories of actual people who led, represented, and even died for those roads not taken at each turning point.

[...]

The Strand

July 21, 2009

II.

(I) INTRO

- I want to speak today about American-Russian relations, but first place that subject in the context of my recent book.

- The book reflects most of the major themes of my long intellectual (and personal) relationship with Russia. (My work as a historian.) [marginal notes: Autobio interest in alts. Not popular theme in my field]

- And the book is very contrarian. Each chapter challenges the longstanding American view that major turning points and outcomes in Soviet and post-Soviet history were pre-determined by either Communist ideology or the nature of Russia itself (inevitable). That there were no alternatives and indeed that «the Soviet Union died from a lack of alternatives.»

- In the book I try to show that at each of those major turning points there were real alternatives (not «what-ifs»), roads not taken, and thus missed opportunities, fateful ones. (Struggle, mostly inside CPSU)

- And that if those roads had been taken, Soviet history, Russia today, and thus our world would have been very different. [marginal note: our history, too]

(Also way of understanding how Russians today think of their own history.)

Thus:

Chap.1: looks at the Soviet leader (Bukharin) who opposed the rise of Stalinism, and also represented the alternative... (alternative to forced collectivization and thus terror). [marginal note: archive materials]

Chap.2: tells the story of millions of survivors of Stalin's terror who returned to society in the 1950s. They were part of Khrushchev's 10-year effort to de-Stalinize the Soviet system...

Chap.3–6: re-examine Gorbachev's historic attempt in 1985–91 to re-invent the Soviet Union thru a «Democratic Reformation». Here I argue against three prevailing views: that Gorbachev only failed; that the system was not reformable; and that the Soviet state «collapsed» in 1991. [marginal note: in truth]

(II) Which brings me to chap.7, «Who Lost the Post-Soviet Peace?», and my topic today.

In this chapter I make three arguments against prevailing policy and media opinion about U.S. – Russian relations:

1) That in the 1990s, a new cold war developed between the U.S. and post-Soviet Russia.

2) That this new cold war was provoked not in Moscow by Putin, 7 or 8 years ago, as is usually said, but in Washington by the Clinton Administration in the 1990s, 17 years ago.

3) And that because the new cold war began in Washington, ending it – or «re-setting U.S. – Russian relations, as Obama calls it – also has to begin in Washington. (Moscow felt so aggrieved, it would not, or could not, be the initiator of a “re-set”».

(III) My essential argument is historical.

1) The 40-year cold war was ended by Gorbachev, Reagan, and the first President Bush sometime between 1988 and 1990, as all three of those leaders agreed – i.e., 2 or 3 years before the end of the Soviet Union. [marginal note: Matlock]

2) And it was ended thru negotiations, by mutual agreements, «without any winners or losers,» as all three of those leaders also agreed at the time. [marginal note: So it seemed in 1990–91: Germany, Gulf War]

3) But after the Soviet Union ended in December 1991, the American political/policy class and our national media revised that history to declare: «We won the cold war.» (Now the orthodox narrative.)

– The political/policy result was to view post-Soviet Russia as a defeated nation, much like Germany and Japan after WWII.

– In the early 1990s, during the Clinton Administration, this revisionist triumphalist view became the basis of U.S. policy

toward Russia, which was still in force when Obama became president in January 2009.

(IV) Recall now what this American thinking and policy meant for nearly 2 decades:

1) That Washington had the right to supervise (dictate) Moscow's domestic and foreign policies. [marginal note: the crusade of 1990s]

2) That Washington could break solemn promises and obligations to Moscow and expect unilateral concessions from it. E.g.,
– the expansion of NATO eastward;
– after September 11, 2001. [marginal note: «deceived and betrayed»]

3) That the U.S. was entitled to Russia's traditional spheres of security and energy resources, from the Baltics and Ukraine to Central Asia and the Caspian Sea. [marginal note: oil!]

4) And in this connection, the U.S. had the right to encircle Russia on its borders with American and NATO military bases – and Russia had no right to protest, much less to adopt counter-measures.

These policies were bound eventually to produce a sharp reaction in Moscow, and it finally came with Putin in 2000. (Could have been most anyone.)

(V) The larger point is that those U.S. policies generated a New Cold War (or something like it).

– And it had the potential to be even more dangerous than was the previous cold war because fought on Russia's borders!

– Consider, e.g., what really happened in former Soviet republic of Georgia in August 2008.

– The first ever proxy American-Russian war fought on Russia's borders!

– A kind of latter-day Cuban Missile Crisis.

This was the situation inherited by Obama (in January 2009) that he promised to «re-set».

Labyrinth (Princeton)

October 5, 2009

III.

[...]

(VI) How, then, to evaluate President Obama's «Re-set» after one and a half years? (Has he averted a new cold war with Russia?)

In three respects, U.S. – Russian relations have improved:

1) Obama has established a friendly working relationship with Russian President Medvedev (based in part on generational affinity and their mutually weak positions at home).

2) Partly as a result, the general atmosphere of U.S. – Russian relations has improved, with more talk of «cooperation» and less of cold-war-like conflicts.

3) And Obama has revived the nuclear arms control/reduction agenda that Bush jettisoned – the new START agreement.

All three are significant developments and better than what existed when Obama became president.

But the «Re-set» – and thus the relationship – is fragile and vulnerable, because five fallacies (conceits) of the Clinton-Bush Russia policy remain elements of the Obama Administration policy:

1) First, the Administration is still meddling in Russia's internal affairs, now by playing the so-called «Medvedev Card» against Putin. (And at least still talking about «democracy promotion.») – The tactic is both uninformed and resented in Moscow.

2) Second, there is still Washington's presumption that Russia is weak and needs the U.S. in order to play the role of a «Great Power» (e.g., Vice President Biden).

In fact:

– Arguably, for national security, we need Russia more than Russia needs U.S.

– All the recent Great-Power U.S. – Russian skirmishes have been won by Russia (Georgia, UK, Kyrgyzstan)

– Moscow cares more about Berlin and Beijing than about D.C. [margin note: Eurasian policy]

3) Third, there is still the post-Soviet American conceit of the 1990s that Russia cannot have national interests different from our own. – This is exemplified by Washington's indifference to Moscow's very different geo-political problem with Iran.

4) Forth, there is the long and still unresolved conflict over missile defense in Europe. – It is even embedded in the Prologue in the new START agreement, and thus is a ticking time-bomb inside that nuclear arms agreement. (Opponents right about this.)

5) But fifth and foremost, there is NATO expansion. (Closed issue?)

For Moscow, it remains a broken American promise («deceived and betrayed»)

For Moscow, it has resulted in military encirclement and abiding sense of insecurity. [marginal note: related to missile defense]

[...]

Two concluding words: Authors are often asked what they hope readers will take from their book.

My hope is also two-fold.

1) It has been said that the political history of the 20th century really began with the Communist Revolution in 1917 and ended with the Soviet Union in 1991. In that context, my hope is that my rethinking of the Soviet history will encourage readers to re-think important chapters of the 20th century's history itself.

2) My other hope is that my explanation of why the Soviet Union actually ended, and what happened in U.S. – Russian relations afterward, will contribute to ending the American triumphalist policy-making that has already caused so much grief to us and other nations.

Barnes and Noble

July 1, 2009

-1-

Labyrinth (P. 10/11)
10/15/09
15 minsI) INTRO

10/5/09

- I want to speak ^{today} ~~today~~ ^{this evening} About ~~the general view~~ American - Russian RELATIONS, But first place that subject in the context of my ^{recent} ~~recent~~ book.

~~The book is about~~

- The book reflects most of the major themes of my long intellectual (and personal) RELATIONSHIP WITH Russia. (My work as a historian.)

Autobio
interest
in arts

Not popular
theme in
my field

- And ^{the book} ~~it~~ is VERY CONTRARIAN. Each chapter challenges the longstanding American view that major turning points ^{and outcomes} in Soviet and post-Soviet history were pre-determined by either Communist ideology or the nature of Russia itself. (Inevitable.)

- That there were no alternatives and indeed that "the Soviet Union died from a lack of alternatives."

Из записок Коэна

к встречам с читателями по поводу его книги

Soviet Fates and Lost Alternatives

(«Советские судьбы и утраченные альтернативы»)

в 2009 году

I.

Введение

Общая тема моей книги – утраченные альтернативы в советской и постсоветской истории, начиная с 1929 года до наших дней: пути, выбранные и не выбранные, и главные (судьбоносные) развилки в этой истории.

Сегодня я остановлюсь только на одной из этих утраченных альтернатив – существовавшей 20 лет назад, но упущенной возможности раз и навсегда покончить с долгой американско-русской холодной войной.

Но сначала несколько слов об общей, объединяющей теме книги, которая выросла из моих 40-летних научных (и личных) отношений с Россией.

1) Большинство американских ученых, журналистов и политиков всегда воспринимали все крупные события в российской истории, начиная с революции 1917 года как практически неизбежные – как политическую историю без реальных альтернатив (например: «Советский Союз умер по причине отсутствия альтернатив»).

2) В своей книге я, наоборот, пытаюсь показать, что ни одно из этих важных, судьбоносных событий не было предопределено или неизбежно. Ни победа сталинизма в 1929 году с последовавшим 25-летним террором; ни конец антисталинских реформ Хрущева в 1960-х годах; ни взлет и падение горбачевских реформ конца 1980-х (перестройки); ни конец Советского Союза в декабре 1991 года. И раз так, то и XX век мог быть совсем другим (не только в России), как и мир, в котором мы живем сегодня.

3) Свои выводы я делаю, не прибегая, как многие историки, к вымышленным контрфактам («Что было бы, если Гитлер и / или Сталин умерли в 1934 году?»).

4) Вместо этого я рассказываю истории реальных людей, которые вели, представляли и даже умирали за эти невыбранные пути на самых важных перекрестках истории.

[...]

21 июля 2009 г.

II.

(I) Введение

Я хочу поговорить сегодня об американско-российских отношениях, но для начала поместить этот предмет в контекст моей недавно вышедшей книги.

В книге нашли отражение большинство из главных тем моих долгих интеллектуальных (и личных) отношений с Россией. (Моя работа историка.) [пометки на полях: автобио интерес к альтернативам, непопулярная тема в моей области]

И книга очень оппозиционная. Каждая глава оспаривает устоявшийся американский взгляд, согласно которому все изгибы и конечные результаты в советской и постсоветской истории были предопределены либо коммунистической идеологией, либо природной спецификой самой России. (Неизбежны.) Что в ней не было альтернатив, и вообще «Советский Союз умер по причине отсутствия альтернатив».

В книге я пытаюсь показать, что в каждом из этих поворотных пунктов истории были реальные (не «что, если бы...») альтернативы, не выбранные пути, а значит упущенные возможности, имеющие решающее значение. (Борьба в основном внутри КПСС)

И что если бы эти пути были выбраны, советская история, Россия сегодня и значит наш мир были бы совсем другими. [пометка на полях: наша история тоже] (Это

также способ понять, как русские сегодня воспринимают свою историю.)

Итак:

Глава 1: повествует о советском лидере (Бухарине), который выступал против становления сталинизма и представлял собой альтернативу... (альтернативу насильственной коллективизации и значит террору). [пометка на полях: архивные материалы]

Глава 2: история миллионов жертв сталинского террора, переживших его и вернувшихся в общество в 1950-х годах. Они стали частью десятилетних усилий Хрущева по десталинизации советской системы...

Главы 3–6: анализ исторической попытки Горбачева, предпринятой им в 1985–1991 годах, перестроить Советский Союз на основе «демократических преобразований». Здесь я оспариваю три преобладающих точки зрения: что Горбачев ожидаемо потерпел фиаско; что система была не реформируемой; и что Советский Союз «рухнул» в 1991 году. [заметка на полях: на самом деле]

(II) И это подводит меня к главе 7: «Кто проиграл постсоветский мир?» – и моей сегодняшней теме. В этой главе я выдвигаю три аргумента, противоречащие преобладающему в политических и медиа-кругах мнению о российско-американских отношениях:

1) Что в 1990-е годы между США и постсоветской Россией разгорелась новая холодная война.

2) Что эта новая холодная война была спровоцирована не Путиным в Москве 7–8 лет назад, как обычно утверждается, а администрацией Клинтона в Вашингтоне в 1990-е годы, 17 лет назад.

3) И что поскольку новая холодная война началась в Вашингтоне, то и заканчивать ее – или «перезагружать американо-российские отношения», как называет это Обама – надо в Вашингтоне. (Москва чувствует себя настолько уязвленной, что не захочет или не сможет быть инициатором «перезагрузки».)

(III) Мой главный аргумент – исторический.

1) Длившуюся 40 лет «холодную войну» закончили Горбачев, Рейган и первый президент Буш где-то между 1988 и 1990 годами, и все три лидера признали этот факт – то есть, за 2–3 года до конца Советского Союза. [пометка на полях: Мэтлок]

2) И она была закончена путем переговоров и взаимных соглашений «без победителей и проигравших», что тоже подтвердили все три лидера в то время. [пометка на полях: так казалось в 1990–1991: Германия, война в Заливе]

3) Но после окончания Советского Союза в декабре 1991 года американский политический класс и национальные СМИ пересмотрели эту историю, поспешив провозгласить: «Мы победили в холодной войне». (Теперь это ортодоксальная позиция.)

Политический/прагматический результат состоял в том, что постсоветскую Россию стали рассматривать как побежденную нацию, почти как Германию и Японию после Второй мировой войны.

В начале 1990-х годов, при администрации Клинтона, этот ревизионистский триумфалистский взгляд стал основой практической политики США по отношению к России, и когда Обама пришел к власти в январе 2009 года, она по-прежнему была в силе.

(IV) Вспомним теперь, что означали эти американские мышление и политика на протяжении почти двух десятилетий:

1) Что Вашингтон имеет право контролировать (диктовать) внутреннюю и внешнюю политику Москвы. [пометка на полях: крестовый поход 1990-х годов]

2) Что Вашингтон может нарушать собственные твердые обещания и обязанности перед Москвой и ожидать от нее односторонних уступок. (Напр.: экспансия НАТО на восток; после 11 сентября 2001 г.) [пометка на полях: «обманутые и преданные»]

3) Что США вправе посягать на традиционные сферы безопасности и энергетических ресурсов России, от Прибалтики и Украины до Центральной Азии и Каспийского моря. [пометка на полях: нефть!]

4) И что в этой связи у США есть право окружать Россию по периметру границ своими и натовскими военными базами – а Россия не имеет права протестовать и тем более принимать контрмеры.

Эти политические шаги в конце концов должны были непременно вызвать острую реакцию Москвы, и это произошло с приходом к власти Путина в 2000 году. (Мог быть почти любой другой.)

(V) Что касается более крупных последствий, то эти шаги породили новую холодную войну (или что-то очень похожее на нее).

И у нее есть потенциал стать более опасной, чем предыдущая холодная война, поскольку ведется она на границах России!

Взять, например, что действительно случилось в бывшей советской республике Грузии в августе 2008 года – первая американо-российская прокси-война прямо на границах России! Своего рода новый Карибский кризис.

Такова была ситуация, доставшаяся в наследство Обаме (в январе 2009 года), которую он обещал «перезагрузить»...

5 октября 2009 года

III.

(VI) Как же можно оценить «перезагрузку» Президента Обамы спустя полтора года? (Предотвратил ли он новую холодную войну с Россией?)

В трех отношениях американо-российские отношения улучшились:

Обама наладил дружеские рабочие отношения с российским президентом Медведевым (частично основанные на возрастной близости и одинаково слабой позиции у себя в стране).

1) Отчасти в результате этого общая атмосфера американо-российских отношений улучшилась, больше звучит разговоров о «сотрудничестве» и меньше о конфликтах в духе холодной войны.

2) И Обама реанимировал отброшенную Бушем ядерную повестку (о контроле / сокращении ядерных вооружений) – новое соглашение о сокращении стратегических наступательных вооружений.

Все три являются важными достижениями и определенным прогрессом по сравнению с тем положением вещей, которое было, когда Обама вступил в должность президента.

Но его «перезагрузка» – и сами отношения – остаются хрупкими и уязвимыми. Причина в том, что определявшие российскую политику Клинтона и Буша пять заблуждений (в духе переоценки себя) остаются элементами политики Администрации Обамы:

1) Первое, Администрация продолжает вмешиваться во внутренние дела России, на сей раз разыгрывая «медведевскую карту» против Путина (и продолжая по-прежнему, по крайней мере на словах, твердить о «продвижении демократии»). – Тактика невежественная и вызывающая возмущение в Москве.

2) Второе, в Вашингтоне по-прежнему уверены, что Россия слаба и нуждается в Соединенных Штатах, чтобы играть роль «великой державы» (напр., вице-президент Байден). На самом деле: а) в том, что касается национальной безопасности, мы нуждаемся в России, возможно, больше, чем она в нас; б) все недавние «великодержавные» стычки между США и Россией были выиграны Россией (Грузия, Англия, Киргизстан); в) Москву больше волнуют Берлин и Пекин, чем Вашингтон. [пометка на полях: евразийская политика]

3) Третье, до сих пор бытует постсоветское американское заносчивое заблуждение 1990-х годов, что Россия не

может иметь национальных интересов, отличных от американских. Подтверждением может служить безразличие Вашингтона к геополитической проблеме, которая есть у Москвы с Ираном и которая очень отличается от нашей.

4) Четвертое, до сих пор не разрешен давно существующий конфликт по поводу ракетной обороны в Европе. Он даже зафиксирован в преамбуле к новому договору СНВ и тем самым стал часовой бомбой, заложенной внутри этого антиядерного соглашения. (Оппоненты правы в этом отношении.)

5) Пятое и самое главное – расширение НАТО. (Закрытый вопрос?) Для Москвы оно остается нарушением американского обещания («обманутые и преданные»). Для Москвы оно оборачивается военным окружением и растущим чувством небезопасности. [пометка на полях: относится к ракетной обороне]

[...]

(VI) Два слова напоследок: авторов часто спрашивают, что бы им хотелось, чтобы читатели почерпнули из их книг.

У меня два пожелания:

1) Говорят, что политическая история XX века началась Русской коммунистической революцией в 1917 году и закончилась вместе с Советским Союзом в 1991 году. В этом контексте я надеюсь, что мое переосмысление советской истории вдохновит читателей переосмыслить важнейшие главы истории XX века вообще.

2) Мое второе пожелание – чтобы мое объяснение по поводу того, почему не стало Советского Союза и что случилось в американо-российских отношениях после этого события, помогло покончить с американским триумфалистским подходом к принятию политических решений, который уже причинил так много горя нам и нашим народам.

1 июля 2009 года

Gonzo historian

By Anna Arutunyan

Moscow News, March 21, 2011

Soviet historian Stephen Cohen definitely has something of the gonzo journalist in him. Always into alternatives, he was never shy of mixing the personal with the historical and in the case of Russia's jumbled political legacy, calling a spade a spade.

«It's not true that Russians and Americans are the same,» he said during a recent interview at Moscow's Metropol Hotel, recalling his first visit to the Soviet capital in 1959. And while he has little patience for views of Russia as «not normal» or incapable of democracy, he also doesn't believe that its trajectory will ever fit prescriptions from foreign democracy builders.

Those views have inadvertently colored him as a left-leaning historian but he doesn't place himself there.

«I'm not a Marxist, though I taught Marx at Princeton. But it was Marx who said [that] to be radical is to go to the root of things, to understand the basic source causing these political phenomena.»

A Kentucky Jew, Steve Cohen once greeted this reporter in his upscale Manhattan apartment in cowboy boots and offered bourbon. He showed his prized collection of Soviet tea glass holders. And he talked about why it's so hard for people in the United States to get Russia.

In a biographical context, it's easy to see why Cohen, 72, isn't daunted by Russia's historical contradictions – like a journalist exasperated with «objective» reporting, he plunged into to the very history he was studying early on.

Spending years dodging KGB agents in dissidents' apartments in the 1970s, he went on to befriend Mikhail Gorbachev. Then in 1992, he buttonholed a close Yeltsin aide in government corridors, and together they got the KGB to release

four lost prison manuscripts penned by Nikolai Bukharin, the executed Old Bolshevik and possibly Stalin's most compelling foe.

In the beginning, though, Cohen wound up studying Russia by sheer accident.

«In 1959, I was living in England, I had \$300 and I planned to go to Spain to watch the bulls run, because that's what boys my age did after reading Hemingway. And I was wandering through the working class district of Birmingham, I saw a poster that said 30 days in the Soviet Union, \$300. Three days in Spain for 300 dollars versus 30 days in Russia? I chose Russia.»

But his interest in alternatives started in Kentucky.

«When you're born into a social situation, good or bad, you simply accept it as a child, that's how things are. I have vivid memories of thinking segregation was unfair to white people because when we went to the movies, the black kids got to sit on the balcony, and when the popcorn fights began, they would win. Then at a certain point I began to understand why segregation was wrong. And I started asking myself why that have to happen.»

It's been argued that Russians take an obsessive interest in their history, particularly in historical alternatives. It couldn't have been that bad, there's the temptation to say, if only it wasn't for the Tartars, or Ivan the Terrible, or Peter the Great, or Stalin, Russia could be like, well, like Canada.

[...]

But alternatives for Cohen are not of the «what if Hitler had died» variety. He insists that he examines alternative paths that actually existed, but were not taken for a multitude of reasons.

Two crucial crossroads, he argues, were the New Economic Policy of the 1920s which was scrapped by Stalin against the wishes of Nikolai Bukharin, his fellow revolutionary, and the failure of Gorbachev's gradual perestroika – both spelled out in his 2009 book, *Soviet Fates and Lost Alternatives*.

One popular belief among some socialist sympathizers is that the Bolshevik experiment could have taken a more positive trajectory under Leon Trotsky, if it hadn't been for Stalin's ascent.

But Cohen strongly believes that the real alternative wasn't Trotsky, but Bukharin, a popular proponent of free market elements into the Soviet economy, who was executed by Stalin in the 1938 purges. It was Bukharin, Cohen argues, who served as a predecessor for the kind of humanistic socialism that Gorbachev tried and failed to build.

And that brought Cohen to what he believes is the ultimate misconception that the Soviet Union was impossible to reform.

«The way the Soviet Union ended was catastrophic,» he said, echoing Vladimir Putin's characterization of the breakup. «What was catastrophic was the way state property was being taken over. We're no talking about apartments or cars, we're talking about whole industries. I think it was the driving force of the breakup, with the republics wanting to take over the property, and the oligarchs.»

This process was exacerbated under Yeltsin although there were people in his administration who were neither reactionaries, nor free-market radical proponents of shock therapy.

Yeltsin was «seduced,» he said, by American free market radicals. «There was a break at this point: there were people who said let's have a transition that's gradual, we're not going to privatize the whole industry, it was kind of the NEP approach.»

It was closer to the Chinese approach and Yeltsin refuse to take it. And by 1993, he was bombing his own parliament.

«That is so rare in history – how many times was a freely elected parliament in Europe attacked like this? It was the most freely elected parliament in Russia's history.»

Гонзо-историк

Анна Арутюнян

Moscow News, 21 марта 2011 года

У историка Советского Союза Стивена Коэна определенно есть что-то от гонзо-журналиста. Одержимый альтернативами, он не стесняется смешивать личное и историческое и, в случае российского крайне запутанного политического наследия, называть вещи своими именами.

«Неправда, что русские и американцы одинаковы», – сказал он в недавнем интервью в московском отеле «Метрополь», вспоминая свой первый визит в советскую столицу в 1959 году. И хотя он терпеть не может разговоров о том, что Россия страна «не нормальная» и не способная к демократии, он также не верит, что ее траектория когда-нибудь совпадет с предписаниями зарубежных строителей демократии.

Такие взгляды неизбежно придают ему левую политическую окраску, но сам он себя таковым не считает.

«Я не марксист, хотя и преподавал Маркса в Принстоне, – говорит он. – Но именно Маркс сказал, что быть радикалом значит дойти до корня вещей, понять первоисточник, вызвавший эти политические явления».

Еврей из Кентукки, Стивен Коэн однажды встретил меня в своей престижной манхэттенской квартире в ковбойских сапогах. Он предложил бурбон и с гордостью показал свою коллекцию советских подстаканников. А еще он говорил о том, почему людям в Соединенных Штатах так трудно понять Россию.

В биографическом контексте легко понять, почему 72-летнего Коэна не пугают исторические противоречия России – подобно журналисту, раздраженному «объективным» репортажем, он погрузился в историю, ту самую, что изучал с молодости.

Скрываясь от агентов КГБ в квартирах московских диссидентов в 1970-е годы, он затем подружился с Михаилом Горбачевым. А в 1992 году разговорился в правительственном коридоре с помощником Ельцина и при его содействии сумел извлечь из архива КГБ четыре тома утерянных тюремных рукописей Николая Бухарина – расстрелянного «старого большевика» и, возможно, главного антагониста Сталина.

Впрочем, началось его изучение России с чистой случайности.

«В 1959 году я жил в Англии, у меня было 300 долларов, которые я собирался потратить на поездку в Испанию, чтобы посмотреть забеги быков – мечта большинства мальчишек, начитавшихся Хемингуэя. И я бродил по рабочему району Бирмингема и увидел объявление: 30 дней в Советском Союзе за 30 долларов. 30 дней в России или 3 дня в Испании за те же деньги? Я выбрал Россию».

Но его интерес к альтернативам начался в Кентукки.

«Когда ты появляешься на свет в определенных социальных условиях, плохих или хороших, ты принимаешь их как есть, таково твое детское восприятие. Я хорошо помню, как в детстве думал, что сегрегация несправедлива к белым людям, потому что когда мы ходили в кино, черные мальчишки сидели на балконе, и когда начинались попкорновые баталии, они неизбежно побеждали. Затем в какой-то момент я начал понимать, почему сегрегация – это плохо. И я начал задавать себе вопрос, почему так произошло».

Есть мнение, что русские питают маниакальный интерес к своей истории, особенно к историческим альтернативам. Мол, все могло бы быть не так плохо, и, если бы не татары, не Иван Грозный, не Петр Первый, не Сталин, то Россия могла бы быть сейчас, скажем, как Канада.

[...]

Но для Коэна альтернативы это не рассуждения на тему «что было бы, если бы Гитлер умер раньше». Он утверждает, что изучает те исторические пути, которые реально существовали, но по множеству причин не были выбраны.

Два важнейших перекрестка, на его взгляд, это НЭП 1920-х годов, который был похоронен Сталиным вопреки пожеланиям его революционного соратника Николая Бухарина, и не воплотившаяся идея постепенной перестройки Горбачева – об обоих он подробно написал в своей недавней книге «Советские судьбы и утраченные альтернативы» (2009).

Среди сторонников социалистической идеи распространено убеждение, что будь на месте Сталина Лев Троцкий, большевистский эксперимент мог пойти по более позитивной траектории.

Но Коэн уверен, что реальной альтернативой был не Троцкий, а Бухарин – популярный политик, сторонник внедрения в советскую экономику элементов свободного рынка, который был уничтожен Сталиным в ходе чистки в 1938 году. Именно Бухарин, по мнению Коэна, служил предтечей того типа гуманистического социализма, который пытался и не сумел построить Горбачев.

И это приводит Коэна к тому, что он считает абсолютным заблуждением – что Советский Союз было невозможно реформировать.

«То, как Советский Союз закончился, было катастрофой, – говорит он, повторяя характеристику Владимира Путина. – Катастрофическим был способ передачи государственной собственности [в частные руки]. Речь не о квартирах или автомобилях – речь о целых производствах. Я думаю, это было движущей силой развала, то, что республики захотели получить собственность, и олигархи».

Этот процесс обострился при Ельцине, хотя в его администрации были люди, которые не были ни реакцио-

нерами, ни радикальными сторонниками рыночной «шоковой терапии».

Ельцин был «соблазнен», говорит Коэн, американскими рыночниками-радикалами. «Здесь произошел раскол: были люди, которые сказали, давайте осуществим переход постепенно, не будем приватизировать всю промышленность сразу. Это был своего рода нэповский подход».

Это было ближе к китайскому варианту, и Ельцин отказался. А в 1993 году он бомбил свой парламент. «Когда такое было в Европе – чтобы свободно избранный парламент бомбили? А это был самый свободно избранный парламент в истории России».

Rethinking Russia: A Conversation with Russia Scholar Stephen F. Cohen

By Dan Kovalik

Published online on the (now closed)

HuffPost Contributor Platform

July 7, 2015, updated July 7, 2016

Last week I had the honor of interviewing Stephen F. Cohen, Professor Emeritus of Russian Studies and Politics at NYU and Princeton University, where for many years he was director of its Russian Studies program. Professor Cohen, a long-time friend of Mikhail Gorbachev, is one of the most important Russia scholars in the world and a member of the founding board of directors of the American Committee for East-West Accord, a pro-detente organization that seeks rethinking and public discussion of U.S. policy toward Russia.

Despite his impressive credentials and intimate knowledge of Russia and its history, you will rarely hear Cohen's voice in the mainstream press. And it is not for a lack of trying; his

views, and those of others like him, are simply shut out of the media, which, along with almost every U.S. politician, has decided to vilify Russian and Putin, irrationally equating Putin with such tyrants as Adolf Hitler. As Cohen explains:

Even Henry Kissinger – I think it was in March 2014 in the Washington Post – wrote this line: «The demonization of Putin is not a policy. It's an alibi for not having a policy.» And then I wrote in reply to that: That's right, but it's much worse than that, because it's also that the demonization of Putin is an obstacle to thinking rationally, having a rational discourse or debate about American national security. And it's not just this catastrophe in Ukraine and the new Cold War; it's from there to Syria to Afghanistan, to the proliferation of nuclear weapons, to fighting global terrorism. The demonization of Putin excludes a partner in the Kremlin that the U.S. needs, no matter who sits there.

And Cohen reminds us that, quite contrary to the common, manufactured perception in this country, we have a very willing and capable potential partner in Moscow right now. As Cohen explains, «Bill Clinton said this not too long ago: To the extent that he knew and dealt with Putin directly, he never knew him to say anything that he, Putin, didn't mean, or ever to go back on his word or break a promise he made to Clinton.»

However, as Cohen explains, Bush strangely repaid Putin by (1) unilaterally withdrawing from the anti-ballistic (ABM) treaty, the «bedrock» of Russia's national security, and (2) launching the second wave of NATO expansion toward Russia.

And, as Cohen points out, this was not the only case in which the U.S. quite brazenly betrayed Russia in recent decades. Thus he notes that Presidents Clinton, Bush and Obama have all violated the very clear agreement that, in return for Gorbachev's allowing the reunification of Germany, the U.S. would not move NATO one inch further east. In addition, the U.S. undermined then-President Medvedev (who we claim to prefer to Putin) by unseating Gaddafi in Libya – with disas-

trous consequences – despite our promise to Russia that we would do no such thing if Russia agreed to the Security Council resolution approving the no-fly zone over Libya.

All of this history must be considered when we view the current crisis in Ukraine, which, Cohen warns, is quickly leading to a hot war with Russia. As Cohen relates:

If you took even the short time frame of the Ukrainian crisis and you began it in November 2013, when the then-elected president of Ukraine, Yanukovych, didn't actually refuse to sign the European Union's offer of a partnership with Europe. He asked for time to think about it. That brought the protesters in the streets. That led to the illegal overthrow of Yanukovych, which, by the way, Poroshenko, the current president, strangely now admits was illegal...

Then comes Putin's annexation or reunification of Crimea, as Russians call it. Then already evolving now in Eastern Ukraine are protests against what's happening in Kiev, because Eastern Ukraine was the electoral base of Yanukovych. Yanukovych was its president in a fundamental way. Then comes the proxy war, with Russia helping the rebel fighters in Eastern Ukraine and the United States and NATO helping the military forces of Kiev...

And so it went, on and on. Now, if you back up and ask who began the aggression, it's my argument – for which I'm called a «Putin apologist,» which I am not –... but the reality is that Putin has been mostly reactive. Let me say that again: reactive. If we had the time, I could explain to you why the reportedly benign European Union offer to Kiev in 2013 was not benign at all. No Ukrainian who wanted to survive could have accepted that. And by the way, it had clauses buried below that would've obliged Kiev to adhere to NATO military security policy...

Ukraine had been on Washington's agenda for a very, very long time; it is a matter of public record. It was to that that Putin reacted. It was to the fear that the new government in Kiev, which overthrew the elected government, had NATO backing and its next move would be toward Crimea and the Russian naval base there...

But he was reacting, and as Kiev began an all-out war against the East, calling it the «anti-terrorist operation,» with Washington's blessing...

This was clearly meant to be a war of destruction... Meanwhile, NATO began escalating its military presence. In each of these stages, a very close examination will show, as I'm sure historians will when they look back, that Putin has been primarily reactive. Now maybe his reactions have been wrong-headed. Maybe they've been too aggressive. That's something that could be discussed...

But this notion that this is all Putin's aggression, or Russia's aggression, is, if not 100-percent false, let us say, for the sake of being balanced and ecumenical, it's 50-percent false. And if Washington would admit that its narrative is 50-percent false, which means Russia's narrative is 50-percent correct, that's where negotiations begin and succeed.

I can only hope that the policy makers in this country will hear the voices of people like Professor Cohen and enter into rational negotiations with Russia in order that we may be spared what is shaping up to be a disastrous war in Europe.

Переосмысливая Россию: Разговор
со специалистом по России Стивеном Ф. Коэном

Дэн Ковалик

Опубликовано на онлайн-ресурсе *HuffPost Contributor Platform* (ныне закрытом) 7 июля 2015 года,
отредактировано 7 июля 2016 года

На прошлой неделе мне выпала честь брать интервью у Стивена Ф. Коэна, почетного профессора российской политики и истории Нью-Йоркского университета и Принстонского университета, где он много лет был директором программы изучения России. Давний друг Михаила

Горбачева, профессор Коэн является одним из ведущих специалистов по России в мире и членом учредительного совета Американского комитета за восточно-западное согласие – организации, которая выступает за разрядку в отношениях США и России и переосмысление (в том числе в форме публичного обсуждения) американской политики в отношении России. Несмотря на внушительные заслуги и доскональное знание России и ее истории, голос профессора Коэна редко можно услышать в мейнстримной прессе. И это не потому, что он не пытается высказать свое мнение; просто его мнению, как и мнению тех, кто думает так же, как он, закрыт доступ в СМИ, которые, как и практически все американские политики, предпочли заниматься очернением России и Путина, безосновательно и бездумно приравняв его к тиранам типа Адольфа Гитлера. Как считает Стивен Коэн:

Даже Генри Киссинджер – кажется, это было в марте 2014 года в Washington Post – написал: «Демонизация Путина – это не политика. Это оправдание неимения политики». Я тогда написал в ответ: да, это так и даже много хуже, поскольку демонизация Путина мешает думать рационально, иметь рациональную повестку и полемику по поводу национальной безопасности США. Это касается не только нынешней катастрофы на Украине и новой холодной войны, это шире – Сирия и Афганистан, распространение ядерного оружия, борьба с глобальным терроризмом. Демонизация Путина лишает нас партнера в Кремле, который нам нужен, независимо от того, кто там сидит.

И Коэн напоминает нам, что как раз вопреки распространенному в нашей стране сфабрикованному мнению, именно сейчас у нас есть в Москве способный и готовый помочь потенциальный партнер. И поясняет: «Не так давно Билл Клинтон сказал, что насколько он знает по личному опыту общения с Путиным, тот никогда не сказал

ничего, что не хотел бы сказать, никогда не отступил от сказанного и не нарушил обещания, данного им Клинтону».

Однако, говорит Коэн, Буш странно отплатил Путину, во-первых, в одностороннем порядке выйдя из договора по баллистическим ракетам, основы национальной безопасности России, и во-вторых, начав вторую волну расширения НАТО к границам России.

И это, по мнению Коэна, был не единственный за последние десятилетия случай, когда США откровенно кинули Россию. Президенты Клинтон, Буш и Обама – все нарушали ясное как день соглашение о том, что в ответ на согласие Горбачева на объединение Германии США ни на дюйм не придвинут НАТО к границам России. Кроме того, США подставили президента Медведева (которого мы якобы предпочитаем Путину), скинув Каддафи в Ливии – с катастрофическими последствиями – хотя обещали этого не делать, если Россия согласится на принятие Советом Безопасности резолюции о бесполетной зоне над Ливией.

Всю эту историю нужно учитывать, когда мы рассматриваем нынешний кризис на Украине, который, предупреждает Коэн, стремительно ведет к горячей войне с Россией. Коэн объясняет:

Если взять даже тот короткий промежуток времени, что длится кризис на Украине и начать с ноября 2013 года, когда избранный президент Украины Янукович на самом деле не отказался подписывать предложение ЕС о партнерстве с Европой. Он попросил дать ему время на обдумывание. Это вывело протестующих на улицы. Это привело к незаконному свержению Януковича, незаконность которого, кстати, что удивительно, признает сегодня и нынешний президент Порошенко...

Затем последовала путинская аннексия – или воссоединение, как называют это русские – Крыма. Затем растущие протесты жителей Восточной Украины против того, что происходило в Киеве, потому что Восточная Украина была

электоральной базой Януковича; Янукович по большому счету был их президент. Затем последовала прокси-война, когда Россия помогала вооруженным повстанцам Восточной Украины, а США помогали армии Киева...

И так далее по нарастающей. И если сейчас обернуться и спросить себя, кто начал агрессию, то мое мнение – и за него меня прозвали «апологетом Путина», хотя я им не являюсь – что Путин по большей части только реагировал на события. Позвольте мне повторить: только реагировал. Если бы у нас было больше времени, я мог бы вам объяснить, почему это, как говорят, любезное предложение ЕС, сделанное Киеву в 2013 году, вовсе не было любезным. Ни один украинец, если ему дорога была его жизнь, не смог бы его принять. И кстати подспудно в нем были заложены условия, обязывающие Украину поддерживать натовскую политику в области военной безопасности...

В планах Вашингтона Украина была уже очень давно; это подтвержденный публичными источниками факт. И это именно то, на что реагировал Путин. Это была ответная реакция на страх, что новое правительство в Киеве, свергнувшее законно избранную власть и получившее натовскую поддержку, пойдет теперь на Крым и захватит российскую военно-морскую базу там... Но он просто реагировал, и когда Киев с благословения Вашингтона начал полноценную войну против своих восточных территорий, назвав ее «антитеррористической операцией»...

Это явно задумывалось как война на уничтожение... А НАТО, меж тем, занялось наращиванием своего военного присутствия. И на каждом из этих этапов тщательный анализ покажет – а я уверен, что впоследствии историки предпримут такой анализ – что Путин главным образом отвечал, реагировал. Возможно, в какой-то момент его ответные действия стали не вполне разумными. Может быть, слишком агрессивными. Но это все можно обсуждать...

Но это утверждение, что все это – путинская агрессия или российская агрессия, это если и не 100 %-ная ложь, то, скажем во имя взвешенного и экуменического подхода, ложь на 50 %. И если Вашингтон признает, что его версия на 50 % ложь, это будет означать, что российская версия на 50 % правда, и это та точка отсчета, с которой начинаются и успешно развиваются переговоры.

Я могу только надеяться, что политические деятели в нашей стране услышат голоса таких людей, как профессор Коэн, и начнут разумные переговоры с Россией с целью уберечь всех нас от того, что все отчетливее принимает форму разрушительной войны в Европе.

Stephen Cohen's speech at the debate
at the Carnegie Council for Ethic in International Affairs,
«Beyond a New Cold War? International Security and
the Need for U.S. – Russia Cooperation»
(with Stephen F. Cohen, Jack F. Matlock, John Pepper,
William vanden Heuvel, David C. Speedie)

February 17, 2016

What Ambassador Matlock has done is give us a reminder and a needed lesson of the importance of thinking historically. That's what's missing in the United States in policy debates as much as anything. You have to think historically or you won't understand the present or the future.

All of us here are members of the board of the American Committee for East-West Accord. Our sole mission, as David Speedie said, is to encourage public discussion of Russian-American relations – not support a candidate, or even support committee-specific policies.

Therefore, it's important for me to say that I speak now only for myself, not for the committee, because there are disagreements among us, but not enough to keep us apart. I am going to do that in my 10 minutes or so by making four very large points or generalizations, in the hope that we might, those of us up here and with you all out there, discuss them.

Point one, we are in a new Cold War. Whether we wish to call it that or not may be a semantic issue. But the important thing is this Cold War is much more dangerous than the preceding one for various reasons – partly because it's on Russia's borders, not in Berlin, the epicenter; partly because there are absolutely no rules of conduct of the kind that were formed by Moscow and Washington after the Cuban Missile Crisis; and partly because proponents of the new Cold War scarcely exist in the United States. That is very different from the old Cold War, when proponents of the time were quite strong.

There is also, but it's a separate question, the simply crazy demonization of Russia's leader, Putin, who is accused of everything from murder, to pedophilia, to every imaginable thing, all with virtually no evidence. This pollutes the discussion of American policy in a way that makes it very difficult to advocate any position that might also be held by Moscow.

Many important figures deny that we are in a new Cold War. They do so partly because they don't understand the historical meaning of «cold war.» There were cold wars in history before the American-Soviet Cold War. A cold war is a certain kind of relationship. But mainly, I think, as I observe their biographies, they do not want to admit their complicity in the coming of a new Cold War after they promised us in 1991 that there would certainly be a strategic partnership, even a friendship, with post-Soviet Russia. Therefore, by denying the existence of a new Cold War, they do two bad things. They preclude rethinking American policy since 1991, which we desperately need. Secondly, they close off to us the kind of lessons that we might learn from the history of the preceding

40-years Cold War that might keep us safe today – for example, the rules of conduct that were enacted at that time and are now entirely absent.

Second point: Kto vinovat? [Who is to blame, in Russian], who is responsible for the new Cold War? The American political/media establishment of course says, «Putin, Moscow only; we have no complicity in this.»

I see the primary responsibility, thinking historically, not in Moscow but in Washington. Remember, the new Cold War did not begin when Putin came to power in 2000, or with the American-Russian proxy war in Georgia in 2008, or with the eruption of the Ukrainian crisis in November 2013.

It began with the Clinton administration in the 1990s, which instead of treating post-Soviet Russia as a potential strategic partner – I don't believe in friendships between nations or between leaders; I believe in partnerships – but instead of treating Russia as a potential strategic partner, it saw post-Soviet Russia as weak, with no real legitimate interests abroad, and actually without full sovereignty at home. We went to remake Russia as we saw fit. It was called «democracy promotion.» So the Clinton administration adopted a triumphalist «winner-take-all» approach toward a temporarily – anyone could have told them it was temporary – weak Russia.

Those unwise policies you know. It was expanding NATO eastward; it was thereby excluding Russia from the post-Cold War security arrangements in Europe. It was refusing to negotiate on missile defense and even cooperate. It was continuing so-called democracy promotion intrusions into Russia's internal politics. And it was an array of outright broken promises to the Russian leadership. This American «winner-take-all,» as I call it, approach has continued through every presidency and every American Congress since the Clinton administration – from Clinton, to Bush, to President Obama today.

The Putin that is so irrationally demonized in America today – not only in Washington but in popular culture, on tele-

vision, in novels, movies – this Putin is the almost inevitable result of these unwise American policies. He is the effect, not the cause.

Third, there have been many lost opportunities along the way. None of this was inevitable. There were forks in the road, alternative policies proposed after the Soviet Union ended in 1991; after 9/11, when, if you recall, Putin did more to save American lives in Afghanistan during the American war against the Taliban than any member of NATO; there were opportunities even with Obama's ill-conceived so-called «reset» in 2009; and surely there were opportunities after Paris last year – surely that was a crossroad, and the right road wasn't taken. All of these opportunities were lost – not by God, not by history, but by decision-makers, primarily in Washington and Brussels.

Today, as we talk, there are two more opportunities to diminish this new Cold War – maybe even end it, but at least diminish it – by enacting a new *détente* with Moscow. One opportunity is the Minsk accords, designed by Chancellor Merkel and President Hollande, as you know, to negotiate an end to what is certainly a civil war in Ukraine, but also an American-Russian proxy war.

The other opportunity was first proposed by Hollande, his grand coalition, and then by Putin, which called for an American-Russian/Russian-American coalition to fight the Islamic State (ISIS, ISIL), not only in Syria, but also in Iraq and Libya and North Africa, where it is spreading.

I believe Secretary of State Kerry was compelled to say what he said at Munich, because he didn't make that policy. That policy of quadrupling our military forces on Russia's borders was made by Secretary of Defense Carter, and obviously endorsed by Obama. Kerry clearly was opposed to it, but he had to say that.

Secretary Kerry has vigorously, so far as I can tell, pursued these opportunities, both in Ukraine and Syria. He has met

not only with Lavrov more often than I see my wife, but he has met with Putin twice for four hours. Each time he has been undermined by powerful forces in Washington – I would say even stabbed in the back. If we had a parliamentary system, he would be compelled to resign his office.

This brings me to my last point. As was the case – and, alas, all of us here and some of you in the room, are old enough to remember this – as was the case during the preceding 40-years Cold War, both in Washington – and I want to emphasize both – both in Washington and in Moscow, we are now witnessing a fateful struggle between pro-détente and pro-Cold War political forces. The difference is this time the American pro-détente camp is tiny, weak, un-united, deprived of a voice in the mainstream media, and leaderless. That was not the case in the 1970s and 1980s, or late 1960s.

The pro-détente camp stands a chance in America today only with a pro-détente president – there is no other chance – a pro-détente president of the kind that President Reagan became – maybe he was earlier, I don't know – but became from 1985 to 1988, guided and inspired, I'm sure, by Ambassador Matlock, not only George Shultz.

I believe – and this may seem unenlightened and uninformed – that a pro-détente Kremlin partner is still waiting for us, waiting for such American president. Putin did not start this Cold War. He has fought it far more ably than all our American experts predicted. He may even be winning it, though nobody wins a Cold War if it turns hot, as it might. Putin didn't start the new Cold War, he didn't want it, and he wants to end it, for his own reasons, for his own historical mission as Russia's leader.

Where President Obama stands today is unclear to me. Either, like Elvis, he has left the foreign policy building, or he is in fact in his own way the Cold-Warrior-in-Chief.

As for all the others who aspire to be president now, that's another story and not a happy one.

Речь Стивена Коэна на дискуссии
в Совете Карнеги по этике в международных делах
«Пережить новую холодную войну?»

Международная безопасность и необходимость
американо-российского сотрудничества»
(с участием Стивена Коэна, Джека Мэтлока,
Джона Пеппера, Уильяма ванден Хювела,
Дэвида Спида)

17 февраля 2016 года

Посол Мэтлок только что напомнил всем нам о важности исторического мышления. Это именно то, чего больше всего не хватает американским политическим дебатам. Вы должны мыслить исторически или вы ничего не поймете ни в прошлом, ни в будущем.

Все здесь присутствующие – члены руководящего совета Американского комитета в поддержку согласия между Востоком и Западом. Наша единственная миссия, как сказал Дэвид Спида, – способствовать существованию публичной дискуссии о российско-американских отношениях. Мы не занимаемся ни поддержкой кандидатов, ни даже поддержкой какой-то специфической политики.

Поэтому мне важно отметить, что я говорю сейчас только от себя лично, не от лица Комитета, потому что между нами есть разногласия, хотя и не настолько большие, чтобы разрушить наше единство. В отведенные мне 10 минут я собираюсь представить четыре больших обобщающих пункта, в надежде, что мы – те, кто здесь, и те, кто за пределами этой комнаты – могли бы обсудить их.

Пункт первый: мы находимся в состоянии новой холодной войны. Хотим мы ее так называть или нет, вопрос семантический. Важно то, что эта новая холодная война куда более опасная, чем предыдущая, в силу разных при-

чин – потому что ее эпицентр находится не в Берлине, а на границах России; потому что не существует никаких правил вроде тех, что были выработаны Москвой и Вашингтоном после Карибского кризиса; и потому что у новой холодной войны практически нет поборников в Соединенных Штатах – в отличие от старой холодной войны, которая пользовалась сильной поддержкой.

А еще, хоть это и отдельный вопрос, безумная демонизация президента России Путина, которого обвиняют во всех мыслимых грехах, от убийства до педофилии, и практически всегда бездоказательно. Это мешает обсуждению американской политики в том смысле, что отстаивание любой позиции, которая может быть поддержана Москвой, становится чрезвычайно трудным делом.

Многие важные политические фигуры отрицают, что мы находимся в состоянии новой холодной войны. Они это делают отчасти потому, что не понимают исторического значения термина «холодная война». В истории были примеры холодной войны и до американо-советской; холодная война – это особый тип отношений. Но в основном, я думаю, исходя из их биографий, они просто не хотят признать факт своего участия в развязывании новой холодной войны, после того как в 1991 году они пообещали нам стратегическое партнерство и даже дружбу с постсоветской Россией. Так что, отрицая существование новой холодной войны, они делают две плохие вещи. Они препятствуют переосмыслению американской политики после 1991 года, в чем мы очень нуждаемся. И они делают недоступными для нас те уроки, которые мы могли бы извлечь из сорокалетней истории предыдущей холодной войны и которые могли бы уберечь нас в нынешней – например, правила поведения, которые действовали в то время и напроочь отсутствуют сейчас.

Пункт второй: кто виноват? Кто несет ответственность за развязывание новой холодной войны? Американский

политический / медиа истеблишмент, конечно, скажет: Путин, Москва и только они; мы к этому не причастны.

А я, мысля исторически, возлагаю ответственность главным образом на Вашингтон. Вспомните, новая холодная война началась не в 2000 году, когда Путин пришел к власти, не в 2008, когда случилась американо-российская прокси-война в Грузии, и не с началом кризиса на Украине в ноябре 2013 года.

Она началась в 1990-е годы, когда администрация Клинтона вместо того, чтобы отнестись к постсоветской России как к потенциальному стратегическому партнеру – я не верю в дружбу между странами или лидерами, я верю в партнерство – вместо потенциального стратегического партнера администрация увидела в постсоветской России слабое государство, лишенное законных интересов за рубежом и по сути лишенное полного суверенитета во внутренних делах. Мы начали переделывать Россию, как было удобно нам. Это называлось «продвижение демократии». Администрация Клинтона заняла триумфалистскую позицию в духе «победитель получает всё» по отношению к временно – а любой сказал бы им тогда, что это лишь временно – слабой России.

Вы знаете про все эти неумные шаги, которые были предприняты. Это расширение НАТО на восток и, как следствие, отстранение России от решения вопросов безопасности в Европе. Это отказ от ведения переговоров о противоракетной безопасности и вообще сотрудничества в этой сфере. Это продолжение вмешательства во внутреннюю политику России под предлогом «продвижения демократии». И целый букет откровенно нарушенных обещаний, данных российскому руководству. Этот американский подход – «победитель получает всё», как я его называю – оставался неизменным при всех президентах и всех составах Конгресса после Клинтона – Клинтон, Буш, теперь Обама.

Путин, которого так иррационально демонизируют сегодня в Америке – не только в Вашингтоне, но и в попу-

лярной культуре, на телевидении, в книгах, в кино – этот Путин есть почти неизбежный итог этой неумной политики. Он следствие, а не причина.

Третье: на этом пути было много упущенных возможностей. Ничто из того, что случилось, не было неизбежным. На этой дороге были развилки; альтернативные политические шаги предлагались и после конца Советского Союза в 1991 году, и после 11 сентября [2001 г.] – тогда, если помните, Путин больше сделал для спасения американских жизней в Афганистане, где США вели войну против Талибана, чем любой член НАТО. Возможности были даже после неудачной затеи Обамы с «перезагрузкой» в 2009 году, и, разумеется, они были после Парижа в прошлом году – это определенно был перекресток, и правильная дорога опять не была выбрана. Все эти возможности были утрачены – не волею Бога, не волею истории, а волею принимающих решения политиков, прежде всего в Вашингтоне и Брюсселе.

Сегодня, когда мы здесь говорим, еще существуют две возможности уменьшить размах этой новой холодной войны – может, даже закончить, но хотя бы уменьшить – активировав новую политику разрядки с Москвой. Первая возможность – это Минские соглашения, разработанные, как вы знаете, канцлером Меркель и президентом Олландом, чтобы мирным путем положить конец тому, что, без сомнения, является гражданской войной на Украине, но в то же время американо-российской прокси-войной.

Другая возможность – это впервые предложенная Олландом, его большой коалицией, а затем поддержанная президентом Путиным инициатива создания американо-российской / российско-американской коалиции для совместной борьбы против Исламского государства (ИГИЛ)*, причем не только в Сирии, но и в Ираке, Ливии и Северной Африке, где распространяется его влияние.

---

* ИГИЛ – запрещенная в РФ организация. - *Ред.*

Я уверен, что госсекретарь Керри был вынужден сказать то, что он сказал в Мюнхене, потому что не он был автором той политики. Та политика четырехкратного увеличения наших военных сил на границах России была разработана министром обороны Картером и очевидно одобрена Обамой. Керри явно был против, но был вынужден сказать это.

Госсекретарь Керри, насколько мне известно, активно пытался использовать эти возможности – и в Украине, и в Сирии. Он не только встречался с Лавровым чаще, чем я со своей женой, но и имел две четырехчасовые беседы с Путиным. И всякий раз ему мешали влиятельные силы в Вашингтоне – я бы сказал, он получал удар ножом в спину. Если бы у нас была парламентская система, он был бы вынужден подать в отставку с поста.

И это подводит меня к моему последнему пункту. Как это уже было – а, увы, все мы здесь и некоторые другие в этой комнате уже достаточно старые, чтобы помнить, как это было в годы предыдущей холодной войны – и в Вашингтоне, и в Москве, я хочу это подчеркнуть, сегодня мы снова являемся свидетелями судьбоносной борьбы между силами разрядки и холодной войны. Разница лишь в том, что сегодня американский лагерь сил разрядки маленький, слабый, разобщенный, лишенный голоса в ведущих СМИ и лишенный руководства. В 1970–80-е годы или в конце 1960-х все было по-другому.

Лагерь разрядки в Америке сегодня имеет шанс только с нацеленным на разрядку президентом – без этого никак – причем президентом такого рода, каким стал президент Рейган – может, он и раньше был таким, я не знаю – в 1985–1988 годах, направляемый и вдохновляемый не только [госсекретарем] Джорджем Шульцем, но и послом Мэтлоком.

Я убежден – как бы глупо и безосновательно это ни выглядело – что верящий в разрядку кремлевский партнер

еще ждет нас, ждет такого американского президента. Путин не начинал холодную войну. Он ведет ее куда более успешно, чем все наши эксперты предрекали. Он может даже выиграть ее – хотя никто не может выиграть холодную войну, когда она превращается в горячую, а это может произойти. Путин не начинал новую холодную войну, он не хотел ее, и он хочет покончить с ней по своим собственным причинам, во имя собственной исторической миссии в качестве российского лидера.

Мне неясна сегодня позиция президента Обамы. Либо он, как Элвис, покинул здание внешней политики, либо он и есть своего рода главнокомандующий воинства холодной войны.

Что касается других сегодняшних соискателей на пост президента, то это другая история и не слишком счастливая.

From Stephen Cohen's Interview to Tucker Carlson on Trump–Putin Meeting

July 8, 2017

Tucker Carlson: Professor, the first thing you notice is just how much the press is rooting for this meeting between our president and the Russian president to fail. Why would they want it to fail?

Stephen Cohen: It's a kind of pornography. Just as there is no love in pornography, there is no national interest in this bashing of Trump and Putin. As a historian, let me tell you the headline I would write instead, about what we witnessed today in Hamburg. «Potentially New Historic Détente Anti-Cold War Partnership Begun by Trump and Putin but Meanwhile Attempts to Sabotage It Escalate.»

You said I was an expert. I actually do have one expertise. I've seen a lot of summits, as we call meetings between

American and Russian presidents. I was present at some, and even participated in the first George Bush's summit preparations. When he met with Gorbachev, he invited me to Camp David to debate before his team.

In that context, I think what we saw today was potentially the most fateful meeting between an American and Russian president since the war time [WWII]. The reason is, is that the relationship with Russia is so dangerous and yet we have a president who might have been crippled or cowed by these Russiagate attacks on him, and yet he was not. He was, I think, politically courageous. It went well. They did important things. And this will be astonishing to be said, I know, but I think maybe today we witnessed President Trump emerging as an American statesman. I think it was a very good day for everybody.

[...]

Focus if you will [on] something that both Trump and Putin said today. They said we are meeting, we have agreed, and we promise positive things to come. In other words, they have formed a political partnership and now it goes forward.

[...]

Из интервью Стивена Коэна Такеру Карлсону по поводу встречи Трамп–Путин

8 июля 2017 года

Такер Карлсон: Профессор, первое, что замечаешь, это насколько яростно наша пресса желает провала этой встречи нашего президента с президентом России. Почему они так этого хотят?

Стивен Коэн: Это своего рода порнография. Так же, как нет любви в порнографии, нет национального интереса в этом поношении Трампа и Путина. Позвольте мне как ис-

торику предложить свой заголовок на тему того события, которое произошло сегодня в Гамбурге: «Трамп и Путин дали старт потенциально новому историческому партнерству во имя разрядки и против холодной войны, в то время как попытки саботировать его нарастают».

Вы [представляя] назвали меня экспертом. У меня действительно есть одно экспертное знание. Я видел множество саммитов, как мы называем встречи американского и российского президентов. На некоторых из них я присутствовал и даже принимал участие в подготовке первого саммита Джорджа Буша [старшего]. Когда он встречался с Горбачевым, он пригласил меня в Кэмп-Дэвид выступить со своими соображениями перед его командой.

В таком контексте, думаю, то, что мы наблюдали сегодня, является наиболее значимой для будущего встречей американского и российского президентов со времен Второй мировой войны. Причина в том, что отношения с Россией сейчас настолько опасны, и все же у нас есть президент, которого все эти нападки на него в рамках «Рашагейт» не сломали и не испугали. На мой взгляд, он проявил политическое мужество. И все прошло хорошо. Они сделали важные вещи. Наверное, это удивительно прозвучит, но я думаю, что сегодня мы были свидетелями превращения президента Трампа в американского государственного деятеля. Это был хороший день для всех.

[...]

Обратите, пожалуйста, внимание на кое-что, что сказали сегодня Трамп и Путин. Они сказали: мы встречаемся, мы договорились, мы обещаем, что последуют позитивные вещи. Иными словами, они создали политическое партнерство, и оно движется вперед.

[...]

Stephen Cohen's handwritten notes on his book
War with Russia?

[2017–2018]

I) About «War with Russia?»

– The third volume of what has turned out to be a kind of trilogy of what I began calling, back in the 1980s, «scholarly journalism» (публицистика) [marginal note: an experiment] (That is, my effort to bring more scholarly knowledge, particularly history, to media coverage of Soviet and then post-Soviet developments – but in a way accessible to general readers).

– The first volume, Sovieticus, a collection of my 950-word monthly columns in The Nation magazine, was published in 1985/1986.

– The second volume, Failed Crusade: America and the Tragedy of the Post-Soviet Russia, also a collection of my [The] Nation writings, but longer ones, was published in 2000/2001 and covered the 1990s.

– The third volume, War with Russia?, covers events since the Ukrainian crisis began in 2013, but generally in the context of the entire post-Soviet period since 2000.

[footnote:] This book is different from the other two, however, in several ways.

II) How «War with Russia?» is different from my two other books of «scholarly journalism»

1) First, it was unintended. I was provoked / inspired to resume writing (almost weekly) for The Nation by the outbreak of the Ukrainian crisis in late 2013.

2) Second, these articles originated as weekly radio broadcasts on the National John Batchelor Show.

– (I wrote them up as commentaries and, after vigilant editing, by wife, KvH [Katrina vanden Heuvel], the editor of The Nation, they were posted the next day.) [marginal note: KvH = «censor»?]

3) Third, as I broadcast and wrote, week after week, I come to think for the first time, that war with Russia was increasingly possible. (Hence the title.)

4) Fourth, these were my first regular writings in the Age of the Internet. My [The] Nation posts were very widely reposted on very diverse sites, bringing me a much larger audience than I had had since I was a regular guest on National TV and Radio in the 1980s + early 1990s. (And no longer am!)

5) Finally, as a result, I became known, according to The Chronicle of Higher Education, as «the most controversial Russia expert in America».

– I am not sure exactly what «controversial» means here.

– Even since the start of my academic carrier, I (and a few others of my generation) were known as «revisionist scholars.» That was mildly «controversial» at the time but generally thought to be a good thing in history-writing.

– «Controversial» means something different today, at least in Russian studies and specially applied to me.

– It derives from slurring attacks on me since 2013, in mainstream publications and more widely on the internet.

– They led to scandals that would not have happened a generation ago. E.g., the ASEES [Association for Slavic, East European, and Eurasian Studies] episode in 2013–2014!

– That is, my new book was written, posted and now published in unprecedentedly toxic times.

III) So How «Controversial» really are the main themes / subjects of War with Russia? I'll itemize 8 of them, and you can decide.

1) The United States is in a new Cold War with Russia (the third one) and has been since the late 1990s.

– When I first began making this argument 15 or more years ago, it was almost universally rejected by mainstream commentators as impossible. Today, the new Cold War is increasingly acknowledged (in whatever formulations) but still badly understood.

2) Second, this new Cold War originated in Washington, not in Moscow. That is, it was instigated by the United States, not by Russia.

– This is among the most controversial themes of my book, perhaps the most controversial. Only Russia, particularly Putin, is said to be responsible.

– To illustrate this issue, consider the following: We now have a very large scholarly and memoir literature about the preceding 40-year US-Soviet Cold War. The best of that literature apportions at least some blame to both sides.

– But in the sizeable literature on the already 20-year new Cold War, you will be hard put to find many credentialed authors who blame US policy since 2000, or even since 1992, in any significant way.

– Overwhelmingly, they conclude that Putin's Kremlin is solely to blame. (Or Russia more generally.)

3) A third theme of the book is that this new Cold War is more dangerous, more fraught with possibilities of actual war, than was the 40-year US-Soviet Cold War we survived.

– I give several reasons for this generalization in the book, but I'll note only three here today.

i) The political epicenter of the preceding Cold War was in far-away Berlin. Today, it is directly on Russia's borders (on land, sea and in the air), from the Baltic region and Poland to Ukraine and Georgia. (Syria is another area of direct military confrontation or proximity.)

ii) The 1962 Cuban Missile Crisis was the closest America and Russia ever came to nuclear war. It remains preeminent example of what must never happened again. But if it does anywhere – from Russia's borders or Syria to Venezuela – both Putin and Trump have been so vilianized by the US political-media establishment, it seems unlikely they will be permitted to resolve such an existential crisis as Kennedy and Khrushchev were able to do.

iii) Yet another unprecedented danger is the absence of any organized, influential American opposition to this Cold

War as there was in the 1970s and 1980s. None – not in the mainstream media; the two major political parties; Congress; the State Dept.; Universities; think tanks; or the White House (unless Trump is in opposition). [marginal note: grave failure of American democracy, and so unlike the during the preceding Cold War]

4) A fourth subject of the book: By mid-2016, when the so-called Steele Dossier began to circulate clandestinely, my weekly commentaries (and thus the book) had to deal with «Russiagate» – that is, that Putin had instigated a kind of «attack on America» to put Trump in the White House and that Trump's campaign, indeed Trump himself, had «colluded» in this «unprecedented crime».

– I could find no compelling evidence of such a Russian «attack» or of such Trump «collusion.» Only ritualistic «meddling» in the other's internal affairs that both Washington and Moscow had practiced for 100 years since 1918.

– I did find, however, evidence suggesting that «Russiagate» may have been invented and promulgated by U.S. intelligence agencies. In the book, I call it «Intelgate».

– Attorney General Barr now tells us that U.S. intelligence agencies did «spy» on the Trump campaign, but I think this misses or covers up the mark in two respects.

– Barr points to the FBI, but the evidence I present points to the CIA under John Brennan and his enabler James Clapper, head of the Office of National Intelligence.

– And a larger operation than merely «spying» was undertaken!

– Admittedly, the evidence is fragmentary.

And my «Intelgate» thesis is only something more than an informed hypothesis.

– But considering the profound damage nearly three years of Russiagate allegations have done to American political institutions, to U.S. – Russian relations, and to America's image abroad, we desperately need a bipartisan investigation into

the origins of Russiagate and the role of the U.S. intelligence agencies.

– Something like the Senate Church Committee investigation of the mid-1970s.

– For now, this seems impossible if only because the Democratic Party leadership and its members of the Senate are so deeply invested politically in their version of «Russiagate.»

(I sometimes wonder if they prefer trying to impeach Trump to averting war with Russia!)

5) Yet another theme of my book – or perhaps sub-theme – is the resurgence of neo-McCarthyism. That is, impugning the patriotism of Americans who dissent from mainstream orthodoxies about Russiagate by branding them «Putin/Kremlin apologists» and worse.

– I won't linger on this lamentable development today because I don't know how many people it has affected or how far it will go. (I treat it at some length in the book in a commentary titled «Patriotic Heresy».) (My own memory of McCarthyism's impact on Russian studies at Columbia!)

– Instead, I'll just offer these brief observations: i) Even branding Trump a «Putin Puppet», for which still is no evidence, is a form of liberal neo-McCarthyism.

II) It is also highly contagious. I mentioned my own professional encounter with the practice, but quite a few other people have experienced it as well.

III) The result is to chill, narrow, public debate when we most desperately need it: To stifle public discourse during a new and a more dangerous Cold War.

IV) Its impact on young scholars and journalists is especially censorious. But this is a separate subject.

6) A sixth (and large) subject of the book is what I call «media malpractice» in their coverage of Russia and U.S. – Russia relations, this time at least since 2013.

– I've had a long, mixed relationship with American mainstream media, both as a participant and as a critic.

– There have been three major prolonged episodes of media malpractice regarding Russia: 1918–1921; in the 1990s (see Failed Crusade); and now, since 2013 but especially in regard to «Russiagate».

– I have in mind particularly the NYT, WP, CNN, and MSNBS.

– And I mean in particular:

– Their highly selective use of sources + experts.

– Their questionable fact-checking: e.g., Flynn / Kisliak; «17 intel agencies» and ICA; Trump tower meeting and «orphans»; and Paul Manafort's political lobbying in Ukraine (not pro-Kremlin).

– And more generally, media mingling of news reporting with editorial opinion.

[footnote:] This malpractice requires a full study, ideally by journalism schools.

7) Finally, I have worried since 2016 that «Russiagate» was generating old Soviet-style practices in the United States. And this too in the book.

– Admittedly, my concerns may have been influenced / distorted by the years I lived off-and-on in Soviet Moscow from 1976 to 1982.

– What I have in mind are:

– The use of informers. (Papadopolous + Carte Page cases)

– The slurring and anathemizing of dissident voices.

– The imprisoning of people to break them (Butina)

– The holding of family members as hostages. (Flynn's son)

[footnote:] To be clear, I understand that these Russiagate practices were / are only pale adumbrations / omens of what happened in the Soviet Union. But enough, I think, to concern every American.

IV) To Conclude:

– Most of these themes and subjects of my book have been challenged by my critics since 2013, often very sharply.

– Again, this is why I have been anointed «The most controversial Russia expert in America».

– But I also understand that these themes and subjects are open to legitimate question and critical discussion.

– I hope we can have at least part of that discussion here today.

Рукописные заметки Стивена Коэна к книге «Война с Россией?»

[2017–2018]

I) О «Войне с Россией?»

– Третий том того, что обернулось своего рода трилогией того, что я начал называть еще в 1980-х годах «научной журналистикой» (публицистикой). [пометка на полях: эксперимент] (То есть моя попытка привнести больше научных знаний, особенно исторических, в освещение в средствах массовой информации событий в СССР, а затем и на постсоветском пространстве – но таким образом, чтобы это было доступно широкому кругу читателей).

– Первый том, «Soveticus», сборник моих ежемесячных колонок из 950 слов в журнале The Nation, был опубликован в 1985/1986 годах.

– Второй том, «Провал крестового похода: Америка и трагедия постсоветской России», также представляющий собой сборник работ для The Nation, но более объемный, был опубликован в 2000/2001 годах и охватывал 1990-е годы.

Третий том, «Война с Россией?», охватывает события с момента начала украинского кризиса в 2013 году, но в целом в контексте всего постсоветского периода с 2000 года.

[сноска:] Однако эта книга отличается от двух других в нескольких отношениях.

II) Чем «Война с Россией?» отличается от двух других моих книг «научной журналистики»

1) Во-первых, это было непреднамеренно. Начало украинского кризиса в конце 2013 года спровоцировало / вдохновило меня снова начать писать (почти еженедельно) для The Nation.

2) Во-вторых, эти статьи возникли на основе еженедельных радиопередач на Национальном шоу Джона Батчелора.

– (Я писал их как комментарии, и после бдительной правки со стороны жены, KvH [Катрины ванден Хювел], редактора The Nation, они публиковались на следующий день.) [пометка на полях: KvH = «цензор»?]

3) В-третьих, по мере того как я неделя за неделей выступал на радио и писал, я впервые пришел к мысли, что война с Россией становится все более возможной. (Отсюда и название.)

4) В-четвертых, это были мои первые регулярные публикации в эпоху Интернета. Мои посты в The Nation очень широко перепостировались на самых разных сайтах, что привлекало ко мне гораздо большую аудиторию, чем в ту пору, когда я был постоянным гостем на национальном телевидении и радио в 1980-х и начале 1990-х годов. (Больше я таковым не являюсь!)

5) Наконец, в результате я стал известен, согласно The Chronicle of Higher Education («Хронике высшего образования»), как «самый противоречивый эксперт по России в Америке».

– Я не очень понимаю, что здесь означает «противоречивый».

– Даже в самом начале моей академической карьеры я (и несколько других представителей моего поколения) были известны как «ученые-ревизионисты». В то время это было слегка «противоречивым», но в целом считалось хорошим качеством при написании истории.

– Сегодня слово «противоречивый» означает нечто иное, по крайней мере, в исследованиях, посвященных России, и особенно применительно ко мне.

– Оно проистекает из дискредитирующих нападок на меня с 2013 года в мейнстримовых публикациях и более широко в Интернете.

– Они привели к скандалам, которых не случилось бы лет 20–30 назад. Например, эпизод с ASEEES [Ассоциацией славянских, восточноевропейских и евразийских исследований] в 2013–2014 годах!

– То есть моя новая книга была написана, размещена в сети и сейчас выходит в свет в беспрецедентно токсичные времена.

III) Итак, насколько «спорными» на самом деле являются основные темы / предметы «Войны с Россией?» Я перечислю 8 из них, и вы сможете решить сами.

1) Соединенные Штаты находятся в новой холодной войне с Россией (третьей по счету) и ведут ее с конца 1990-х годов.

– Когда я впервые начал выдвигать этот аргумент 15 или более лет назад, он был почти повсеместно отвергнут ведущими комментаторами как невозможный. Сегодня новая холодная война все больше признается (неважно, в каких формулировках), но все еще плохо понимается.

2) Во-вторых, эта новая холодная война зародилась в Вашингтоне, а не в Москве. То есть она была спровоцирована Соединенными Штатами, а не Россией.

– Это одна из самых спорных тем моей книги, пожалуй, самая спорная. Считается, что ответственность лежит только на России, в частности на Путине.

– Чтобы проиллюстрировать этот вопрос, рассмотрим следующее: сейчас у нас есть очень большая научная и мемуарная литература о предыдущей 40-летней холодной войне между США и Советским Союзом. Лучшее из этой литературы возлагает, по крайней мере, некоторую вину на обе стороны.

– Но в обширной литературе, посвященной идущей уже 20 лет новой холодной войне, вам будет трудно найти

много авторитетных авторов, которые сколько-нибудь значимым образом обвиняют политику США с 2000 года или даже с 1992 года.

– В подавляющем большинстве случаев они приходят к выводу, что виноват исключительно путинский Кремль. (Или Россия в более широком смысле.)

3) Третья тема книги заключается в том, что эта новая холодная война более опасна, более чревата возможностями реальной войны, чем 40-летняя американско-советская холодная война, которую мы пережили.

– В книге я привожу несколько причин для такого обобщения, но сегодня отмечу только три.

I) Политический эпицентр предыдущей холодной войны находился в далеком Берлине. Сегодня он находится непосредственно на границах России (на суше, на море и в воздухе), от Балтийского региона и Польши до Украины и Грузии. (Сирия – это еще одна область прямой военной конфронтации или близости.)

II) Кубинский ракетный кризис 1962 года был тем моментом, когда Америка и Россия были максимально близки к ядерной войне. Он остается исключительным примером того, что никогда не должно повториться. Но если это произойдет – где угодно, от границ России или Сирии до Венесуэлы-то Путин и Трамп уже настолько опорочены американским политико-медийным истеблишментом, что невозможно представить, чтобы им позволили разрешить такой экзистенциальный кризис, как сумели это сделать Кеннеди и Хрущев.

III) Еще одной беспрецедентной опасностью является отсутствие организованной, влиятельной американской оппозиции этой холодной войне, каковая существовала в 1970-е и 1980-е годы. Ничего – ни в мейнстримовых медиа; ни в двух основных политических партиях; ни в Конгрессе; ни в Госдепартаменте; ни в университетах; ни в аналитических центрах; ни в Белом доме (если только Трамп не

находится в оппозиции). [пометка на полях: серьезный провал американской демократии, и так отличается от предыдущей холодной войны]

4) Четвертая тема книги: К середине 2016 года, когда так называемое досье Стила начало тайно распространяться, мои еженедельные комментарии (и, следовательно, книга) вынужденно обратились к теме «Russiagate» – о том, что Путин спровоцировал своего рода «атаку на Америку», чтобы посадить Трампа в Белый дом, и что предвыборная кампания Трампа и сам Трамп «вступили в сговор», чтобы совершить это «беспрецедентное преступление».

– Я не смог найти убедительных доказательств такой российской «атаки» или такого «сговора» Трампа. Только ритуальное «вмешательство» во внутренние дела друг друга, которое и Вашингтон, и Москва практиковали в течение 100 лет, начиная с 1918 года.

– Зато я нашел доказательства, свидетельствующие о том, что «Russiagate», возможно, был изобретен и обнаружен американскими спецслужбами. В книге я называю это «Intelgate».

– Министр юстиции Барр сейчас говорит нам, что американские спецслужбы действительно «шпионили» за кампанией Трампа, но я думаю, что это уловка в двух отношениях.

– Барр указывает на ФБР, но доказательства, которые я представляю, указывают на ЦРУ под руководством Джона Бреннана и его помощника Джеймса Клэппера, главы Управления национальной разведки.

– И была предпринята более масштабная операция, чем просто «шпионаж»!

– Понятно, что доказательства фрагментарны. И мой тезис об «Intelgate» лишь немногим больше, чем обоснованная гипотеза.

– Но, учитывая тот глубокий ущерб, который почти три года обвинений в Russiagate нанесли американским

политическим институтам, американо-российским отношениям и имиджу Америки за рубежом, мы отчаянно нуждаемся в двухпартийном расследовании происхождения Russiagate и роли американских разведывательных служб.

– Что-то вроде расследования Сенатского комитета Чёрча середины 1970-х годов.

– На данный момент это кажется невозможным хотя бы потому, что руководство Демократической партии и ее члены в Сенате так глубоко политически вовлечены в свою версию «Russiagate».

(Я иногда задаюсь вопросом, неужели попытки объявить импичмент Трампу для них важнее, чем предотвратить войну с Россией!)

5) Еще одна тема моей книги – или, возможно, подтема – это возрождение неомаккартизма. То есть, отказ в патриотизме тем американцам, которые расходятся с господствующими ортодоксальными взглядами на Russiagate, клеймение их «апологетами Путина / Кремля» и того хуже.

– Я не буду задерживать внимание на этом прискорбном развитии событий сегодня, потому что я не знаю, скольких людей это затронуло и как далеко это пойдет. (Я довольно подробно излагаю это в книге в комментарии, озаглавленном «Патриотическая ересь».) (Мои собственные воспоминания о влиянии маккартизма на россиеведение в Колумбийском университете!)

Вместо этого я просто предложу следующие краткие наблюдения: i) Даже клеймение Трампа как «путинской марионетки», для чего до сих пор нет доказательств, является формой либерального неомаккартизма.

ii) Это также очень заразно. Я упомянул о своей собственной профессиональной встрече с этой практикой, но довольно много других людей также испытали это на себе.

iii) Результатом является охлаждение, сужение публичных дебатов, когда мы в них самым отчаянным образом нуждаемся: задушить публичный дискурс во время новой и более опасной холодной войны.

IV) Его воздействие на молодых ученых и журналистов особенно сурово. Но это отдельная тема.

6) Шестая (и большая) тема книги-то, что я называю «преступной халатностью СМИ» в их освещении России и американско-российских отношений, на этот раз как минимум с 2013 года.

– У меня давние неоднозначные отношения с американскими мейнстримными СМИ, как в качестве участника, так и в качестве критика.

– Было три важных продолжительных эпизода злоупотреблений СМИ в отношении России: 1918–1921 годы; 1990-е годы (см. Провал крестового похода); и нынешний, с 2013 года, особенно в отношении «Russiagate».

– Мои претензии касаются в особенности NYT, WP, CNN и MSNBC.

– И я имею в виду, в частности:

– Их крайне избирательное использование источников и экспертов.

– Их сомнительный факт-чекинг: например, Флинн / Кисляк; «17 разведывательных служб» и ICA [Intelligence Community Assessment]; встреча в Trump-Tower и «сироты»; и политическое лоббирование Пола Манaforta в Украине (не прокремлевское).

– И в более общем плане, СМИ смешивают новостные репортажи с мнением редакции.

[сноска:] Эта преступная халатность требует всестороннего изучения, в идеале, в школах журналистики.

7) Наконец, с 2016 года меня беспокоит то, что «Russiagate» порождает в Соединенных Штатах старые практики советского образца. И это тоже есть в книге.

– Признаю, что на мои опасения, возможно, повлияли / исказили годы, прожитые в советской Москве с 1976 по 1982 год.

– Что я имею в виду, так это:

– Использование информаторов (Пападополус + карточки).

– Дискредитация и предание анафеме диссидентских голосов.

– Заключение людей в тюрьму с целью сломить их (Бутина).

– Удержание членов семьи в качестве заложников (сын Флинна).

[сноска:] Чтобы внести ясность, я понимаю, что эти практики Russiagate были / являются лишь бледными намеками / предзнаменованиями того, что происходило в Советском Союзе. Но, я думаю, этого достаточно, чтобы обеспокоить каждого американца.

IV) В заключение:

– Большинство из этих тем и сюжетов моей книги оспаривались моими критиками с 2013 года, часто очень резко.

– Опять же, именно поэтому меня наградили званием «Самого противоречивого эксперта по России в Америке».

– Но я также понимаю, что эти темы открыты для законных вопросов и критического обсуждения.

– Я надеюсь, что мы сможем хотя бы частично обсудить их сегодня здесь.

IV

FATE
AND MEMORY

СУДЬБА
И ПАМЯТЬ

Кто вы, доктор Коэн?

Петр Черёмушкин

Московский комсомолец, 27 июля 1988 года

Еще совсем недавно слово «советолог» было чуть ли не синонимом слова «антисоветчик». Имя профессора Принстонского университета Стивена Коэна сегодня широко известно советскому читателю и по опубликованным отрывкам из книги «Бухарин», и по статьям о перестройке.

– Некоторые считают, что вы предсказали перестройку в СССР...

– На протяжении двадцати пяти лет моего изучения Советского Союза я всегда спорил с теми, кто говорил: «Это общество никогда не изменится». Я отвечал им: идет острая внутренняя борьба – вы ее просто не видите, но когда-нибудь увидите...

– Представьте себе, что новый президент назначил вас своим советником по внешнеполитическим вопросам. Какие бы рекомендации в отношении Советского Союза вы ему дали?

– Я бы сказал ему об имеющейся сейчас возможности прекратить «холодную войну», посоветовал приступить к серьезным переговорам по обычным вооружениям, смелее выдвигать собственные конструктивные предложения, которые не уступали бы предложениям советской стороны.

– Не могли бы вы сравнить советскую и американскую бюрократию, ваших и наших консерваторов...

– Я написал книгу под названием «Переосмысливая советский опыт», в которой специальная глава посвящена консерваторам. По моему мнению, консерваторы похожи друг на друга в большинстве стран. Более того, я думаю, что большинство населения составляют консерваторы. Поскольку никогда не известно, улучшат ли перемены жизнь общества или нет.

История вашей страны полна драматизма. Революция, коллективизация, война... Поэтому советские люди весьма консервативны. Они слишком хорошо помнят, как было тяжело и трудно. Будет ли лучше? Вот в чем вопрос.

Помню, мой отец еще совсем молодым, во времена «великой депрессии» не смог окончить школу и стать врачом, как он мечтал и все время удивлялся, почему его сын может быть чем-то недоволен. Ведь жизнь наладилась, и все хорошо. По сравнению с тем, что было, разумеется.

Естественно, между советскими и американскими консерваторами есть различия. Например, в Советском Союзе некоторые до сих пор поклоняются Сталину. У нас ему никто не поклоняется. Есть другие идолы – например, «свободный рынок».

У вас некоторые консерваторы говорят о плане и планировании, как о божестве. Наши консерваторы ратуют за «чистый капитализм», при котором был бы свободный рынок, а теперь нормальному функционированию экономики якобы мешает государство. Когда становится банкротом крупная фирма (например, «Крайслер»), консерваторы начинают первыми призывать государство «помочь» компании, выделив необходимые суммы.

У нас есть люди, которые говорят, что в Америке уже была перестройка – при ФранкLINE Делано Рузвельте. Поэтому представляет большой интерес предложение о совместных советско-американских семинарах по истории наших стран, по сопоставлению двух периодов в истории. Историки полагают, что «новый курс» Рузвельта и перестройка достойны аналогии.

– Скажите, а ваши коллеги-советологи не считают вас «красным»?

– Хочу внести ясность. В Соединенных Штатах каждый может свободно выражать свои мысли. Однако это не означает возможности говорить все, что бог на душу положит. Когда люди моей профессии считают, что Советский

Союз не может измениться, то это не потому, что на них кто-то оказывает давление – они верят.

– Почему вы избрали профессию советолога?

– Штат Кентукки, где я родился, славится тремя вещами: жареными цыплятами, лошадьми (Кентуккское дерби) и баскетболом. По русским меркам, это совсем «губерния». В университете штата Индиана я учился у Роберта Такера, написавшего книгу о Сталине. Я первый раз приехал в Советский Союз летом 1959 года. Тогда мне было 19 лет. Путешествие по пяти городам – Киеву, Ростову-на-Дону, Ленинграду, Сталинграду и Москве – укрепило во мне интерес к Советскому Союзу.

– Чем объяснить ваш интерес к личности Николая Бухарина?

– Я решил написать о Бухарине в начале шестидесятых годов, когда был аспирантом и занимался советской историей. В США были книги о Сталине, Троцком и Ленине, но не было книг о Бухарине. Большинство книг, написанных советологами до шестидесятых годов, содержало утверждение, что альтернативы «великому перелому» Сталина не было.

Что же тогда представляла собой «правая оппозиция» конца 1920-х? Принявшись за изучение событий заключительного периода НЭПа и конца двадцатых годов, я понял, что центральной фигурой был Николай Иванович Бухарин. Он являлся альтернативной фигурой Сталину.

Так родились первые восемь глав моей будущей книги – в то время пока еще диссертации. Первый раз книга «Бухарин» вышла в 1973 году, а несколько дней назад я подписал контракт с издательством «Прогресс» о выпуске ее на русском языке.

– Иногда складывается впечатление, что западные журналисты больше поддерживают перестройку, чем некоторые советские граждане...

– Это объяснимо. Они ничем не рискуют – просто смотрят со стороны.

Who are you, Dr. Cohen?

Pyotr Cheryomushkin

Moskovsky Komsomolets, July 27, 1988

Just recently the word «Sovietologist» was synonymous with «anti-Soviet.» Stephen Cohen, a Princeton professor, is familiar to Soviet readers, who know him as the author of the book about Bukharin, fragments of which were printed in the Soviet Union, and articles about perestroika.

- Some people believe that you foretold perestroika in the USSR...

- During the 25 years that I've been studying the Soviet Union, I've always argued with those who say: «This society will never change.» I used to reply: there's an intense inner struggle - you just don't see it but sometime you will...

- Imagine that the new president appoints you as his foreign policy adviser. What sort of recommendations would you give him about the Soviet Union?

- I would tell him about the present window of opportunity to stop the «cold war,» advise him to proceed to talks on conventional weapons, not to hesitate to introduce his own constructive proposals that are on a par with their Soviet counterparts'.

- Could you please compare Soviet and American bureaucracies, and your conservatives and ours...

- I wrote a book called «Rethinking the Soviet Experience,» in which a special chapter is focused on the conservatives. To my mind, conservatives in most countries are much alike. Moreover, I think that conservatives make up the largest share of population. Because you never know whether changes are going to improve a society's life or not.

Your country has had a very dramatic history. The revolution, collectivization, the war... So Soviet people are very conservative. They remember all too well how things used to be

difficult, arduous in the past. Are things going to get better? – that is the question.

I remember, when my dad was very young during the «Great Depression,» he could not go to medical school and fulfill his dream of becoming a doctor, and he couldn't understand how his son could be dissatisfied with anything. Because life got back on track, everything was OK. Compared to the past, of course.

Sure enough, there are some differences between Soviet and American conservatives. For instance, in the Soviet Union some people still worship Stalin. In the States, nobody worships him. There are other idols – «free market,» for instance.

In your country, some conservatives talk of the plans and planning as if it's a deity. Our conservatives are all for «pure capitalism,» which would give rise to a free market, whereas the state presumably gets in the way of economy. When a large company (for instance, Chrysler) goes bankrupt, conservatives are the first to call on the state to «help» the company by allocating necessary sums.

Some people in the United States say that the country already had its perestroika – under Franklin Delano Roosevelt. So the proposal about joint Soviet-American seminars focused on our countries' history, comparison of the two periods in history, seems to hold much promise. Historians believe that Roosevelt's New Deal and perestroika are very comparable.

– *Please tell, do your Sovietologist colleagues consider you «red»?*

– Let me clarify one thing. In the United States each person can freely express his thoughts. But this is not the same as being able to say whatever one wants.

When fellow Sovietologists say that the Soviet Union cannot change, it's not because someone is putting pressure on them – they truly believe what they say.

– *Why did you decide to become a Sovietologist?*

– The state of Kentucky, where I was born, is famous for three things: fried chicken, horses (Kentucky derby), and basketball. In Russian understanding, «this is a hinterland.»

At Indiana University my professor was Robert C. Tucker, who wrote a book about Stalin. I first came to the Soviet Union in the summer of 1959. I was 19 then. My tour of five cities – Kiev, Rostov on Don, Leningrad, Stalingrad and Moscow – strengthened my interest in the Soviet Union.

– *Why did you become interested in Nikolai Bukharin?*

– I decided to write about Bukharin in the early sixties, when I was a doctoral student researching Soviet history. There were books about Stalin, Trotsky, and Lenin in the United States, but none about Bukharin. Most books written by Sovietologists before the sixties argued that there was no alternative to Stalin's «Great Turn.»

So what the «Right Opposition» of the late twenties was like? Studying the events of the final days of the New Economic Policy period and the late twenties, I understood that Nikolai Ivanovich Bukharin was the central figure. He was an alternative to Stalin.

That was how the first eight chapters of my future book – just a dissertation then – were born. «Bukharin» was first published in 1973 and several days ago I signed a contract with the Progress publisher to have the book published in Russian language.

– *Sometimes you get an impression that Western journalists are more supportive of perestroika than some Soviet citizens...*

– This is understandable. They don't risk anything – just look on.

Owensboro Hall of Fame, 1997

Hometown Heroes

Stephen F. Cohen

b. 1938

Cohen attended elementary and high school in Owensboro. He was educated at Indiana University and Columbia University, where he received a Ph. D. in Politics and Russian Studies. Currently Professor of Politics Emeritus at Princeton University and Professor of Russian Studies and History at New York University, Cohen is also a two-time Guggenheim Fellow, author of many books and articles, television news commentator, CBS News' consultant on Russia, and special correspondent of documentary films about Russia for PBS. He is a recipient of various awards, including two for a syndicated magazine column he wrote in the 1980s.

★★★ HOMETOWN HEROES ★★★ ★★★ HOMETOWN HEROES ★★★

VINCE BUCK
B. 1968

A graduate of Owensboro High School and Central State (Ohio), Buck starred in the 1990 East-West Hula Bowl as a kick-return specialist and defensive back. He played for the New Orleans Saints from 1990 to 1995. In eighty-four games with the Saints, he returned seventy punts for 569 yards. He also had ten pass interceptions and one touchdown.

WAYNE CHAPMAN
B. 1945

Father of Rex Chapman, Wayne was a basketball star in his own right. He played for Davison County High School and Western Kentucky University. He also played for the Kentucky Colonels, as well as Denver and Indiana of the American Basketball Association. As head coach of the Kentucky Wesleyan Panthers from 1985 to 1990, Chapman guided his teams to NCAA championships in 1987 and 1990. He is a scout for the Phoenix Suns.

REX CHAPMAN
B. 1967

Chapman starred for the Apollo High School basketball team and for the University of Kentucky Wildcats. He was the first player selected by the Charlotte Hornets in the 1988 NBA draft. During his outstanding NBA career — particularly with the Phoenix Suns — he has become known for his dramatic, unorthodox shooting. His accuracy is a matter of record: he averages nearly .500 from the floor and .400 from the free throw line.

STEPHEN F. COHEN
B. 1938

Cohen attended elementary and high school in Owensboro. He was educated at Indiana University and Columbia University, where he received a Ph. D. in Politics and Russian Studies. Currently Professor of Politics Emeritus at Princeton University and Professor of Russian Studies and History at New York University, Cohen is also a two-time Guggenheim Fellow, author of many books and articles, television news commentator, CBS News' consultant on Russia, and special correspondent of documentary films about Russia for PBS. He is the recipient of various awards, including two for a syndicated magazine column he wrote in the 1980s.

Зал славы Оуэнсборо, 1997 год

Герои нашего города

Стивен Ф. Коэн род. 1938

Коэн закончил в Оуэнсборо начальную и среднюю школу. Учился в Индианском университете и Колумбийском университете, где получил докторскую степень в области политики и руссиеведения. В настоящее время он почетный профессор политики Принстонского университета и профессор руссиеведения и истории в Нью-Йоркском университете, дважды стипендиат Гуггенхайма, автор множества книг и статей, телевизионный комментатор, консультант CBS News по России и специальный корреспондент документальных фильмов о России для PBS. Он обладатель различных наград, в том числе двух за синдицированную журнальную колонку, которую он вел в 1980-х годах.

A draft first page of unwritten memoirs

July 1998

Memoirs/Chap. 1

An unplanned life can be viewed in two ways – as accident or as fate. Certainly, I did not plan the journey that took me from childhood in the 1940s and 1950s in Owensboro, Kentucky, a small southern-like town on the banks of the Ohio River, to Russia and eventually an intimate relationship with the widow and son of one of the great Soviet martyrs and later friendship with the last Soviet leader.

For many years, I thought that the choices and destinations that led me to Russia – from Kentucky to Florida, Indiana University, England, and New York – were accidents. Eventu-

ally, however, as «chance» multiplied, I came to believe that my life with Russia was fate.

So far as I know, the word *fate* exists in virtually every language, but like so many words it resonates differently from country to country. In America, for example, the word – sometimes appearing as *destiny* – is without any sense of being shaped by historical events or having profound consequences (means *luck*). In Russia, however, *fate* or *sudba*, almost always is used to summarize a life determined by great events, usually for the worse. Invariably, if a Russian is discussing someone who lived in the 1930s or 1940s, the question immediately arises, «What was his/her fate?», the implication being did he or she survive Stalin's terror and the Second World War.

As for my fate, consider some dates. Numerology has its adherents.

Первая страница не написанных
воспоминаний

Июль 1998 года

Воспоминания / Глава 1

Не спланированная жизнь может видеться двояко – как случай или как судьба. Разумеется, я не планировал то жизненное путешествие, которое привело меня из детства, прошедшего в 1940–50-х годах в Оуэнсборо, маленьком, типично южном городке на берегах реки Огайо, в Россию и закончилось тесными отношениями с вдовой и сыном великого советского мученика и дружбой с последним советским лидером.

Долгие годы я думал, что выбор направлений и целей, который в итоге привел меня в Россию – из Кентукки во Флориду, оттуда в Индианский университет, затем в Анг-

лию и в Нью-Йорк – был случайным. Однако, по мере того как «случайности» множились, я пришел к мысли о том, что моя жизнь с Россией – это судьба.

Насколько мне известно, слово «судьба» есть практически во всех языках, но, как это часто бывает со словами, в разных странах оно звучит по-разному. В Америке, например, слово *fate* и иногда употребляемое *destiny* не имеет значения чего-то, предопределенного большими историческими событиями или имеющего глубокие последствия (оно значит «удача»). А в России «судьба» почти всегда употребляется, чтобы обозначить жизнь, подвергшуюся испытаниям большими событиями, часто с негативными последствиями. Если в разговоре с русскими речь заходит о ком-то, кто жил в 1930–40-е годы, непременно возникнет вопрос: «И какова его/ее судьба?», что означает, пережил ли он/она сталинский террор и Вторую мировую войну.

Что касается моей судьбы, посмотрите на некоторые даты. Некоторые любят нумерологию.

Stephen Cohen's 75th birthday
Congratulating e-mail letter
from William vanden Heuvel

November 25, 2013

Dear Steve,

The real celebration will be in Moscow. I wish I could be there. It will be loving, dramatic, filled with humor and wit, and wisdom will match the overflow of vodka. To have known two great countries as well as you have is an extraordinary feat reflected in your articles, books, commentaries and public debates. We are all indebted to you for the courage of your principles. Had Presidents followed the advice which they had

sought from you, the road to peace might have been available to us more often. I hope on this very special day you feel the warmth of appreciation for your life of achievement. Those whom you have mentored will perpetuate the high standards of scholarship and the depth of your insights. There are many whom you have encouraged who owe their careers to you. And there are many who have felt the lash of your contempt – properly so – as you have stood up to the know-nothings who seem to have a special proclivity for talking about Russia.

There will be many who will cheer you on this great birthday but none who have a greater admiration and affection than I. Your devoted love for Katrina and Nika has enriched their lives – and that love they return in full measure. Their happiness, your happiness is my happiness. Thank you, Steve, for all the blessings you have brought to our family. There are many years ahead that will mark still greater accomplishments but you are entitled to pause on this birthday if only to feel and accept the abundant appreciation which you have earned from so many.

Happy, happy birthday, Steve. With great affection, Bill

75-летие Стивена Коэна
Поздравление от Уильяма ванден Хювела

25 ноября 2013 года

Дорогой Стив,

Я знаю, что празднование будет в Москве. Как бы я хотел быть там. Это будет чудесно и волнующе, исполнено остроумия и юмора, и умные речи будут литься рекой – так же, как водка. Знать две великие страны, как ты их знаешь – это необычайное достижение, находящее отражение в твоих статьях, книгах, комментариях и публичных дебатах. Мы все в долгу перед тобой и стойкостью

твоих принципов. Если бы президенты следовали советам, которые они искали у тебя, дорога к миру открывалась бы для нас гораздо чаще. Я надеюсь, что в этот особый день ты чувствуешь тепло похвал за достижения твоей жизни. Те, кого ты выучил, навечно сохраняют высокие научные стандарты и глубину твоего понимания. Из тех, кого ты вдохновил, немало людей обязаны тебе карьерой. И есть немало тех, кто испытал на себе силу твоего презрения – вполне заслуженного – когда ты противостоял незнайкам, возомнившим себя знатоками России.

Много людей будут поздравлять и чествовать тебя в этот славный день рождения, но никто не испытывает к тебе большего уважения и признательности, чем я. Твоя преданная любовь к Катрине и Нике обогатила их жизнь, и они платят тебе той же монетой. Их счастье, твое счастье – это мое счастье. Спасибо тебе, Стив, за все хорошее, что ты принес в нашу семью. Впереди будет еще много лет не менее великих свершений, но в этот день рождения ты обязан сделать передышку – хотя бы для того, чтобы почувствовать и принять от множества людей всё то обилие похвал, которое ты заслужил.

С днем рождения, Стив. С любовью, Билл

Stephen Cohen's speech on his 75th birthday party
at Novaia Gazeta

December 4, 2013

1) This «Iubilei» [jubilee] means that I have achieved what Mikhail Sergeevich once called «a serious age.» To illustrate how «serious,» I will remind you of a few other events during the year I was born, 1938:

- Nikolai Bukharin was shot.
- Hitler took over Austria.

– Then came the Munich Conference.

– And on the day I was born, November 25, Beria replaced Ezhov as head of the NKVD.

– But there was other news that year: the legendary Superman was also born – in an American comic book.

Does this mean that I, unlike Superman, am now old? Perhaps not, because I still remember the seventieth «Iubilei» of Brezhnev in 1976. On that day, in Moscow, I watched the No. 2 Soviet leader (I forget who, perhaps Kirilenko) say on television: «Dorogoi Leonid Il'ich! Kak khorosho, chto u nas v Sovetskome Soiuze semdesiat let schitaiut tolko srednyi vozrast.» [Dear Leonid Il'ich! It is so good that in our Soviet Union seventy years is considered to be a middle age.] On the other hand, Brezhnev died six years later and the Soviet Union no longer exists.

2) At my age, many Russians have had many «Iubileis,» but I have had only two – five years ago and this evening – both in my «vtoraia Rodina» [second home country]. This is because in America we do not have jubilees for people who are still alive. *Vozmozhno* [perhaps] our different traditions are explained by our different histories. Your history has often been so «strashnaia» [horrible] that many Russians, after a certain age, do not believe they will live another five or ten years. When they do live longer, their friends and colleagues organize a «Iubilei,» which seems to mean, «Congratulations. You are still alive!»

In America, however, because of our much kinder history, many people think they will live forever. Therefore, we organize a «Iubilei» only after a person dies, and we call it a «memorial service.» Speakers usually begin by expressing surprise that this person died, no matter how old he or she was.

Therefore, I am very happy that I have had two «Iubileis» in my «vtoraia Rodina» while I am still alive. I am deeply grateful to all of here this evening. And I am especially grateful to the two organizers, Dmitry Anatolievich Muratov and

Gennady Arkadievich Bordiugov – my long-time and dear friends, Dima and Genia.

For me, this evening is wonderful because it brings together my friends – some young, some no longer young – from all of my eras (or, as Soviet historians liked to say, «etapy» [stages, periods]) in Soviet and post-Soviet history: Brezhnevskii, Gorbachevskii, Yeltsinskii, and Putinskii.

But for me, this is also an occasion to remember dear friends who are no longer alive. Above all, Anna Mikhailovna Larina, who for twenty years gave me not only her full support and wise advice but also her motherly love. There were other close friends, but I will mention only four whom many of you also knew: Anton Antonov-Ovseenko, Len Karpinskii, Volodia Shevelev, and Misha Shatrov.

There is another very special aspect of this evening: A second, expanded edition of the book in my honor given to me five years ago. In all sincerity, that book remains the most important honor I have received in my life. This new edition makes it an even greater honor. For this too, I am deeply grateful to Gennadij Bordiugov, who initiated and made possible both editions – and to the other contributors.

I must say, however, I was a little disappointed that the first edition was less «kultovoe» [cult] than the volumes given to Stalin on his «Iubileis.» In my book, there were, for example, no articles entitled «Stiven Koen – Uchitel I Drug Chelovechestva» [Stephen Cohen as Teacher and Friend of the Humankind] or «Stiven Koen – Velikii Mashinist Lokomotiva Istorii» [Stephen Cohen as Great Driver of the Locomotive of History]. If that deficit has not been corrected in the new edition, we may have to repeat all of this again in five years.

3) But there is more – and more important. Today, December 4, is also the twenty-fifth anniversary of my marriage to Katrina (Katia), the love of my life. This coincidence was not planned. It simply happened – another example of our «sovmešt-naia sudba» [shared fate] in Russia.

In fact, though not «по закону» [legally], Katia and I have been «suprugi» [spouses] even longer, since 1980. That is, for almost thirty-four years, we have spent almost every day of our lives in Russia together. Except for our daughter, Nika, nothing has brought us closer together or played a larger role in our life together than has Russia.

That is why Katia and I are very happy to be here with you on our anniversary.

Finally, because Katia and I began our lives together in Soviet Russia, I will end with a parable from our «Sovetskii etap» [Soviet era]. (Govorili mne [I was said] that it was a toast often made at farewell banquets for Party secretaries who had been appointed to a higher position.) Here is that parable:

A flock of birds was flying high in the sky. Suddenly, the youngest bird began to fly toward the Sun. The other birds cried out, «Stop! Come back! You will burn up and die!» But the baby bird did not listen. He flew closer and closer to the Sun. And then he burned up and fell dead to the earth. – Comrades, what is the moral of this story? Never leave the collective!

Katia and I will never leave this collective.

Речь Стивена Коэна на праздновании
его 75-летия в редакции «Новой газеты»

4 декабря 2013 года

1) Этот юбилей означает, что я достиг «серьезного возраста», как выразился однажды Михаил Сергеевич. Чтобы проиллюстрировать, насколько серьезного, я хотел бы напомнить вам о нескольких событиях, произошедших в год моего рождения – тысяча девятьсот тридцать восьмой:

- Был расстрелян Бухарин.
- Гитлер оккупировал Австрию.

– Затем прошла Мюнхенская конференция.

– А в тот день, когда я родился, 25-го ноября, Берия заместил Ежова в качестве главы НКВД.

– Но были и другие новости в этом году: в американских комиксах появился легендарный Супермен.

Означает ли это, что я, в отличие от Супермена, постарел? Может быть, нет, потому что я до сих пор помню семидесятилетний юбилей Брежнева в тысяча девятьсот семьдесят шестом году. В тот день я смотрел по телевидению выступление другого советского лидера (я забыл, кто это был, возможно, Кириленко), который произнес: «Дорогой Леонид Ильич! Как хорошо, что у нас в Советском Союзе семьдесят лет считают только средним возрастом». С другой стороны, Брежнев умер через шесть лет, и Советский Союз больше не существует.

2) В моем возрасте многие россияне отпраздновали много «юбилеев», но у меня было только два – пять лет назад и сегодня вечером, оба на моей второй Родине. Это потому, что в Америке мы не празднуем юбилеи ныне еще живущих людей. Возможно, наши различные традиции объясняются нашими разными историями. Ваша история зачастую была такой страшной, что многие россияне после определенного возраста не верили, что могут прожить еще пять или десять лет. Если они жили дольше, то их друзья и коллеги организовывали «юбилеи», чтобы просто сказать: «Поздравляем! Ты еще жив!» В Америке, по видимому, благодаря нашей менее драматичной истории, большинство людей думают, что они будут жить вечно. Поэтому мы организуем «юбилеи» только после смерти человека и называем это мемориальным вечером (поминками). Выступающие обычно начинают с того, что выражают удивление самим фактом смерти – неважно, какого возраста был покойник / покойница.

Поэтому я очень счастлив, что у меня два «юбилея», несмотря на то что я еще жив. Я глубоко признателен

всем, кто присутствует на этом вечере. И я особенно благодарен двум организаторам «юбилея»: Дмитрию Анатольевичу Муратову и Геннадию Аркадьевичу Бордюгову, то есть моим давним дорогим друзьям, Диме и Гене.

Для меня это замечательный вечер, потому что он собрал вместе моих молодых и не очень молодых друзей всех периодов моей жизни (или, как говорили советские историки, «этапов»), которые пришлось на советские и постсоветские годы: брежневских, горбачевских, ельцинских и путинских.

Кроме того, для меня это еще возможность вспомнить моих дорогих друзей, кого уже нет в живых. Прежде всего Анну Михайловну Ларину, которая в течение двадцати лет поддерживала меня не только мудрыми советами, но и подлинно материнской любовью. Были и другие близкие друзья, но я упомяну только четверых, знакомых большинству из вас: это Антон Антонов-Овсеенко, Лен Карпинский, Володя Шевелев и Миша Шатров.

Есть другой особенный аспект этого вечера: второе дополненное издание книги, изданной в мою честь пять лет назад. От всего сердца говорю, что эта книга остается главной из всех полученных в моей жизни наград. Это новое издание делает ее даже более ценной. За оба выпуска я глубоко признателен Геннадию Бордюгову, который инициировал и сделал возможным оба издания, а также всем, внесшим свою лепту.

Однако я должен сказать, что был немного разочарован тем, что первое издание было менее культовым, чем тома, подаренные «отцу народа» Сталину на его юбилей. В моей книге нет, к примеру, статей с названием «Стивен Коэн – учитель и друг человечества» или «Стивен Коэн – великий машинист локомотива истории». Если эти недостатки не будут исправлены в новом издании, мы должны будем повторить все это снова через пять лет.

3) Но есть гораздо более важные вещи. Сегодня, 4 декабря, двадцать пятая годовщина моей свадьбы с Катриной (Катей), любовью всей моей жизни. Это совпадение не было запланировано. Просто так случилось – еще один пример нашей совместной судьбы в России.

Фактически, хотя не по закону, Катя и я были супругами даже дольше, с тысяча девятьсот восьмидесятого года. Таким образом, почти тридцать четыре года мы проводили почти каждый день нашей жизни в России вместе. За исключением нашей дочери Ники, ничто не сделало нас ближе друг к другу и не сыграло более значимую роль в нашей совместной жизни, чем Россия.

Вот почему Катя и я очень счастливы быть здесь вместе с вами в день годовщины нашей свадьбы.

И наконец, так как Катя и я начали нашу совместную жизнь в Советской России, я хочу закончить притчей из нашего советского этапа. (Мне говорили, что этот тост часто произносился на прощальных банкетах для партийных секретарей, которых назначали на более высокие посты.) Вот эта притча:

Стая птиц летела высоко в небе. Вдруг самая молодая птица полетела к самому солнцу. Остальные птицы закричали: «Стой, вернись! Ты сгоришь и умрешь!» Но птенец не слушал. Он поднимался все ближе и ближе к солнцу. И он сгорел и упал на землю. Товарищи, какова мораль этой истории? Никогда не отрывайся от коллектива!

Катя и я никогда не оторвемся от коллектива!

Юбилейная ода
В ознаменование 75-летия Стивена Коэна,
эсквайра
Олег Хлебников

Стивен Коэн, а какой он?
А такой и растакой:
Он и страстен, и спокоен,
И ученый, и плейбой.

Он историю России
Знает лучше, чем она.
Даже может без усилий
Водку пить из стакана.

Кстати, сам же, не гнушаясь,
Собирает стаканы –
Проявляя к людям жалость
Развалившейся страны.

В той стране прекрасны девы...
Но Катрина – краше всех.
И не ходит он налево,
Хоть и левый, как на грех.

Стивен Коэн, а на кой он?
А на той и на другой:
Чтобы зреть все время в корень,
Хоть тот корень – вон какой...
Чтоб Бухарина с бухариком
Не спутал правнук мой!

Ode to the 75th Anniversary of Stephen Cohen, Esq.
By Oleg Khlebnikov

Stephen Cohen, what is he like?
He's so and so, he's such and such:
He's passionate and he's calm,
A scholar and a playboy.

He knows the history of Russia
Better than Russia itself does,
And he can easily drink
Vodka from a glass.

By the way, he's not above
Collecting glasses afterwards,
Showing sympathy for people
Living in the country after its collapse.

Maidens in the country are beautiful...
But Katrina is the best.
And he is a Mr. Right for her,
Although he's lefty and it can't be helped.

Stephen Cohen, what the hell he's for?
He's useful for this and for that:
For getting at the root of the problem,
Although the root is like that...
He's for making for sure that my great-grandson
Doesn't mistake Bukharin for a bukharik [drunkard].

2019 Doshi Family Bridgebuilder Award

Honoring Stephen F. Cohen and Katrina vanden Heuvel, for their continued contributions to cross-cultural understanding and willingness to engage issues from new perspectives across a variety of media platforms.

Award ceremony and discussion – Thursday, February 28, 2019
Doshi Family Bridgebuilder Award, named for its benefactors, Navin and Pratima Doshi, is given annually to honor individuals or organizations dedicated to fostering understanding between cultures, peoples and disciplines.

Премия Доши за 2019 год присуждена Стивену Коэну и Катрине ванден Хювел

Чествуем Стивена Ф. Коэна и Катрину ванден Хювел за их продолжительный вклад в кросс-культурное понимание и готовность рассматривать вопросы под новыми углами зрения на разных медиаплатформах.

Церемония награждения и дискуссия состоится 28 февраля 2019 г.

Премия семьи мостостроителя Доши названа по имени ее учредителей, Навина и Пратимы Доши и присуждается ежегодно как отдельным лицам, так и организациям, способствующим пониманию между культурами, народами и дисциплинами.

Memorial Resolution

Princeton University, December 6, 2021

This Memorial Resolution prepared by a special committee, was approved by unanimous rising vote at the meeting of the Princeton University Faculty on December 6, 2021 and ordered spread upon the records of the Faculty.

Stephen F. Cohen

November 25, 1938 – September 18, 2020

Stephen F. Cohen, a renowned scholar of Soviet and Russian Politics and history, died at his New York home on September 18, 2020. He was 81.

Steve taught at Princeton from 1968, rising to full Professor in the Politics Department and becoming Professor Emeritus in 1998. He later taught at New York University as a Professor of Russian and Slavic Studies, retiring in 2011.

Steve's first book, *Bukharin and the Bolshevik Revolution*, was his most famous academic work. Published in 1973, the study was a political biography of Nikolai Bukharin, one of the major figures and leading theoreticians of the Russian Revolution. Much of the debate over the Soviet regime at the time revolved around the totalitarian model, which viewed Leninism as a direct precursor to the terror and violence later unleashed by Stalin. Cohen's biography, by contrast, highlighted the debates within the Communist Party in the 1920s and pointed to the existence of a pluralist alternative to Stalinism that eschewed violence and embraced an evolutionary path to socialism. Cohen concluded that Stalinism was not an inevitability and that communism as an ideology was not synonymous with totalitarianism.

Steve's arguments gained new meaning when the Soviet regime began to liberalize in 1987. Gorbachev's reforms aimed to establish a pluralist, market-socialist Soviet Union, and Bukharin became a major figure legitimizing these policies. In 1988 Cohen's book on Bukharin was translated into Russian and became an immediate sensation. Gorbachev read it and found it «very useful.» He became Steve's personal friend, inviting him to the Lenin Mausoleum to review the annual May Day parade on Red Square. When the Soviet Union collapsed in 1991 and Gorbachev was forced to resign, Cohen remained his ardent supporter. Steve believed that the Soviet collapse was a tragedy brought on by Boris Yeltsin and ambitious politicians. He was a strong opponent of Yeltsin's path of U.S.-supported shock therapy and believed that the Soviet Union had missed an opportunity to reform itself and establish a non-totalitarian, socialist society.

After the Soviet collapse, Steve continued to write on Soviet and post-Soviet politics, developing further his arguments

about the possibilities of reform of the Soviet system, attacking Yeltsin's policies, and criticizing the failed American effort to transform post-communist Russia into a capitalist democracy. His role as a public intellectual followed him throughout his career as a frequent commentator in the media. In later years he became a controversial figure, blaming the United States for unleashing a new Cold War on Russia, praising Putin for ending Russia's collapse, and arguing for a new Russo-American détente. But he also displayed a deeply humanistic side by helping victims of Stalinism and their families to track down relatives and recover stories of their past – many of which are recounted in his 2010 book *The Victims Return: Survivors of the Gulag after Stalin*.

Passionate about Russia and Russian history, Steve contributed to the advancement of Russian studies by supporting the publication of monographs written by young Russian historians and endowing a research fellowship providing funds to doctoral students conducting historical research in Russia. At Princeton, Steve was a popular teacher and a valued [omitted line] was respected by his colleagues for his intelligence and wit. At department meetings, he was often a dissenting voice – particularly as Political Science grew professionalized (and in Steve's view, narrow and uninteresting). Nevertheless, when he left Princeton, many of his colleagues felt sad, wishing him success in his new life in New York.

Mister President: For the Committee I move that this Resolution be spread on the records of the Faculty; that copies be sent to his wife Katrina, and to his children, Andrew, Alexandra, and Nicola, and to the Archivist of the University.

Respectfully submitted by,

Mark R. Beissinger, Henry W. Putnam Professor of Politics
Atul Kohli, David K.E. Bruce Professor of Politics and International Affairs; Professor of Politics and International Affairs
Ekaterina Pravilova, Rosengarten Professor of Modern and Contemporary History; Professor of History

Мемориальная резолюция Принстонского университета

6 декабря 2021 года

Эта мемориальная резолюция, подготовленная специальной комиссией, была единогласно одобрена на общем собрании сотрудников Принстонского университета 6 декабря 2021 года и передана для официального распространения.

Стивен Ф. Коэн

25 ноября 1938 – 18 сентября 2020

Стивен Ф. Коэн, известный ученый, специалист по советской и российской политике и истории, скончался в своей квартире в Нью-Йорке 18 сентября 2020 года. Ему был 81 год.

Стив преподавал в Принстоне с 1968 года, прошел путь до полного профессора факультета политики и получил звание почетного профессора в 1998 году. Позже он преподавал в Нью-Йоркском университете в должности профессора руссиеведения и славяноведения и вышел в отставку в 2011 году.

Первая книга Стива, «Бухарин и большевистская революция», была его самой известной научной работой. Опубликованная в 1973 году, она была посвящена политической биографии Николая Бухарина, одной из главных политических фигур и видных теоретиков русской революции. В то время большинство споров по поводу советского режима вращалось вокруг тоталитарной модели, которая видела в ленинизме прямую предтечу террора и насилия, развернутого позже Сталиным. В противоположность этому, книга Коэна была сосредоточена на внутривнутрипартийных дискуссиях 1920-х годов и указывала на существование плюралистической альтернативы сталинизму, которая не подразумевала насилия и представляла

эволюционный путь движения к социализму. Коэн пришел к выводу, что сталинизм не был неизбежностью, а коммунизм как идеология не являлся синонимом тоталитаризма.

Аргументы Стива обрели новый смысл, когда в 1987 году началась либерализация советского режима. Реформы Горбачева были нацелены на создание плюралистического, рыночно-социалистического государства, и Бухарин стал главной фигурой, придающей законное основание этим преобразованиям. В 1988 году книга Коэна была переведена на русский и немедленно стала сенсацией. Ее прочел Горбачев и счел «очень полезной». Он стал личным другом Стива, пригласил его на гостевую трибуну Мавзолея Ленина посмотреть ежегодный Первомайский парад на Красной площади. После того как в 1991 году Советский Союз рухнул, и Горбачев ушел в отставку, Стив остался его горячим приверженцем. Стив был убежден, что крах Советского Союза был трагедией, вызванной действиями Бориса Ельцина и амбициозных политиков. Он был решительным противником выбранной Ельциным и поддержанной Соединенными Штатами политики «шоковой терапии» и считал, что Советский Союз упустил свой шанс реформироваться и создать не-тоталитарное социалистическое общество.

После краха Советского Союза Стив продолжал писать о советской и постсоветской политике, развивая свою теорию возможности реформирования советской системы, выступая против политики Ельцина и критикуя провальные усилия Соединенных Штатов трансформировать постсоветскую Россию в капиталистическую демократию. Роль публичного интеллектуала сопровождала его на протяжении всей карьеры, побуждая часто выступать с комментариями в средствах массовой информации. В последние годы он стал противоречивой фигурой, обвинял Соединенные Штаты в развязывании ими новой «холод-

ной войны» с Россией, хвалил Путина за остановленный им развал страны и говорил о необходимости новой разрядки в отношениях России и США. Но он также проявил себя с глубоко гуманистической стороны, помогая жертвам сталинизма и их семьям найти следы своих родственников и восстановить их прошлое. Многие из историй этих людей вошли в его книгу «Жизнь после Гулага: возвращение сталинских жертв», вышедшей в 2010 году.

Влюбленный в Россию и русскую историю, Стив внес большой вклад в развитие россиеведения, поддерживая публикацию монографий молодых русских историков и выделяя деньги на стипендии для аспирантов, которые занимаются историей России. В Принстоне Стив был популярным преподавателем. Коллеги уважали его за интеллект и остроумие. На факультетских собраниях он часто выражал несогласие с общим мнением – особенно в связи с растущей профессионализацией политологии (Стив считал, что она становится узкой и неинтересной). Тем не менее, когда Стив покинул Принстон, многие из его коллег восприняли это с грустью и пожелали ему успеха в его новой жизни в Нью-Йорке.

(Председательствующий: От лица комиссии я ходатайствую о том, чтобы эта резолюция была распространена и доведена до сведения всех сотрудников, а ее копии переданы жене Катрине и детям Эндрю, Александру и Николе, а также в архив университета.)

С уважением,

Марк Р. Бейсингер, профессор политики Генри Путнама
Атул Коли, профессор политики и международных отношений Дэвида Брюса; профессор политики и международных отношений

Екатерина Правилова, профессор новой и новейшей истории Розенгартена; профессор истории

V

EPILOGUE

ЭПИЛОГ

From Stephen Cohen's interview
for Harriman Institute's Oral History Project

Caitlin Bertin-Mahieux

April 5, 2017

Q: Professor Cohen, thank you again for joining us today, for the time.

Cohen: I'd say my pleasure, but first of all I'm not sure anyone wants to rummage through the past in these times. It's hard to think about the past today with all the weight of current events pressing down on us.

Q: Which we'll get to as well, I hope. But let's start well in the past. Let's start in the beginning. So you were just showing me some photographs of Kentucky where you grew up. So I know you were born there. Tell me a little bit about your childhood in Kentucky.

Cohen: Actually I was born in Indianapolis, Indiana.

Q: Oh, you were?

Cohen: Where my mother was from. My father was a fairly – I wouldn't say typical – but representative figure of what the Depression did to Jews in the Midwest. My father was a student at University of Wisconsin. His father had come from the Russian empire, fleeing the pogroms in the early nineteenth century. The family settled in Cleveland. My father had no ties to Russia, didn't speak Russian, though my grandfather, a manual laborer, spoke many languages of that area. The Depression caused my father to leave the University of Wisconsin. To make a living he became a traveling salesman. He worked along the way for the Bendix washing machine company, as I recall. That took him throughout the Midwest. He met my mother in Indianapolis, and I was born.

Then a man in Terre Haute, Indiana – later famous for two things. It was the pornography capital where college fraternities, in my day, got their stag films, and Larry [J.] Bird, one of the great NBA [National Basketball Association] basketball

players, came from French Lick, a sulphur water resort right outside Terre Haute. That's why Larry became known as The Hick from French Lick. My father met a man in Terre Haute who told him, «If you go down to Owensboro, Kentucky, I'm opening a store there. I know you want to settle down with your family. If you go there and run it, I'll give you half ownership in the store.» So when I was about eight months old, my father took us to Kentucky, where I grew up. I lived there until – with one break of two years – I went off to college. And I didn't go very far. I went across the Ohio River to Indiana University, in Bloomington, which was called my «reach» college. I wasn't an outstanding academic applicant. I could have gone to the University of Kentucky, but I wanted to do better so I went to Indiana, which turned out to be wonderful for me.

Kentucky – which left the Civil War more southern than it entered the Civil War – had been a constant battle scene. The Rebs held the town and the Yankees would come across the river. For a while it would be held by the federal government, and then by the Confederate government. It's probably worth noting – because this became a factor in my life – that the two presidents of the two governments during our Civil War, Abraham Lincoln and Jefferson Davis, were both from Kentucky originally, which kind of tells you something about the tormented history of Kentucky. Like Tennessee, it was thought to have been a border state, but as I said, after the Civil War, Owensboro, Kentucky was very Deep South. I grew up in a one hundred percent Jim Crow state. The segregation, or American apartheid, was absolutely complete. We didn't go to school with black folks, we didn't formally socialize with each other. Very few black folks, if any – though my father tried to help one – could get white-collar jobs. They worked in stock rooms and the rest. The [Ku Klux] Klan, though subdued by then, was visible. On the fourth of July they had their float. It was just a fact of life, the Klan. I think the last lynch-

ing – I checked this once – the last lynching, at least in that region, where they snatched a poor soul from the prison and lynched him, was just outside Owensboro the year before I was born. [...]

Otherwise, because when you're a child, as Corinthians says, you think and act as a child and then, if you're lucky, later you put away childish things. You're born into a society and you accept it. Segregation seemed completely normal to me. Though as you get older sometimes you have experiences that unnerve you. Mine involved briefly a young black woman that I took a hankering to and used to walk with her and that created some problems. But for me, because I was a basketball junkie, and I remain one today, I wanted to play basketball with the black kids. And sometimes you could if you went to the shanty town black neighborhoods and played outdoors, but you couldn't if you were playing organized basketball. Though eventually basketball helped to desegregate the South, certainly Kentucky, because white coaches wanted to win.

The result of that was when I finally came to New York in the 1960s I immediately headed two blocks, three blocks from where we sit today to the inner city to the big Frederick Douglass Project, and adjacent courts where outdoor games, pickup games, were always under way. I was a little uneasy when I came here in the '60s. Though I had had an easy rapport with black folks in Kentucky, I didn't know the culture of New York. I'd never been here. But I soon became integrated into the black basketball culture here. For all these years since the late '60s I've run or helped run or coach summer and year-round tournaments mainly for young kids – it began for young black boys. I mean young, like five to sixteen. I don't like the older teens because the gangs come and they cause problems. But more and more also for girls, who didn't have enough of their own events. And so now I'd say what we do there is at least half girls. [...]

So growing up in Kentucky was – I mean looking back I understand everything, but I wouldn't have exchanged that

childhood. Because when I came north I realized that I'd grown up in a kind of different country. For one thing it alerted me to the importance of the Russian provinces. Moscow is not Russia; New York is not the United States. Also I came with a set of experiences and attitudes that were different from the northeast corridor up here. I think there were others at Harriman. Loren [R.] Graham came out of that Indiana environment. But when I came to New York in the '60s – it was then the Russian Institute – it was really very much, so far as I encountered it, kind of a northeastern phenomenon, another world. But Kentucky [pause] – and by the way I still go back occasionally. In Owensboro the economy there got depressed and the town decided to create an Owensboro Hall of Fame. The city's on a very fabulous bend in the Ohio River, spectacular view, so they've tried to turn Owensboro into a place where tourists come. The International Museum of Bluegrass Music is there, for example. When I left Princeton [University] and went to NYU [New York University] one of the first people I met was a young woman who was a scholar of the history of bluegrass music. Not a southerner, but she was headed to Owensboro to do research. Suddenly I felt like I came from a really important place. So the tourist people of the town, who ran the tourist agency, and whom I got to know – one guy, Burley Phelps, in particular and I have become pals over the years. Lots of people in Kentucky have names like Burley, Betty Lou, Billy Bob. They created an Owensboro Hall of Fame. I've got the brochure up there. And it turned out to be quite amazing. You're probably too young to remember who Tom Ewell was, but he was a very famous actor who was in the movie with Marilyn Monroe, *The Seven Year Itch*, the famous one where her dress blows over her head. He was the bachelor downstairs. The people in the Hall of Fame include the owner of a famous barbecue place – let's see, the Moonlight, not the Shady Rest – horses that had won the Kentucky Derby, basketball players who had played in the

NBA, me, and – are you ready? – [John Christopher] Johnny Depp [II]. Yes, the movie star.

Johnny Depp was born in Owensboro, Kentucky. His father, Johnny Depp the first – because Johnny Depp is actually Johnny Depp, junior – his father and I went to high school together. And when I went back for the fiftieth reunion Johnny Depp senior showed up and he looked exactly like his son. He's got that same beautiful face, but it's gone somewhat to flab and wear and tear. I think that when Johnny junior looks at his father he must say, «Oh, God, I don't want to look like that in twenty years.» Each of us at the reunion was asked what our favorite thing to do in life was. Johnny Depp senior – who arrived by the way on a motorcycle. And in those days, when we were kids, we would roll up our T-shirt sleeves and put a pack of Pall Mall – I don't know why Pall Mall – in the – he showed up attired like that with a young woman on the back of his motorcycle. He wrote in the book that his favorite thing to do was to go to Hollywood, visit Johnny, and hang out with really cool babes [laughter]. And I think we all thought he was – though he had not been voted the most likely to succeed, he was actually the success story of our class.

So Kentucky took me to Indiana University, and Indiana University took me to Russia.

Q: Before we get to Russia I was wondering if – you said your grandfather came to the U.S. after pogroms. You grew up in a Jewish family with roots in the Soviet Union.

Cohen: My grandfather was an orthodox Jew.

Q: Yes. With roots in the Soviet Union. Did that influence your childhood, that culture, at all?

Cohen: No, zero. And that's the amazing thing. People later, in Russia, when I became pretty well known there, said, «Why Russia?» And then they would always say, «You inherited this from your grandparents, right? You spoke Russian, they spoke Russian at home.» No. Then they said, «You come

from an American communist family, right?» [I'd] say no. And then they would say, «How did this happen?» In fact, this came to a head, and I recounted in a book I wrote, *The Victims Return*, in 1989. I may be the only graduate of the Harri-man Russian Institute, or any American academic institution of the sort, who ever was invited by the government to speak on Red Square on television to the nation, as [Mikhail S.] Gor-bachev asked me to do 1989 on Mayday 1989. I didn't want to do it, but Russian friends, «You have to. You have to.» They said, «This is your sud'ba,» your fate, your destiny. I said, «No, this was all accidental how I ended up here.» They said, «No, no, no,» because Russians think like, «this is your fate.»

Fate had nothing to do with my grandfather. I didn't know him well. He lived in Cleveland. In those days the trip from Owensboro to Cleveland was a real trip. The excitement about Cleveland for me was I'd never seen television because we couldn't get any reception down in Owensboro – and Cleve-land had television. It was like movies at home. My grandfa-ther spoke English poorly. He spoke Yiddish, Russian, I think Lithuanian, maybe Ukrainian. He spoke several languages but my father spoke nothing but English. I mean there was no pass-on. My grandfather was very orthodox, and I had to be observant when we visited him, though we were only high holiday observant in Kentucky. There was a small synagogue in Owensboro [...] There was no permanent rabbi. One came from the Hebrew Union College in Cincinnati. [...]

But I was the only – so far as I recall for most of those years – Jewish kid my age in town. There were a few younger and older. So I was bar mitzvahed there. I didn't want to do all the preparation, but my father said that the rabbi was coming from Cincinnati on a raft and it was very dangerous on the Ohio River, and I owed it to him to be studious. I later learned he came on the train. The synagogue is still there. After nine-eleven [September 11, 2001 attacks] I found myself in Owens-boro on the last day of Yom Kippur. I said to my wife, by then

Katrina vanden Heuvel, «I wonder if the synagogue is still there.» Not only was it there, it was having services. There were hardly any people. The Jewish community had died off or drifted away.

But I didn't get Russia from my grandfather. He was an interesting man and I wish I'd gotten to know him. [...] He was a working class man. He lived to be eighty-five. He built barrels, literally, with his hands, wooden barrels for the beer breweries of Cleveland in a little shed workshop he had. He had a horse and a wagon. A big strong black guy worked with him for years, and they would build these barrels and would deliver them to the breweries, and that's how he made a living. [...]

But no, there was no relationship or Russian influence from my family whatsoever. Zero. However, in the early '60s when I had taken up Russian studies at Indiana and I went to Moscow, my father suddenly told me for the first time that his father's brother lived in Moscow and I should go see him. The story was that, unlike my grandfather, his brother had been political. He came to America, and to the extent I could later trace his life, he was a Trotskyist. [...]

But after the 1917 revolution, in February, he went back to Russia. The family was in touch with him until the '30s. I knew none of this. And I guess the family assumed he had died either in the Terror, as so many people with foreign connections, or Jews, or ties to the old Bolsheviks did, or he died in the war. But after [Nikita S.] Khrushchev's secret speech – which wasn't really secret – in «56, this man wrote to his American family. There was a member of my father's extended family who did the correspondence with Russia, and she resumed contact with him. The family opinion became, by the early '60s, that Stevie – me – who goes to Russia should go see him. I was delegated [laughter]. [...]

But I did go see this – I guess he would have been my – what would he have been? My second–

Q: Great uncle?

Cohen: Great uncle, yes. He was dying. I found him [...] in what may still be called the Hospital of the Old Bolsheviks in Moscow. I think it's still there. He remembered enough English, and I was in second year Russian so I could babble a bit, and we communicated. He talked about his life. Best I could figure out, he had worked for a while in the financial department of the Comintern because he knew foreign currencies, having lived abroad. He wasn't an important political figure. I later looked at his labor book, which every Soviet citizen had – and I ascertained from his labor book that he had been arrested during the Terror and survived. [...] And then he died; I didn't see him again. But that was the only family tie I ever had to Russia. I got to Russia by a completely different non-family route.

Q: So then why Russian studies at Indiana? I'm still curious. Because of the time?

Cohen: [...] So it's a fairly complicated but also simple story and it went like this. I went to IU, which I really liked. I mean I'm really a great believer in state universities. These were the upwardly mobile paths for millions of young Americans who couldn't afford college, because they were cheap, and they were good, and they had everything. I mean there were like forty thousand students at IU. [...] I really believe in this system, though it's now being corrupted badly.

So I go to IU, and one of the things they had was a science requirement. You had to take one course in science. One thing I can't do, and I never wanted ever to do, is any kind of science. So being the artful dodger that I was, I was looking for a way around. [...]

So I was looking for a dodge from the science requirement and somebody told me geography was considered a science. I said, «Yes, geography's kind of hard for me too.» And they said, «But there's a course called Political Geography.» I said, «Probably I could do that.» So I take this course and it's taught by a man – and I think he may still be alive though he's

around a hundred – a British professor whose name was something like – and you can Google him – H.J.R. Pounds. He took notice of me in the class – I don't know why – and one day he called me up and he said, «I'm wondering, have you ever been anywhere?» I said, «Yes, I've been to Cincinnati, Cleveland, and Chicago.» He said, «No, I mean abroad.» I said no. He said, «You know, you should go to England. It would be good for you. I can arrange this at my own university, the University of Birmingham.» [...]

So I go off to the University of Birmingham. This was '58, '59 and the university was a swirl of all these debates between the Labour Party and the Marxists and the Tories about nationalization, what was going on in Russia. So I start taking these courses, though not intellectually hooked on Russia. It comes time eighteen months later to go home and I'd saved \$300 to do what boys of my age dreamt of doing after reading Hemingway, go to Spain and watch the bulls run in Pamplona. I had \$300 in pounds or whatever. And about four months before I had decided to buy a car in England because I like British cars. I'd had an MG in Kentucky and at IU. Can't buy parts for them here, but I wanted another. So I went down to the working class district, industrial district of Birmingham. Which by the way, is the first time I saw the devastation of World War II, because when I came to Birmingham – the Germans had bombed the city heavily – and fourteen, fifteen years later large parts of the city still hadn't been fully rebuilt. While walking around down there I see a sign saying, «Thirty days in the Soviet Union,» for exactly the equivalent of \$300. So you know, thinking about this, thirty days in the Soviet Union for \$300 or three days in Spain for \$300.

I talked myself into going, and I get on a Soviet ship in London. It stopped for a day in all the Scandinavian ports and Finland – that's cool – and on to Leningrad. You go with this tour on to five Soviet cities. We went to Moscow, Leningrad, Kiev, Rostov, and one other. The only problem was it turned

out to be a Fabian Society pensioners group where everybody was in their sixties [laughter]. I think I was just turning nineteen, maybe twenty. There's a picture of me right over there from that first visit, two pictures [refers to pictures]. So I carried the bags.

But the trip was astonishing. Though I wasn't educated yet, I was aware. And I had always had an interest in history. And what I saw, because Russians would come up to you – somebody who spoke English would come up to you – and crowd of two or three hundred people would form, and this Russian would ask you questions. Most of them never seen an American before. This is '59. Three years after Khrushchev's secret speech. They weren't political questions. They were like do you have your own apartment, do you have a car, what does a refrigerator cost? I really wasn't entirely sure, but I would answer and then they would pass the word back in Russian to the end and then another question would come up. This would go on two, three, four hours. Nobody wanted to leave. Later the CIA [Central Intelligence Agency], which did a few good things, published a little pamphlet in Russian called Questions and Answers for People Traveling to Russia. They were the same questions, «What does a refrigerator cost?» I got the book and it was very helpful.

What I saw was a country awakening from twenty years of terror. Had nothing to do with communism or that. That was separate. But the people, including children who had grown up in an atmosphere of terror, real terror, mass terror, and for some reason – and this may have been wrong, but my mind kept flashing back to Jim Crow Kentucky, where the terror systematized against black people was not – I mean apart from lynchings, they didn't get snatched in the middle of the night and disappear – but it was a kind of low level terror that kept people from stepping out of line, whites and blacks. I don't mean to equate the two, but I saw something in this and I got really interested in Russia. When I returned to Bloom-

ington, Indiana – I had not known this – the university had one of the best Russian studies programs in the country. I had not known this.

So I start taking courses. One being with the man who, I think, was the greatest Russianist of his generation, and possibly several generations, Robert C. Tucker. [...]

I had long talks with Tucker, who was my mentor in every way, and I said, «I don't know what to study in Russia. What should I study? What should be my dissertation?» He was leaving IU. He was going to Princeton. I was going to leave for a different reason. But I needed to think, what do I do? He said, «Ask yourself what interests you intellectually, or historically –» because Bob always thought historically «– apart from Russia, that has nothing to do with Russia?» I said, «Well, I was astonished to learn when I was younger, that the two presidents of the American Civil War, Lincoln and Jefferson Davis, came from my home state of Kentucky. So that makes me think that there was something in the history of Kentucky that involved alternative paths of development.» Tucker went, «There's your subject. The great unexplored topic, very few of us work on it, alternatives in Soviet history.» So it was only one step from there to [Nikolai I.] Bukharin. [...]

I mean this is making it too systematic and logical, but a series of accidents – again, Russians would say fate – took me first to Russia, then back to Indiana to Tucker, to the subject of alternatives which was my – master's topic, Bukharin at Indiana. The reason I came to what was then Columbia's Russian Institute, was this: I was now committed to getting a PhD. I cannot tell you now whether that was because I didn't want to be drafted and get sent to Vietnam, that I was trying to perpetuate my student deferments, or whether I had chosen a career already. But I thought still – it's the only thing that interests me, and why not, and I can get some money to go do it. But it never occurred to me to come to New York. I probably would have stayed at Indiana or gone to another

regional university. Several Big Ten universities had Russian studies. Or I might have gone further south. I was comfortable in the south. I lived in Florida for two years and I had no ties up here at all.

Then fate intervened again. The woman I had met at Indiana was the star of the Indiana University Opera School. It was a very famous opera school. Some say it was better than Juilliard. [...]

Her professional name was Lynn Blair. In fact, she appeared on the cover of Opera News, which was the Met's magazine, widely read in America – I think in «62 – as the youngest leading featured role singer in the history of the Met.

So we were stuck on each other. [...] Lynn and I decided to get married, and she was coming to New York and I had to come too. So I made application to Columbia [University] and secondary, as a backup, to Harvard [University] because it was the other Russia Studies major center close to New York. I was accepted at Columbia in what was then called the department of – still is, I guess – department of government. But I was headed for the Russian Institute, where I got my PhD. My time at Columbia ended after the unrest on campus in '68 I was considered a peripheral – I actually wasn't active, but my sympathies were clear. I was teaching as a teaching assistant [...] But it was clear Columbia wasn't going to keep me on as an assistant professor, which some of us thought would be our way to go. But Tucker was at Princeton and he needed a junior colleague, and though Princeton had a democratic system of hiring and the rest, thanks to Tucker I got the job at Princeton. I spent thirty years there as a professor. [...]

But Indiana University was really important in my life... These state universities were really micro or macrocosms of democratic life and class in America. [...] The people who went to public universities really were a cross section of America, with all the pluses and minuses of that, as opposed

to those schools where I later taught, the Ivies, and where my kids went to school. I was full of disapproval of this whole system up here, private schools. [...] But I really am glad that I was a product of the American public school system, elementary and college, as it then existed. Indiana University was really good. When it later gave me a – what did they give me? Something called distinguished alum award? They chose the right person, because I was really in debt to IU – I don't know if I was distinguished, but everything I later became I owe to Indiana. [...]

Q: So tell me about the Russian Institute when you arrived. Who was there, both professors and students, and what was it like?

Cohen: I stumbled, like an old Kentucky drunk after losing another football game, to every lucky place I ended up. Indiana, Columbia in the early '60s at the Russian Institute, Princeton, and above all when I went to live in Moscow. [...] I came up here, I had no idea what to expect. I came here because of my wife primarily. We got married, in fact, the year I came here. [...] I didn't fully understand at the time – but I began to – and looking back it was an utterly fabulous place to become an authentic scholar of Russia.

I say authentic, I mean not all those people who poured into the field during the Cold War to study the strategic threat, or to study nuclear weapons, or to study Soviet espionage... But Columbia was a place with an extraordinary number of scholars who had extraordinarily diverse biographies, autobiographies, of their own. And as I've suggested to you, personal history, biography, autobiography, is everything. Where you come from and how you manage what fate deals you shapes – doesn't determine but shapes... [...] For me, though I went into the government department, history was everything. That was Tucker's influence. You study history. Tucker took it a bit too far perhaps because he saw history recapitulating itself in Russia under Stalin. I didn't go that far, but I understood [that] anybody who doesn't embed him or

herself in historical thinking is going to get Russia wrong, absolutely wrong. And of course most Americans in the business did get Russia wrong. But when I got to Columbia you had, for example – I'm going to make a mistake here – and this influenced me – three of the senior and founding members of the Russian Institute who had been abused by [Joseph R.] McCarthy. That was Phil [Philip E.] Mosely, I think, Ernest [J.] Simmons, and my own advisor, John [N.] Hazard.

John was interesting. [...] John got called by McCarthy because John had been an official in Lend – Lease during the war. He had been the manager of sending a lot of the American equipment to the Soviet war effort, Studebakers, Jeeps, stuff like that, Spam, the food. To the extent that weapons were compatible, ammunition, small arms. John was in charge of that and McCarthy called him a Soviet agent, giving all this stuff to the Russians. [...]

Also John had lived in Moscow in the '30s... So John actually studied with people who got shot. [...] John had seen my man, Bukharin, lecturing. I mean John was living history. [...] So there was that element at the Russian Institute, but there were also people like Alexander Erlich, the economist. I tapped into everybody for my Bukharin dissertation because biography goes to psychology, it goes to politics, goes to history, goes to economics, it goes to sex. You can't do biography like a cookie cutter. You've got to see the picture. So I turned to everybody. John was my advisor, but I went to Erlich. I mean think who Erlich was. His father had been shot by Stalin as a Bundist leader. I mean these were people – I think of Alex [Alexander] Dallin. Wonderful man. Wonderful man. His father David had been a Menshevik. There were other kinds of people there – [Zbigniew K.] Brzezinski was there by now.

Zbig later said I was his worst mistake because he helped me and Tom [Thomas P. Bernstein] – the China guy. He retired recently, the sinologist. Anyway Zbig picked me and

Tom to be junior fellows of this university seminar on communism he created, so he gave me some money and status. And with what I was getting to be a TA or teaching assistant made it possible for me to earn a salary. Brzezinski later said, I don't know if he was kidding or not, that it was the worst mistake he ever made. Half kidding, I think.

But there was Brzezinski who represented something completely different.

So the place was full of this diverse group of senior scholars who agreed among themselves about almost nothing. Therefore if you were an attentive young aspiring scholar, you understood it was okay to be an outstanding scholar and not agree, that there may be a public consensus out there – Russia was evil and it all was because of communism, or because Russia was a shit culture – but when you were at Columbia in those days they were having these arguments. I didn't work with [Leopold H.] Haimson, but of course he trained a lot of graduate students, and he was at war with other American historians about how you explain all this. He was an honorary Menshevik himself. I mean that's what he was. [...]

I mean this kid from Kentucky stumbles into this. You know, not a dumb kid but who knew more about horses and basketball than he did about Russia. I had no real – somehow I missed the Cold War down in Kentucky [laughter]. We were not doing Cold War much down there. We were too busy victimizing blacks to worry about communists. And as a Jew in Kentucky I mean, you know, the Klan listed the nigger, the Pope of Rome, and the Jews as the enemies. But other than that, Cold War shmold-war. [...]

And then of course there were the events. Brzezinski and others, and the Russians too, were bringing in for seminars and as visiting short-term scholars, authors of the books I was reading. One of them became one of my greatest friends of all – people thought we were the odd couple – [George] Robert [Acworth] Conquest. Bob and I met at Columbia, and Bob was

one of the great womanizers of all time and had five wives. But he was a great British poet, novelist, and Sovietologist. He wrote novels and poetry. When he died, I read the obituaries, and he was noted as one of the major British poets of the twentieth century.

This is interesting. He said, «When you come to London look me up.» So my wife and I—I was researching Bukharin, I went to Russia and I went to Switzerland to interview somebody that knew Bukharin in the Comintern. And I said so we'll go to London. Bob took us out, and we bonded. In fact it was there in a conversation some time in the '60s that led to a book I would write twenty-five years later. He'd said to me, «So Bukharin, they haven't rehabilitated him, but they've set all the surviving widows and children free. Is Bukharin's widow still alive?» He said that to me and I knew and I said yes, she is. I'd never met her, but I knew the story. And then he said, «It's fascinating.» He didn't use that word because he talked in a different way, but he said, «Really interesting all the people who after ten to twenty years set free and tried to go home. I wonder if they were able to go home.» That stuck in my mind.

When I went to live in Russia for several months a year in the late 1970s – I found myself living among survivors, because of Mrs. Bukharin – I was the hero in her circles. I had written a biography of Bukharin. It was published here in Russian by Ardis out in Michigan. Three thousand copies circulating in Russia by 1980. All the survivors wanted to talk to Steve, wanted to tell me their story. I met these people and I thought this story's got to be told. It was only about, I think – what? – eight years ago I published this little book, *The Victims Return*. But it all began, I guess, with that conversation with Bob Conquest in a park in London, late at night, as we were walking his bloody basset hound [laughter], who was the slowest walker. You know, bassets are lumbering dogs. The dog seemed to have to pee every – so we were out there a long

time. But that too was a road followed from the Russian Institute at Columbia. So you see what I'm saying.

[...] But generally speaking that was the meaning of a real education, what was going on at the Russian Institute. [...] But this constellation – and I don't know exactly how Columbia gathered these people; a lot of it was probably willy-nilly – but the happenstance of this array of scholars, and personalities, and autobiographies was just perfect for me. I don't know how many people of my cohort felt that way. Not many of them went on to – not that I'm eminent – eminent scholarly careers. Some went into politics or other things. But boy, I really was lucky.

Q: What an intellectual community at the time.

Cohen: And by the way, they were all very political. It's not as though they were wearing chastity belts or something. They were political, but most of them would say, «My political interpretation of this is this. But you may reach a different conclusion, so let's explore this issue.» There was that, whether they used those words or not, and that was an attitude that I took to Princeton for thirty years. We were known as the Princeton School of Russian Studies, Bob Tucker and I, [Richard E.] Pipes, [Adam B.] Ulam, and that crowd up at Harvard, as the Harvard school. The New York Times would come and get an opinion from me or Bob, then they'd get one from Pipes and Ulam. The Times no longer seeks conflicting views.

In fact – this is not well known but you might want to note it. In November 1989 – I had met with President [George H.W.] Bush before privately; he'd sought my views – I got a call from the White House from Condi [Condoleezza] Rice saying, «We want you to come to Camp David next week and we're going to stage a debate between you and Dick Pipes for the president's entire team,» Secretary of State, head of CIA, everybody, the vice president, «about Gorbachev and what we should do. Is this a trick by Gorbachev or should we seize this

as an opportunity to end the Cold War?» I mean this was ridiculous. [Ronald W.] Reagan already thought he'd ended the Cold War, and when he left office in January 1989 he said so: «we ended the Cold War.» But there was this so-called long pause by the Bush administration.

I had talked to Bush privately, with others – Bill Hyland and somebody else took me along – about this. But Bush decided on a Camp David debate – because his administration was really split on this. Was Gorbachev an opportunity or a dangerous hoax? In 1989 they're still debating this. So I went to Camp David. They obviously invited us because of this idea that there was the Princeton school and the Harvard school. Pipes was probably the leading American «hard-line» scholar of Russia. He'd been head of the B team, he'd been on Reagan's national security council. He was really connected to the conservative movement in America. I, I guess, had the reputation of being sort of the left liberal position. [...]

But this event at Camp David was fascinating. Pipes and I each were given fifteen minutes, then we were interrogated by all these guys. [...] That was the potential at that time of institutionalized Russian studies. You understand what I'm saying? Because by the time I'd been at Princeton for twenty years. Tucker and I had created an alternative center of Russian studies to the other northeastern ones, which were Harvard and Columbia. But we were a mini-center. We did a little operation, but we believed it was of the highest quality, higher than other, but it was pretty good. They've since destroyed it. [...]

That's not the same as having ties to intelligence agencies. Because a lot of people – not a lot. A number of people of my generation and others, partly because of the guy who ran it – this should be deleted probably, but I'll say it. But Bob Byrnes out at Indiana who was running the original IREX [International Research and Exchanges] program – I mean he was deeply embedded with the agency. By the way, when I

went to Princeton the agency, in the old Cambridge/Oxford manner, was recruiting young intellectuals out of the history department. [...] There's nothing wrong with it. Nothing at all. I've sent students to the agency. Who were these students? They were excellent young scholars, who could have gotten PhDs, but wanted either not to do that or wanted to do government service. I was happy to send excellent students there to do scholarship in the agency, so that the fools in the agency were not alone, uncontested. [...]

But there were also bad elements of that. A number of us were leaned on by the FBI and the CIA. It was one thing when they came and asked me for a security check on one of my students. Then I did an honest one – like a letter I would do for a university or anybody's who going to hire them. But I didn't like some of the things that went on, and I drew a red line between me and this kind of association – I never had the view that some of my left colleagues had, «I'll never talk to anybody from the FBI or the agency.» I said, «Why not? If they don't talk to you they're going to talk to really bad people. I mean be honest, you've got nothing to hide.» But they did overstep, some of those agency people.

The typical thing would go like this. When you came back – and it plagued me when I was living in Russia for long periods of time in the late '70s and '80s. I'd come back and I'd get a call saying, «Hey, how you doing? How was your trip to Russia?» «Great.» «Can you come down and debrief us or can we come up to New York?» And I said, «Guys, you know so much more than I know. I absolutely don't know anything you don't know. It would be a waste of both our times.» I was never rude, but I wasn't going to do it. Because once you go for an official debriefing you're a file and it doesn't end. [...]

And by the way, the CIA often has a stall at the ASEEEES annual national convention. Did you know that?

Q: I didn't know.

Cohen: I regretted – they weren't there the last time in Washington, but they used to have the coolest lapel pins and

ballpoint pens. All said CIA on them with some Russian. I used to collect as many as I could. But they were there to hand out brochures, and if you were interested, to sit and talk to prospects about a career in the CIA. It's a perfectly legitimate career. I mean, some of them are politically corrupt – and we see today what they're doing, these games with leaking – but these are not the actual Russianists. These are the people who are up there [gestures]. So I don't have a problem with it, but keeping distance was important partly because the Russians know a lot. And who wants to get in trouble over there? [...]

Session: 2

Location: New York, NY Date: April 5, 2017

[...]

Cohen: So the collections. I don't want to say I was surprised, but I was happy that Columbia – the general library, they hadn't moved the Russian stuff. I think they've now moved it into their own building, but it was all in Butler. They really had a lot of stuff. And a lot of it you could check out, unlike at the public library. Even periodicals you could check out for like a week. So it was a very good place to do my kind of research – because I needed a lot of primary Soviet publications because Bukharin had been so prolific. He'd written everywhere. There really was very little archive work available to me. That came later. I've spent the last twenty years filling cartons with archive material for the expanded edition of Bukharin I'll probably never write.

I had toyed with the idea of going to Hoover [Institution] and to Harvard to look at their library collections. In fact, at one point I was able to get into the Lenin Library, and in a kind of devious way get some journals that I needed that were not circulating. [...] What you do is – they can't clear the Lenin Library of runs of all the journals that Bukharin published in because so many still kosher figures also published

there, including Lenin himself. There was a guy named [Leonid B.] Krasin, so I told them I was researching Krasin who was in good odor at that time. I called down runs of lots of journals and it took forever to get them, but I was there a long time. [...]

Now, we're not talking archive; we're talking the published record, but still. I mean it's very interesting that about two years ago I was contacted by a Russian library – no, by the Bukharin family archive at the Moscow archives. Bukharin when he lived in New York briefly, before the revolution, wrote for a publication here in New York called *Novy Mir*, and they didn't have it in Russia, anywhere in Russia, anywhere. Can you imagine? Well, it was an émigré journal published in New York so you could see – and maybe it was destroyed in the Soviet Union, if they had it, during the Terror when they destroyed quite a bit. So I researched it. It turned out it was at the Library of Congress. Jim [James H.] Billington – who had been my colleague at Princeton, fellow historian there, before he became head of the Library of Congress. [...] I wrote to Jim and said, «Would you do this?» And he said, «Absolutely.» So he sent all of *Novy Mir* to me – copies of it – and I took it to Russia or sent it on. [...]

Q: So let's talk about Bukharin. [...]

Cohen: Remember, Alex Erlich had written a very important book called *The Soviet Industrialization Debate*, of the '20s. Half the book was about Bukharin, and half the book was about Bukharin's intellectual and political opponent, [Yevgeni A.] Preobrazhensky, because they presented two different models of how the Soviet Union should, in the '20s, industrialize itself. But the subject of the '20s was alive at Columbia in those days because history was alive. Remember, I came into the field – and this was one of your questions – at the moment when academic disciplines generally – economics, sociology and political science in particular, but also regional studies – were being challenged from within by social sciences. That

everybody now had to be more social-sciencey. Even though they said it wasn't at the expense of history, it was. I can document this. But I was the kind of – not to inflate my importance – but biographically I was kind of a last gasp. That is, I was able to come to Columbia, write a doctoral dissertation in the department of government – which did not call itself political science. Still doesn't, I think. I'm not sure if they changed their name – write what was not only a history dissertation but biography – which even some history departments don't permit anymore, biography – and then go and get a junior appointment and eventually tenure at Princeton in the politics department, which hadn't changed its name to political science, but was gradually rejecting historical approaches. [...]

Tucker and I did Russian studies at Princeton against this growing trend. We created our program against this trend. We didn't say people couldn't take these courses, but they were not part of our core courses. So quantitative analysis was not in our core course. The comparative courses that we encouraged were not vacuous comparatives between Latin America and Russia, but Tucker's concept of comparisons within Russian history. Reform under Alexander the Second, reform under Khrushchev, reform under Gorbachev, beautiful. Study that; it's about Russia.

[...] If we could coexist it would be okay, but the problem is the rat. [rational] choice, the social science people are monopolists.

In my department at Princeton – this was Politics, not Russian studies – so they would say, «We've got to hire a rat. choice guy; we've got to go with it.» And then they said, «He's lonely, he needs a colleague.» Then, «They've got to have graduate students, we've got to get them some graduate students.» And within ten years eighty percent of a department – which had been really kind of generally European style, historical, sociological, economics – was now a very different de-

partment. It became time, after thirty years, for me to leave. That's not the main reason I left, but I wasn't going to miss it when I did. The '60s were the turning point years of that intellectual trend. That's in general in American academic life. It wasn't just Russian studies. And they're still going on about it now. [...]

Q: But it is a question about how do we know how deep and far to go before we get too insular?

Cohen: Obviously, I'm speaking from the bias of autobiography, and also from the great influence that Tucker had on me, who by the way could be very social-sciencey. He wrote books on leadership, which was one of his fields, and comparative analysis that relied heavily on psychological models. He was often very social-sciencey. But when it came to Russia, for him, you know history or you know nothing. You begin there.

[...]

NYU had recruited me for a long time. I had been open to an offer from Columbia for years. I'd had discussions, but nothing ever came of it. Princeton was wonderful, except for the round trip. But NYU was kind of perfect by 1998. I had a young daughter in New York. And because I didn't want to teach graduate students any longer. Not to be rude, but we used to say graduate students are like herpes; they're forever. I mean you get them through, you get them a job, you get them tenure, they get married, they get divorced, they need a new job. I got former graduate students the age of my older children still calling me, «Listen, what are we going to do?» I liked undergraduate teaching. I was good at it. I had classes at Princeton three, four hundred enrollments. I was voted best, most popular course, even on the vicious student ratings, and they published as a yearly pamphlet, my course was one of the top. They had some unkind things to say about some of my habits, but about the course they said, «You can't go through Princeton without taking this course.» [...]

So NYU offered me something appealing. First of all, they actually had a Russian studies department. I'd never been in one. So I didn't have to go to those interminable meetings about quantitative analysis. Secondly, they wanted me enough to take me half time. I didn't need the money, so half time was fine because I still needed to go to Russia frequently. The '90s and the rest, including the opening of Soviet-era archives.

Then I got involved in a presidential campaign when a friend of mine ran for the presidency. I went to the dean and said, «I feel I've got to help him,» and he said, «I favor him too, go ahead. What do you want to teach?» I said, «Cut me one course down.» I was supposed to teach two a semester. He said fine. Then he came to me afterward and said, «You know that course you used to teach at Princeton with four hundred students? We need that here.» I said, «I signed up for doing no more than that.» I didn't want to do that again. I don't want ten teaching assistants. It's really work supervising them. He said, «I'll tell you what. Teach that course and you can teach one course a year.» So I did. What I did was I move that gigantic Princeton course to NYU. Only the fire marshal, who said I couldn't have more than four hundred in the room, limited the enrolment. [...]

So I taught at NYU a course called simply *Russia Since 1917*. People called it «*Russia According to Cohen*.» And that was true in this sense. Whatever I thought was interesting and important. [...]

Russian studies is becoming trendy again because of Trump and Putin. It's very bad, but an opportunity to reconceive what we're doing is now upon us. I no longer play a university role in that anymore so I mostly just observe it, and I'm not optimistic. But I do think – and it's probably true of any area studies, but certainly one with such a long civilizational history – that if you don't understand many aspects of the civilizational history that is Russia, whether it's a thousand years or the Romanov period, four hundred years,

there is so much, no matter what you're studying you are not going to understand. [...]

It interests me – and I'm going to write about this. This is a little bit different. But we've got all of these people of authority, including heads of Russian studies centers. I could name names in town who say this repeatedly, «We were surprised when Putin took Crimea. We were surprised when Putin went into Syria.» To which I say, «How the fuck could you be surprised if you were studying Russia?» First of all Russia reacts this way when, as Putin put it, «We're driven into a corner.» So you've got a pattern of leadership reaction here. Secondly, they were bloody well discussing the options in the newspapers. Did you ever read any newspapers? Because they were discussing it. I mean [Yury M.] Luzhkov tried to run a presidential campaign in 1999 on bringing back Crimea. He was the mayor of Moscow. You knew it was in the political bloodstream. How could you have been so surprised given the overthrow of the Ukrainian president in February 2014?

It doesn't mean – and this comes to those of us who do contemporary affairs – that it's our job to predict. That's not it. I used to love the ponies, and one thing I learned at the tracks in Florida and in Kentucky is that you can rarely predict, still less about politics. But what you do know, on being educated, is what are the alternatives or possibilities in policy making. Nobody appears to have ever told the President of the United States, or a bunch of people up at the Harriman Institute, or the editors of any of our mainstream newspapers or TV channels that if we continue longstanding political moves on Ukraine it was possible that Crimea would end up back in Russia. They were bloody well discussing it. If you knew the history of Crimea and you knew the historical prism through which the Kremlin was watching these events, that didn't mean the Kremlin was going to do it, but that it was possible. And had these fools known that it was possible that Russia would take back Crimea then maybe they wouldn't

have done what they did in 2013 and 2014 in Kiev. If they had been told, «Look, you think this is NATO expansion cool. It may not be so cool. Let us think of the possibilities, the alternative outcomes.» None of that thinking evidently was done. [...]

Now the – what they call it? – the meme out there is that Putin is an unpredictable and therefore dangerous leader. I think he's the most predictable Russian leader in generations. For one thing he says almost everything he's thinking about policy, and for another, he's highly rational. I mean it's not complicated, but people are caught up in this demonizing of Putin and the system and their wicked ways that are aberrant and not ours.

That's why you ground analysis in history. [...]

By the way, there are many ways to do this. I am persuaded by the idea of comparisons within Russian history. One of my best doctoral dissertations, a guy named Lars Lih, one of the best people out there today, though he's an independent scholar – he lives up in Montréal with his wife who's a musicologist. He left the university, taught at one of the women's schools – Wesleyan – for a while, but he wasn't a teacher. He did for his dissertation and first book a study of grain collection crises under the Tsar, the provisional government, and the Soviets, looking for recurring patterns of how the government reacts to such crises, which have repeatedly been an existential problem for Russia. Not only is that fascinating and interesting and makes for something very readable, but it's important because you're asking yourself, how does Russian government react over time, even centuries? [...]

By the way, when I came into the field, the big study was still whether the revolution of 1917 had been historical continuity or discontinuity. Two seminal collections – they were both collections of essays, which grew out of conferences, and I'm sure a lot of Columbia people participated, Erlich, Dallin and the others – one was edited by Cy [Cyril E.] Black – my

colleague at Princeton, senior man when I came. Good CIA man too. The Transformation of Russia. In other words, was the revolution actually a transformative event or did it simply accelerate trends that were already in the nineteenth century that then recur? And the other volume, which may have been edited by Simmons, I'm not sure, called Continuity and Change in Russian History, which was the same question. That was really good stuff. I liked it.

[...]

Q: *I read your article on Sovietology as a vocation, written in the mid-'80s. [...] It makes me wonder what you think it would take to revive a golden era of Soviet studies.*

Cohen: See, I won't use «golden era.» [...] There was no golden era. What created Russian studies as a formidable academic profession in the United States was not historical tradition. Nor did we have a large contingent population of Russians living here and wanting to give money and have their kids educated, though you're getting that today in Israel. [...]

Everybody knows this story. It was the onset of the Cold War that created American Russian studies. The people who had come out of the war and the OSS [Office of Strategic Services] and other places and knew shit – stuff, as Obama calls it – who helped get this going with the wisdom of the Ford Foundation and others. People gave them money; you know the history. So that was a plus. Let's not be children; it was a plus. There probably wouldn't have been these half a dozen or more very good centers of Russian studies at major universities from Harvard and Columbia to Indiana, to Berkeley, to Illinois, Ohio, Wisconsin and smaller Russian studies around.

[...]

In that sense the Cold War impact was a plus. But you know as well as I do, and it's a truism, that there were also negative consequences for academic life. It wasn't just McCarthyism and the chill. But afterward people had to get jobs and the market was dictating a kind of, «this is important because

we have to know the Soviet threat.» So a lot of courses about communism, and experts, were not necessarily about Russia but communism – like Condi Rice. I don't want to slur her, but I believe that she was never really a Russian expert. I'm not sure she actually spoke Russian, functionally at least. What she did was a dissertation on weapons transfers, I think, between Czechoslovakia and – I'm not sure about this. But there were a lot of students who came to do this sort of study. They didn't come to me, but they were able in universities to do masters theses and even PhDs on these subjects.

Would I say that we should never do that? I think that's too rigid a position, but I think we should be as exacting with that kind of Cold War study as we are on studies of the rule of Nicholas the First or Alexander the Second or Brezhnev. I mean the traditional breadth and rigor of scholarly studies should apply to that stuff, and not just give it a pass, «Oh well, strategic studies, it isn't really informed by Russian studies generally, but what the heck, it's part of our business.» That I think we could do without.

I'm not religious about this, but I'm cautionary. If we could start again today – in a way maybe we could because this may be a moment – I felt this after the end of the Soviet Union. Tucker used to say, «We've always studied Russia. That's what we've studied. We didn't call the program we built at Princeton Soviet studies. We called it Russian studies. The Soviet era was an era in the history of Russia. We carry on.» That was absolutely it. We carry on. Nothing's been canceled. People wrote all those articles like, we're now obsolete, we have no relevance anymore, that's because they weren't really Russia scholars. They were scholars of the Cold War, and they wrongly thought the Cold War was over. I warned them when the Soviet Union ended we're going to have another Cold War if Washington kept this up, and now we've got one even worse than the preceding one. [...]

We're going to have to – not we, I'm not part of it anymore – but people who are going to think about the future of Russian studies cannot count on a great new flow of funds just because we have a new Cold War. Because the funds were unlimited back then. Tucker used to say about my Princeton courses, which grew and grew and grew, «Every time the Soviet Union invades another country you get another hundred students.» And it was sort of true. But to rethink intellectually what it means to study Russia, look at the past, what was good, what was not so good, and try to get it as best you can. So it might be an opportunity. But we were so flush with money back then that people didn't have to make these kinds of decisions, which were often funding decisions rather than intellectual decisions, and the market was about Cold War. So even if it's about Cold War again today it's a chance to learn the lessons of the past and think things through.

Harriman of course is in the premier position. They're getting money, they've still got the name, they've got the possibility. They've got big problems, but that's not for me to comment on. [...]

I think the first thing you do is stop doing certain things. I'm thinking primarily of Harriman's public events, which are their profile, which they advertise not only to Columbia but the community. They're running a lot of NGO [non-governmental organization] stuff up there and it's time to stop. A university is not an NGO. They're running human rights events, and gender events, and most of it is advocacy. They can present it as academic, but I mean, «We all have to help lesbians in Russia,» and we've got to help this and that group or cause. My general view about this is no, this just isn't our mission – black America didn't call on Russia to come and get them civil liberties. When I came to New York gays still had a horrible time, even in New York. My wife was at the Metropolitan Opera Company. They were all in the closet. I mean there were a lot of them at the Met, but this was a battle

fought and won by Americans in America, not with any Russian help. The Russians will have to sort this out themselves.

[...] But I'd like to see this stuff replaced by intellectual topics that could have a contemporary political edge. I would like to see at least two or three sides, not one, represented at every event. Harriman is doing a lot of one hand clapping, kind of advocacy events. [...]

I'll tell you off the record – ok, I won't be off the record. I'm deeply worried about the influence of the former ethnic republics of the Soviet Union, now independent, with deep historical resentments against Russia. You know what I'm talking about. I'm thinking first and foremost of Ukrainians where, both at Harvard and Columbia, Ukrainian studies have really commingled with Russian studies. This has happened inside the professional association, the ASEES. In fact, I said I think it's time for balkanization. Ukrainians should have their own association. Baltic scholars should have theirs, and so on. We could have a federated relationship and maybe we can share funding, and maybe they can be administered centrally, but they should have their own national. Because when I go up to a national convention and half the panels are about Ukraine – if Ukraine is really independent and sovereign from Russia why are they piggybacking on Russian studies in America? Fine, they should have their own scholarship and their own things. But I think that a lot of poisonous attitudes are creeping into the field and it's making it hard for people who don't want to get involved in this. I know some students who are very uncomfortable about speaking their minds because they don't want to be called a Putin apologist or a betrayer of Ukraine or something. So this is a problem, but it can be managed and be thoughtfully addressed, if it is recognized and acknowledged.

I think that the public events of Harriman – and this is because Harriman is a special place – are missing an opportunity by not bringing the scholarly history and reputation of the place to bear on public affairs. If I were running Harriman today and I

could dictate – they're doing way too many – it's getting a little bit like anybody who comes to town, come on over. They should do a lot, but they should be more selective and aim for a bigger impact. I would do two things. I would have something generally called «Rethinking Major Historical Issues,» essentially in light of what we now know, the archive revolution and the rest. This would be very scholarly and I would take big issues, the biggest issues, that sound a little primitive but like, «Why did the Reds win the civil war?» I'd even go back to the old Alec Nove [Alexander Novakovsky] discussion that swept the field for a decade, «Was Stalin really necessary?» I would have one, «Was the Brezhnev period really an era of stagnation?» I would have one, «Was perestroika really doomed?» These have become shibboleths, orthodoxies, in the field that need to be reopened.

And I'm not keen on bringing Russians into our debates because they're grown up now, let them have their arguments in Russia. [...] But here there are two, maybe three, generations of scholars, my generation, the generation of scholars that I helped train who would now be people around forty-five to fifty, and their students who are coming into things who have their own research and interpretations of these humungous questions that have shaped Russian studies from the beginning. [...]

The second series I would run would focus on headline news. You know, are we on the verge of a new arms race? The answer is yes, we are, but you need historical knowledge of this. How the future of Ukraine – I don't know how you'd word it – really important to American national security? Something like that. Is Russia an enemy of the European Union? This has become a motif that Putin wants to destroy the European Union. Why would he when Russia depends on selling gas to the European Union, why would he want to disrupt the European Union? I don't understand it. So we need people to explain this argument and have different perspectives – but people who know the history of this... [...] Disagreement is good. [...] That's

what drives intellectual life, and study, and understanding. To shut that down on Russia is a grievous mistake, and that's what they are doing, probably unknowingly, though not always.

They're afraid of conflict. Why are they afraid? Are they timid souls? Do they not know any better? Are they limited intellectually? Are they dependant on powerful givers? That's why I worry about who's funding Ukrainian studies, Polish studies, Baltic studies. This money doesn't come without certain – if not ties with certain presumptions about what they're going to get for their money. [...]

In a way that's no different than saying, we know the nature of the Brezhnev era, but do we really? Because there's a bunch of young scholars who have been doing conferences recasting – and the Brezhnev era was twenty X years long, it was absolutely fundamental in leading to perestroika and to the end of the Soviet Union. This was a pivotal era. Without the Brezhnev era you can't understand Putin. So why not bring in a person who represents the traditional view, bring in a young scholar – and maybe not so young anymore – who sees all this very differently based on his or her research, and then bring in somebody who thinks, «Ah, you're both right,» or something like that? Because it's absolutely crucial for reopening and generating new teaching and research and exciting students.

When I went into Russian studies I'll never forget people at Columbia who went into Sino – Chinese studies, saying that people my age thought all the big questions are answered in Russian studies and all the questions are open in Chinese studies. That was just an illusion. It was a professional conceit. So that's how, in a broad way, I'd like to see Harriman recapture what once was. [...]

Session: 3

Location: New York, NY Date: April 6, 2017

Cohen: [...] One of the things we didn't discuss is that ideology was a big consideration of Russian studies – Soviet stud-

ies I should say – at that time because there was this understanding that somehow the Soviet government had always been communist or Marxist/Leninist. There was an understanding on the part of one wing of the profession that this actually didn't play a very big role, that Russian traditions had kind of kicked in – or political expediency was more important. But there was a very strong wing of the profession that still believes ideology was the driving force and that if you were going to do Soviet studies you really had to know the ideology as a major causal factor.

[...] So this school grew up, driven partly by the works of [Johanna] Hannah Arendt, *The Origins of Totalitarianism*. Remember, this was the era, you and I didn't talk about this, that the Soviet Union was viewed as the major existing model of totalitarian government, because Nazi Germany had [been] said to be the other and it was gone. I partly made my interpretive mark by challenging this model as an explanatory factor, both in terms of Soviet history and in terms of Soviet politics when I fully entered the field in the early 1970s.

Again, I was influenced by Tucker... He wrote an article, probably in the early '60s, called *The Dictator and Totalitarianism*. He argued that the totalitarianism model was okay, but that it omitted the personality of the dictator, Stalin. Because Tucker was a personality oriented biographer of Stalin. But Bob's argument made no sense to me conceptually because if the role of the dictator was so important then all those structural elements that Arendt and Brzezinski and Friedrich and the others had built into a model of totalitarianism, which had like five or eight features – it was very mechanical – made much less sense. It was like you moved it from one system to another system. These things either were themselves transformed by the power of a despot and his outlook on life, or they really weren't important, they were just features that existed in many countries but had been driven to extremes, say, in Nazi Germany.

So the question would be, for example, if you were in a seminar arguing this, if [Adolf] Hitler had died in – I mean to do this counterfactual stuff is important. If Hitler had died in 1934, or Stalin had died in «34, would things have unfolded as they did? For example, would there have been the Great Terror in Russia? Some people were arguing yes, because everything was driven by these objective totalitarian factors, the ideology, the monopolistic control and the rest. But other people began to wonder with no Hitler, no Stalin, who would have been the leader and would the personality of that leader have mattered? [...] Then the question about Marxism/Leninism in Russia, would any leader have felt the need to enact a mass purge not only of the party but of society? So this was a case. But the problem was, did you really need to know Marxism and Leninism to understand Soviet politics and history? If the answer was yes, Marxism/Leninism itself was kind of an artificial construct. Marx himself never thought of his teachings applying to a country like Russia. He had built a model based on British capitalist industrialization and fused it to the political model of the French revolution and come up with a model, but essentially it was western-centric. [...] But intellectually it wasn't a construct that fit Russia in 1917. Russia was eighty-two percent peasant, and the political future of Marxism/Leninism actually was already in the east. The next big place was China, which was even more peasant. [...] So the question was, the extent to which a Russian specialist needed to immerse him or herself in ideology, and if so, to go back and understand Marx himself?

So there were two things that converged in the '60s, or several. One, the discovery of Marx's early manuscripts which were published, I think, in the '20s but didn't become widely known until the '60s. They revealed, it seemed, a completely different Marx, a Marx who was more interested in analyzing individuals, a Marx who was a humanist, a Marx who never really had broken with Hegel. Tucker wrote his first book,

Philosophy and Myth in Karl Marx, about this. And so when I fell under the mentorship of Tucker at Indiana and he was finishing the book we, his graduate students, took seminars with him about Hegel, Marx, German philosophy, and the rest. How this related to Russian studies wasn't exactly clear, but Tucker treated it as part of Russian studies. So that was one factor.

The second factor was that, in the aftermath of McCarthy, to be a Marxist young graduate student or junior professor was a problem. I was never a Marxist. My interest in Marx was simply the intellectual part of it, how did this all fit? But there were some people. And then there was the Vietnam War in the '60s when quite a few young Americans, in a kind of not very clear and understanding way, declared themselves to be Marxists. But this had to do with imperialism and the American war in Vietnam, and it was as much attitudinal as it was intellectual, thought this may be somewhat unfair. How do you separate the two? [...]

But back to the question about Marxism when I got to Columbia. Tucker at Indiana had been only one of few Russian studies professors interested in Marx. I said I think he was the great American Russianist of his and other generations [...]

Remember I said how diverse Columbia was? And diverse not only intellectually, but due to people's autobiographies. So there were people at Columbia on the senior faculty at the Russian Institute but also close to it – I think, for example, of a professor in the government department named Otto Kirchheimer. At Columbia if you were in government, or what we would call political science today, they had a dim sense of comparative study. You couldn't just do Russia. «Okay, I'm getting a PhD in Russian politics.» No, you had to focus on at least three political systems.

Some did American because we grew up here, you could do what you learned in high school, make it easy. I did British because I had lived in England and I thought the British po-

litical system was really interesting. So I knew quite a lot. It was easy enough to read up and pass my generals on that. But I needed a third and I drifted toward France even though I didn't know French, and by the way I had to take a crash course in French in order to pass the reading exam, because you needed two languages for the PhD. I had the Russian, but I spent two months in a summer crash course in just reading, not speaking French. And they let you use a dictionary so I tabbed my French dictionary and you only had two hours and basically you had to translate something and I kind of eked through the exam.

But Professor Kirchheimer was interesting. He was very interested in Russia and here's the reason. First of all he had written a book called *Political Justice*, which was about political show trials in history. So he'd been interested in the purge trials in Russia. That was one reason, but the other reason, as I recall, is his wife, his ex-wife I think, was an official in the East German government. She was a German communist official. Otto had a lot of trouble in this country. I don't know whether they were still married, whether he had remarried, but this trailed him everywhere and he had trouble, security clearances, and the rest. At Columbia there was a kind of shadow over him even. I remember people said, «He's really smart and everything, but you know, his wife –» so I did my training on France to prepare for my PhD exams with Kirchheimer. He was really an interesting man. He spoke with a heavy German accent. You could barely understand him sometimes. He was kind and full of intensity. And he was very interested in Russia. One of the things he kept asking about was Marxism, because he was German, Marx was a German. I mean, he grew up in this stuff. It was normal to him.

[...] There were others who had not been Marxist but had grown up in circumstances where Marxism was perfectly normal in the '30s. So if you were interested in Marxism – not as the ideology of the Soviet Union, but only later as that – if

you were interested in the extent to which say Lenin and the Bolshevik movement had authentic intellectual antecedents in German Marxism – and I had to be because Bukharin, my subject, was the preeminent Marxist of the Bolshevik movement, and deeply committed intellectually to the idea of Marx. Though, unlike Lenin who had no interest in [Karl Emil Maximilian] Weber, Bukharin was also influenced by the whole Weber sociology, which itself was a critical answer to Marx. Stuart Hughes, at Harvard, I think, wrote a terrific book called *Consciousness and Society* where he said that all of modern sociology is a debate with the dead Marx. [...] For me, as a biographer, I had to go back into all this. [...]

But at Columbia none of that was of interest. What was of interest was the influence of Marxist ideology on the government or regime or society we were now studying at what preceded the Harriman Institute. To the extent that I am aware – this would need to be verified – that element, though it was not a major element, barely existed in any other major Russian studies center in America. Harvard was strongly influenced by its founders, who were Russian émigré historians, Karpovsky and others, and they were utterly dismissive of all this Marxist stuff. This was about Russia, not about Marx, right? [...]

At Columbia, the role of ideology was a big factor, but if you found that narrow and sterile – as some functional thing that Arendt and Brzezinski had tossed in – and had to look into it as I did, there were people to talk to. If you look at Erlich's, I think, one and only major book, *The Soviet Industrialization Debate*, it is essentially a study of conflicting Marxist thinking about industrialization: he took Bukharin, one wing of the Marxist Bolshevik movement in Russia; Preobrazhensky, who was affiliated with [Leon] Trotsky and the other wing; and Erlich was asking two questions that made the book important. In terms of modern economics, were these valid modernization models the Bolshevik thinkers were creating?

Modernization was all the rage in those days in academic life. But he was also asking who was right in terms of Marxism? [...]

So you could go, a person like myself who really wasn't sure about all this, and who needed some guidance, these guys were there. [...] But I think if you look back and asked who in Russian studies was open to asking questions not about the official ideology, the mummified ideology, but about the intellectual origin of this in Marx, Columbia was probably – luckily for me, again – the best place to land. And I think that was a feature of Columbia Russian studies without being advertised. It existed more on an individual professor level. So I leave you with that as a sidebar which we didn't discuss, before.

[...] It also alerted you, which became of interest to me, to ask whether there were any real Marxists in the Soviet Union. It turned out there were and they were lurking in the philosophy department of Moscow State University, and elsewhere. When the dissident movement begins in the mid or late '60s and they begin to release their typescript manuscripts, you see some of them wrestling with Marx. The most famous became Aleksandr [A.] Zinoviev, who wrote a book called *The Yawning Heights*, went abroad and lived in Switzerland for years, finally went back to Russia. But he was a towering figure in philosophy at Moscow State University and influenced many of the subsequent outstanding philosophers of the Soviet and post-Soviet period in Russia today. There's a cult of Zinoviev in Moscow today, not because he was a dissident, but because he had inspired so much philosophical rethinking. Even while it was all officially censored he was doing it at the university with his students. So he was reopening these questions, and others were, about who really was Marx, what Marxism was all about, where did Russia fit in its history.

Though Columbia didn't do that in terms of curriculum, such questions were alive if you were open to the community

collected as senior professors at Columbia. That, in my judgment, was an asset, a virtue.

[...]

It was the understanding that if you were a graduate student of merit you would go on the IREX exchange to the Soviet Union. [...] And this became a little more complicated because there was the insistence on going to Russia, in order to be a scholar and to go on the exchange you had to know Russian well, and I did not. So a lot of us went off to these horrible intensive summer language programs. You know about them, the eight week ones? I wasn't going to go to Middlebury. I went back to Indiana [...]

It was one of the two that IREX offered to you. You either go to Middlebury or Bloomington. I was a bad language student because I had no interest in grammar, never understood it, hated the intensive courses, resented the people in there who were all better than me – there was one German guy. Because Germans conjugate and decline like Russians – he just understood everything. So I just went to the classes but played pool every night and I violated the pledge you sign that for eight weeks you'd speak only Russian. So I went back to the pool halls where I had the habit when I was an undergraduate at IU.

You can see the result in my Russian today – I read fine, but I have minimal grammar when I speak. I just bite off the endings. Because I noticed I can't hear the endings when Russians speak so if they don't enunciate them why should I? But the wife was also supposed to learn Russian. So my poor opera singer wife, Lynn, trudged off back to Bloomington with me. [...] Then after going through all that language study the Russians rejected me. They rejected me repeatedly for the student exchange, even though I was applying out of the pre-Harriman, because they knew what I was really studying, Bukharin. I kept telling them I was studying the ministry of foreign trade in the '20s, but saw through that. I never did get

on the student exchange. I only got in on an exchange much later when I went on the academy exchange.

[...] Later when I left Columbia and I was a tenured professor at Princeton, and Katrina became my spouse [...] And of course Katrina developed her own interest in Russia, came to understand and speak Russian better than I do, and has deep ties to Russia of her own [...]

The year, I think, was '86, but Colette [Shulman] and Katrina – Katrina being my wife – created with their Russian women friends – this is interesting to me – a feminist journal called *My i Vy, You and Us*. The idea was to get American women to dialogue with Russian women about gender issues, women issues. There was already a big feminist movement in our country, big time, with all its stars and its political successes, and in Russia there was scarcely any. The motive, on the part of Katrina and Colette, was not to instruct these Russians but to be there for them for discussion. So they created this journal, which I'm told – Colette would know the figures – the print run in Russia was maybe several thousands and the issues were like maybe what *Time* or *Newsweek* magazine looks like. But I'm told it had – I didn't really pay much attention. This didn't interest me. But they were busy for years doing this, and it had a big impact. A lot of the Russian women who later came to the Harriman as fellows, like Nadia Azhgikhina and women like that, grew out of that association.

[...]

Q: *Let's talk about your living experiences and travel in Russia from those early days on, and your observations of the changes that occurred over time.*

Cohen: This is hard for me because this would have been a subject of a memoir that I'll probably never write, though it's on my mind. [...]

So the first time I went to Russia, I told you before, was when I was at the University of Birmingham, an undergraduate, in 1959. There I am right over there [refers to photo-

graph]. I knew no Russian, and I saw this country awakening, and got interested in Russia, and went back to Indiana University. After that I went to Russia, as I recall, in the early 1960s, again on language study programs. You did five weeks – I may get this wrong – in Bloomington and then you went to the Soviet Union for five weeks – I remember the guy who led us; his name was Bebbe. He was a nice but very uptight professor who thought we were all up to no good. We traveled around Russia practicing our language. [...]

So I went in '63. I went again later on another tourist visa or language visa. Then I was rejected, as I told you, by the Soviet side on the two occasions I applied for the exchange out of Columbia, the student exchange – because they knew I was doing Bukharin. Then I went to Princeton and as a professor I could apply for the academic exchange. I'm telling you the background so you understand. Then in '73 my biography of Bukharin was published here. It quickly became known in Russia and I got a smuggled letter, from a Norwegian correspondent, that Bukharin's widow was aware of the book and she was prepared to see me cautiously if I came to Moscow.

In 1975, my wife then, Lynn, and I went to – I think I've got the event right – went to Rome for a big conference on Bukharin sponsored by the Italian Communist Party, and believe it or not, the Chinese Communist Party. Bukharin still being taboo, the Soviets didn't send a delegation. From there we went on to Moscow where I first met Mrs. Bukharin – that itself was an adventure, secret meetings and all the rest – and her son. That began a relationship that deepened over the years because it turned out that her son, Yuri, with somebody else, was translating the book into Russian. That translation was eventually published here in 1980 by Ardis out at University of Michigan by Carl [Ray] and Ellendea Proffer who were publishing things like [Joseph A.] Brodsky and other then-forbidden literature in Russia. They published my Bukharin biography. Three thousand copies. Through a system that was

known to me and others, running through foreign embassies, probably twenty-five hundred of the copies or more quickly ended up in the Soviet Union and were circulated widely by hand.

Gorbachev later read that edition. It was later published officially in Russia in 1989. The Ardis version was called the red edition, it was tamizdat. You don't know Russian, right? So tam means there. Izdat' comes from the word publish. It means something published over there and brought back to Russia. It's a spin on the word samizdat, which means self published, which were typescripts that circulated. I could show you the book. It was widely read. Gorbachev read it. But it was all over Moscow by late 1980.

So as I began to go back to Moscow while teaching at Princeton – I was juggling my leave semesters, and I even at one point later took – they were giving maternity leave to women professors. I said we should have paternity leave and they said, «Yes, you're right, take a semester.» So I took a semester [laughs] and with Nika and Katrina, we went. I was trying to spend several months a year in Russia from '76 on, however I could go, on the exchanges, on my own. Until '82, when they took away my visa, I often did. Then several weeks after Gorbachev came to power in March 1985, I was told to reapply for a visa and Katrina and I got them immediately.

I spent a lot of time living in Russia over the years, but most intensely in some ways – prior to perestroika. But also after 1985, because the reforms that I had written might happen in the Soviet Union were now happening. That had been the theme of my work, the possibility of a reformation, or at least a resumption of the Khrushchev reforms. I had to be there, on the scene, after 1985. In '87 I met Gorbachev, at his request, in Washington. So I now had ties both to the Gorbachev leadership, to all the dissidents and Gulag survivors I had known in the '70s and early 1980s who are now entering public life. Because I was a well known author, especially to edito-

rial offices, that were now abolishing censorship. So I was able to get an inside view of the process. Looking back over all this – and again I think it was all [...] – had I written a memoir I would have called it a Russian fate. The subtitle might have been, to get people's attention, how you get from Kentucky to Moscow and back, something like that. But I have thought a lot about it. Thought a lot about it at the time. What is the – to use this horrible expression «takeaway?» The takeaway is that my Soviet experiences influenced me in the sense of me learning and understanding things on many levels.

On the more macro level, it was that this outwardly controlled Soviet system that we were all studying was nothing of the sort. It was a mess. I always give the example of the census they did. People lied to the census takers. Everybody knew this. Secondly, there was a system where you had to be officially registered both in the city and at the address where you lived. People had reasons for living in cities where they were not permitted to register, like Moscow. Say you were an artist in the provinces, and you wanted to be part of the artistic scene in Moscow, but they tried to control the size of Moscow and so it was almost impossible.

I was involved in this. I'll tell you how people did it. You arranged a fictitious marriage. There was literally something called *fiktivnyi brak*, the fictitious marriage. So you have this artist out in Pinsk or Minsk, and you find a woman who for certain compensation will officially marry him. If your spouse lives in Moscow you have a right to go to Moscow and live. So you have to find a woman. [...]

The field called is totalitarianism, but if the state doesn't even know where its citizens are living what kind of totalitarianism is this? This was part of a long evolution of what Misha [Moshe] Lewin – my great friend and scholar who taught at Pennsylvania – studies. He said «Big Brother fell asleep,» and he attributed that expression to me. He used it in a book. I don't recall ever saying that. But his point was that due to so-

cial changes, education and the rest, the society was escaping the state. Therefore this whole totalitarian model, if it ever had any validity – I never thought it did because totalitarian really was just, somebody said, «a boo label to pin on a boo system.» [...]

I generalized it – borrowing in part from scholars who were working on black market economics, scholars here – that in fact the Soviet system had, between the purported red monolith at the top and the black market at the bottom, illegal, people selling black market, there were multicolored levels. There was pink, there was beige, there was gray, there was black. You with me so far? All right, so then you begin to think about this, and you imagine in your mind a new model. You say okay, that's the empirical reality. We've got to stop this bullshit of the totalitarian monolith – we have to study each level. [...]

That led me to the other thing that – due to of my ties to the Bukharin family and Gulag survivors, which led me to the dissident movement, and my ties to certain dissidents who actually had come out of the official Nomenklatura system, or were the children of high officials, because I was on an official exchange and the Academy of Science people loved to blah, blah, blah, and because of my biography – still forbidden – of Bukharin but which was of great interest to the party intelligentsia – the dissident ones who wanted to go back to Lenin and to NEP [new economic policy] of the 1920s and markets and Bukharin – a lot of people wanted to talk to me. One thing about me that was different from most Americans, certainly our government, was that most Americans want to tell Russia what to do. «You should do this, you should do that, you should do this.» I had no interest in telling them what to do. I wanted them to tell me what was going on.

I often took the posture of a kind of semi-educated, but not overly bright, American to which everything had to be explained in great detail. Given the lousy quality of my Russian

language, it was fully believable. «He really sounds dumb.» So people talked to me at length and in detail. Also I developed a reputation as a person who never betrayed a confidence, because it could be dangerous. Never, ever. Not to the authorities, but I also never told one Russian about my conversation with another Russian, even if they were friends. I wouldn't say, «Oh, Petr, that's interesting because Ivan told me –» I never would do that. If they wanted to tell me together that was their decision. Then there was the fact that by accident I had, living there, ties down below in society and ties up above in officialdom. I think it's fair to say that I may have been the only American of my generation who had that kind of – I don't know how to put it – extensive access, exposure. [...] The limitation was I was only in Moscow. [...]

Also there were things of interest, because of the way I had grown up. Yes, Soviet life – I only speak of Moscow – was not a place where you and I would want to have grown up, but it was a place with real virtues that we lack here generally. [...]

Other people have mentioned it, but it needs to be spelled out that because of the austerity and harshness of life in Russia personal friendship was exceptionally important. Russians have two words, *drug*, which means friend, and *znakom*, which means acquaintance. We Americans are very careless with this language. You meet somebody and you have a drink and you say, «He's a friend.» He's not a friend. You have an acquaintance; you've met. Maybe the person will become a friend.

I often ask people how many actual friends – not counting family – do you have? If somebody says to me «dozens,» I say this person has no idea what friendship means, because it hasn't been really tested. They have close acquaintances or casual acquaintances. But for Russians this distinction was enormously important. You and I are now acquaintances. We're not friends. We could grow into friends, but we're acquaintances. They would never blur that distinction. Why?

Because a friend in need is a friend in deed in Russia, one who has been tested.

[...]

I think the other thing was that, intellectually, I knew before I began to live there in the late '70s that given the dynamics and history – because again remember for me everything comes with history. Looking at the history of the regime–Cohen: That the history was eventually going to create reform from above. When I was living there I could see the agencies of reform forming. Later it was said that I foresaw perestroika. For example, my book, *Rethinking the Soviet Experience*, had this final chapter, «The Friends and Foes of Change», which ended, «We should be prepared for the emergence of a new reform movement.» I'll take the credit. When so many others here said it was impossible. But I was fundamentally wrong in one regard.

What I had in mind was a modern version of Khrushchev's reforms, liberalization, a bit more markets, easing of the censorship from the top, but not fundamental change in the structure of the political system. In other words, I didn't foresee actual democratization, which was what Gorbachev attempted, actual democratization. By 1987, at least, it was his intent to democratize the Soviet Union. I didn't foresee that. However, I was ready for it. I mean I understood it when he did it. I've had long talks with Gorbachev over the years, because we remain close. I often ask him, «at what point – ? I knew when you had left Lenin behind; I understood that. When did you leave Khrushchev behind, when did you go far beyond?» He talks about his evolution into a European social Democrat. It's a little bit fuzzy, but you know – Bill Taubman's got a biography of Gorbachev coming out and we'll see if he gets it right. [...]

I'm very political intellectually. I'm not political actively here. I don't give a hoot or a holler about the Democratic or the Republican parties. My wife, Katrina, cares a lot. I give

some money to candidates that I think are good and often they turn out not to be. I've established talking relationships with some very prominent American political figures over the years. I told you already I met with the first George Bush so I had that experience. I was with Gary [W.] Hart briefly in his presidential campaign and with Bill [William W.] Bradley – the former basketball player, my old friend – I tried to help with two of the worst presidential campaigns in recent American history. Both imploded.

I've not been aloof from politics. I just haven't sought a career or an avocation there. But it's made me think politically about our own country in ways enhanced and revised by what I observed in Russia in such different circumstances. [...]

Q: We talked yesterday about your thoughts about the future of Harriman and the direction they should take. Now is a time when it seems they have a chance to be more relevant again.

Cohen: I think they also have a chance, but [...] Alex [Alexander Cooley] has got a big responsibility because Harriman probably is the only Russian studies center in America that could have a national impact on others – Harvard's just too intermingled with Harvard – along the lines I suggested. And New York is special. But I don't know that he can or would want to do it.

[...] This money that Katrina's foundation gave to the national association, the ASEES, for six dissertation research fellowships – we never talked about that event, but it was searingly bad. She – when they said they'd take the money only if she took my name off the thing – she was furious, said she wouldn't give them the money under any circumstances. She was just, «Screw them. This is outrageous.» She wasn't insulted only because of me, but because she had written and studied the whole era of McCarthyism when people were doing things like that, defaming reputation over political disagreements.

What changed Katrina's mind is when the letter I wrote – private letter to the ASEEEES board. I wrote, five single spaced pages, detailing what happened and how I viewed this – got out. I didn't leak it, by the way. Well, maybe I did but accidentally. But then it got into the hands of people who organized a protest petition. Then eventually some 150 people – senior people and junior, many of whom disagreed with my interpretations of history, with me about Ukraine, about Putin – protested the board's decision and turned it around. Because Katrina believes in grassroots politics, that turned her around. So eventually the ASEEEES dropped its demand that my name be removed from the Cohen-Tucker fellowships, and Katrina reinstated her very generous, and needed, funding.

But the affair went on for months and it was really toxic and disgraceful. [...] That's part of the history we're living through now. It is what it is and people will do what they do. They'll do the right thing or they won't do the right thing.

I think it's a test for Russian studies now – how we react to this new Cold War situation [...]

It raises the question of what people who study Russia are supposed to do based on what they know at moments like this? We belong in our ivory tower, but sometimes not. Russian studies has been through something similar before. They did both. Now we're in new and more complicated times, I think. So when you talk about the future of the Harriman, that's the sort of thing they need to be talking about. Whatever they decide. [...]

Из интервью Стивена Коэна для проекта
устной истории Института Гарримана
(бывший Русский институт)
Колумбийского университета, Нью-Йорк

Кэйтлин Бертен-Майо

5 апреля 2017 г.

Бертен-Майо: Профессор Коэн, спасибо, что согласились уделить нам время.

Коэн: Всегда рад, но не уверен, что в наши дни кому-то интересно ворошить прошлое. Сегодня, когда на всех нас давит груз текущих проблем, трудно думать о прошлом.

Бертен-Майо: Об этом мы тоже поговорим, я надеюсь. Но начнем давайте с прошлого, с самого начала. Вы только что показали мне фотографии Кентукки, где вы выросли. Я так понимаю, вы там родились. Расскажите немного о своем детстве в Кентукки.

Коэн: На самом деле, я родился в Индианаполисе, штат Индиана.

Бертен-Майо: Вот как?

Коэн: Моя мать была оттуда родом. Мой отец был – я не сказал бы типичным – но довольно показательным образцом того, как «великая депрессия» повлияла на евреев Среднего Запада. Мой отец учился в Университете Висконсина. Его отец был выходцем из Российской империи, бежал от погромов в начале [должно быть – в конце. Прим. перев.] XIX века. Семья осела в Кливленде. Мой отец никак не был связан с Россией, не говорил по-русски, зато дед, рабочий, занимавшийся ручным трудом, знал несколько языков того региона. «Депрессия» заставила моего отца оставить Университет Висконсина. Чтобы зарабатывать на жизнь, он стал коммивояжером. Он работал на компанию, производившую стиральные машины

«Бендикс», насколько я помню. Мотался по всему Среднему Западу. В Индианаполисе он встретил мою мать, и родился я.

Затем один человек из Терре-Хот... Это городок в Индиане, позже прославившийся двумя вещами: был столицей порнографии, где в мои дни старшие школьники добывали «фильмы для взрослых», и местом, в окрестностях которого, в курортном местечке Френч-Лик, родился великий баскетболист НБА Ларри Бирд. Мой отец встретил в Терре-Хот человека, который сказал ему: «Если поедешь в Оуэнсборо, штат Кентукки, я там открываю магазин. Я знаю, что ты хочешь где-то обустроиться с семьей. Если поедешь туда и возьмешься вести торговлю, я отдам тебе половину магазина в собственность». Так что, когда мне было восемь месяцев, отец взял нас и перевез в Кентукки, где я и вырос. Я жил там – с перерывом в два года – до поступления в колледж. Но и тогда я недалеко уехал: пересек реку Огайо и поступил в Индианский университет в Блумингтоне, который считался для меня «престижным» колледжем. Я не был абитуриентом с выдающимися способностями. Я мог поступить в Университет Кентукки, но хотел чего-то получше, и пошел в Индиану, и это обернулось для меня чудесным образом.

Кентукки, который вышел из Гражданской войны более южным штатом, чем вступил в нее, был постоянным полем битвы. Конфедераты брали город – янки отходили за реку. Какое-то время правили федеральные власти, затем власть переходила к конфедератам. Наверное, стоит отметить – поскольку это стало фактором моей жизни – что два президента, руководившие правительством в годы Гражданской войны, Авраам Линкольн и Джефферсон Дэвис, были родом из Кентукки, и это что-то говорит о раздираемой противоречиями истории Кентукки. Как и Теннеси, Кентукки считался пограничным штатом, но после Гражданской войны, как я сказал, Оуэнсборо, штат Кен-

тукки, оказался «глубоким Югом». Я вырос в стопроцентно расистском штате. Сегрегация, или американский апартеид, была повсеместной. Мы и чернокожие дети ходили в разные школы, мы не пересекались в общественной жизни. Мало кому из чернокожих (хотя мой отец пытался помочь одному парню) удавалось устроиться на «чистую» работу. В основном они работали на складах и т. п. Ку-клукс-клан в ту пору уже не бесчинствовал, но еще был заметен. На 4 июля они выходили со своей атрибутикой. Это был факт моей жизни, Ку-клукс-клан. По-моему, последний, во всяком случае в тех местах – я как-то проверил – суд Линча, когда они выкрали бедолагу из тюрьмы и линчевали, случился как раз недалеко от Оуэнсборо за год до моего рождения.

Итак, детство у меня было расистское. [...]

Но, с другой стороны, когда мы дети, как говорится в Писании, мы говорим, думаем и ведем себя «как младенцы»; повзрослев же, если повезет, «оставляем младенческое». Мы рождаемся в обществе и принимаем его как есть. Сегрегация казалась мне абсолютно нормальным делом. Но с возрастом порой мы обретаем опыт, который заставляет задуматься. У меня такой опыт был связан с чернокожей девушкой, которая мне очень нравилась, и мы ходили с ней гулять, и это вызвало проблемы. Но мне, поскольку я был повернут на баскетболе, я и сейчас такой, мне хотелось играть в баскетбол с чернокожими парнями. Можно было играть с ними на улице в их бедных кварталах, но в организованный баскетбол – нет. Однако в конечном счете баскетбол помог отменить сегрегацию на Юге и уж точно в Кентукки, поскольку белые тренеры хотели побеждать.

В результате это помогло мне, когда я в 1960-е годы приехал в Нью-Йорк. [...] Я чувствовал себя не очень уверенно. Я не знал нью-йоркской культуры, зато у себя в Кентукки я легко находил общий язык с чернокожими

парнями. Поэтому вскоре я сумел вписаться в черную баскетбольную культуру Нью-Йорка. И с тех пор неразрывно с ней связан: тренирую, организую или помогаю организовать детские турниры, в основном для чернокожих мальчишек 5–16 лет (со старшими работать не люблю, там всегда вовлечены уличные банды), но все больше и для девочек, у которых нет своих соревнований. Сейчас у нас почти половина участников – девочки.

[...]

Итак, детство в Кентукки было... В смысле, оглядываясь назад, я все понимаю, но я бы не променял его на другое. Потому что, переехав на Север, я понял, что вырос в совершенно другой стране. С одной стороны, это помогло мне понять значимость российской провинции. Москва – это не Россия, как Нью-Йорк – это не Соединенные Штаты. К тому же я приехал с багажом опыта и образом мыслей, отличавшимися от здешних, северо-восточных. Я думаю, что в Институте Гарримана были и другие... Но когда я приехал в Нью-Йорк в 1960-х – тогда это был Русский институт-то, как я его воспринял, это был действительно северо-восточный феномен, иной мир.

Но Кентукки... Я иногда езжу туда. Экономика Оуэнсборо пришла в упадок, и они решили открыть в городе Зал славы. Город расположен на живописном изгибе реки Огайо, великолепный вид, поэтому они попытались превратить его в туристическое место. Там есть, например, Международный музей блюграсс-музыки. Когда я перешел из Принстона в Нью-йоркский университет, первый человек, с которым я познакомился, была молодая женщина, которая специализировалась по блюграсс-музыке. Она не была южанкой и собиралась поехать в Оуэнсборо проводить исследование. И я вдруг почувствовал, что вырос в каком-то действительно очень важном месте. Так вот, люди, руководящие туристической отраслью в Оэнсборо (с одним я подружился, его зовут Бэрли Фелпс;

в Кентукки вообще распространены имена типа Бэрли, Бетти-Лу, Билли-Боб), они создали там Зал славы; у меня есть их брошюра. И это очень любопытно. Там есть, например, Том Юэлл, киноактер, снимавшийся с Мэрилин Монро в «Лихорадке седьмого года» – том самом, где у нее юбка взлетает над головой. Среди обитателей Зала славы есть владелец известного барбекю-ресторана, есть лошади, бравшие призы в местном дерби, баскетболисты из НБА, есть я и – знаете, кто еще? Джонни Депп! Да, именно, кинозвезда.

Джонни Депп родился в Оуэнсборо, штат Кентукки. Его отец, Джонни Депп-старший (потому что Джонни Депп на самом деле Джонни Депп-младший) учился со мной в школе. Когда я приезжал на пятидесятилетие выпуска, Джонни Депп-старший тоже заявился и выглядел в точности, как его сын. У него такое же красивое лицо, только слегка более полноватое и поношенное. Думаю, когда Джонни глядит на отца, он думает: боже, я не хочу так выглядеть через двадцать лет. На вечере встречи нас всех попросили написать, что мы любим делать больше всего в жизни. И Джонни Депп-старший, который, между прочим, прибыл на встречу на мотоцикле... В нашей юности мы любили подворачивать рукава футболок и класть пачку «Пэлл Мэлл», не знаю, почему именно «Пэлл Мэлл»... Так вот, Джонни Депп-старший заявился именно так одетый и с молодой женщиной на заднем сидении мотоцикла. Он написал в книге, что больше всего любит ездить в Голливуд к сыну и тусить там с реально крутыми «бейбами». И мы все, наверное, подумали тогда, что так оно и есть, и хотя в школьные годы вряд ли кто-то мог предречь ему успех, он реально был историей успеха нашего класса.

Так что Кентукки привел меня в Индианский университет, а Индианский университет привел меня в Россию.

Бертен-Майо: Прежде чем мы перейдем к России, я хочу спросить: вы сказали, что ваш дед переехал в США, бежав от погромов. Вы выросли в еврейской семье с корнями в Советском Союзе?

Коэн: Мой дед был ортодоксальным евреем.

Бертен-Майо: Да, с корнями в Советском Союзе. Это как-то повлияло на ваше детство? Эта культура и всё такое?

Коэн: Нет, совершенно никак. И это любопытно. Люди в России позже, когда я уже стал там известным, спрашивали меня: почему Россия? И обычно предполагали: тебе это передалось от предков, у вас дома говорили по-русски? Нет. Может, ты из семьи американских коммунистов? Нет. Тогда они спрашивали: как же это произошло? На самом деле это всплыло (я рассказал об этом в своей книге «Жизнь после Гулага») в 1989 году. Я, наверное, единственный выпускник Русского института, да и любого американского академического института вообще, который когда-либо получал приглашение [советского] правительства обратиться к нации по телевидению с Красной площади. Я получил такое приглашение от Михаила Горбачева в 1989 году на 1 мая. Я не хотел, но мои русские друзья сказали: ты должен, ты должен. Это твоя судьба, сказали они. Я говорил: нет, это все случайность, то, что я оказался здесь. А они: нет, нет, нет. Потому что русские так думают: это твоя судьба.

С моим дедом судьба была никак не связана. Я его почти не знал. Он жил в Кливленде. В ту пору поездка из Оуэнсборо в Кливленд была настоящим путешествием. Меня особенно привлекал телевизор, потому что у нас в Оуэнсборо телевидения не было, а в Кливленде было. Это было как кино дома. Дед плохо говорил по-английски. Он знал идиш, русский, думаю, литовский, может быть, украинский, знал несколько языков. А вот мой отец не знал ничего, кроме английского. То есть, здесь нет наследственности. Дед был ортодоксальным евреем, и когда мы

гостили у него, я должен был соблюдать все религиозные нормы, но у себя в Кентукки мы отмечали только большие праздники. В Оуэнсборо была маленькая синагога... В ней не было постоянного раввина, он приезжал на службы из Цинциннати...

Я, насколько помню, был в городе единственным еврейским мальчиком своего возраста. Были те, кто младше или старше меня. Поэтому церемонию бар-митцва я проходил там. Помню, я очень не хотел к ней готовиться. Но отец сказал, что раввин приедет из Цинциннати на плоту, а на реке Огайо это очень опасно, поэтому я должен проявить уважение. Позже я узнал, что раввин приехал на поезде. Синагога до сих пор существует. После 11 сентября [2001 г.] я оказался в Оуэнсборо в последний день Йом-кипура и сказал жене, Катрине ванден Хювел, интересно, на месте ли синагога. Она не только была на месте, но и там шла служба. Народу почти никого не было. Местная еврейская община вымерла или разъехалась.

Но Россия мне досталась не от деда. Он был интересный человек, и я жалею, что не смог узнать его получше. [...] Он был из рабочих и дожил до 85 лет. Он делал бочки, буквально, сколачивал вручную бочки для кливлендских пивоварен в своей маленькой мастерской. У него была телега с лошастью, а еще помощник – здоровый чернокожий парень, и вместе они мастерили эти бочки и развозили их на телеге по пивоварням. Так он зарабатывал на жизнь. [...]

Так что нет, никаких семейных связей с Россией у меня не было. Хотя в начале 1960-х, когда я уже учился в Индианском университете и ездил в Москву, отец неожиданно сообщил мне, что у его отца есть брат, который живет в Москве, и я должен навестить его. Как оказалось, в отличие от деда, его брат был политическим. Он приехал в Америку, и, насколько я сумел выяснить, был троцкистом. [...] После революции 1917 года он вернулся в Россию. Се-

мья поддерживала с ним связь до 1930-х годов. Я ничего не знал, о нем не говорили, потому что думали, что он погиб или в годы террора (потому что еврей или старый большевик или связан с границей), или в войну. Но после секретного доклада Хрущева семья получила от него письмо, и было принято решение делегировать меня проведать его в России. [...] И вот я поехал повидаться с этим... Кто он мне? Двоюродный...

Бертен-Майо: Двоюродный дед.

Коэн: Да, двоюродный дед. Он уже был при смерти. Я нашел его в так называемой «больнице старых большевиков» в Москве. Он еще помнил английский, а я второй год учил русский, мог немного болтать, и мы пообщались. Все, что я понял, это то, что он какое-то время работал в финансовом отделе Коминтерна, потому что разбирался в иностранных валютах и бывал за рубежом. Он не был большой политической фигурой. Я потом из его трудовой книжки узнал, что он был арестован в годы террора и выжил.

[...]

Больше я его не видел, а потом он умер. И это была моя единственная семейная связь с Россией. Я пришел к изучению России совершенно другим, не связанным с родственными узами, путем.

Бертен-Майо: Так почему же все-таки Россия и Индианский университет? Влияние времени?

Коэн: [...] Это одновременно и сложная, и простая история. Я пошел в Индианский университет (ИУ), потому что он мне нравился. Я действительно верю в систему государственных университетов. Это были такие мобильные дорожки наверх для миллионов молодых американцев, которые не могли себе позволить колледж. Они были дешевые, они были хорошие, и в них все было. В ИУ училось порядка 40 тысяч студентов... Я правда верю в эту систему, хотя сейчас она здорово испортилась.

Итак, я пошел в ИУ, а у них было требование – нужно было обязательно взять один курс по естествознанию. А для меня естественные науки это то, что я никогда не любил и категорически не хотел этим заниматься. Будучи искусным уклонистом, я стал искать обходной путь. [...]

И я начал искать способ как-то обойти это требование об обязательном курсе естествознания. И тогда кто-то сказал мне, что география тоже относится к естественным наукам. А я сказал, что география для меня не менее трудная штука. Да, но есть курс под названием «политическая география». И я сказал, что это я мог бы попробовать. И я записался на этот курс, а его вел человек, британский профессор, по фамилии, кажется, Паунд. Он, не знаю почему, обратил на меня внимание в классе. Однажды он меня спросил: ты вообще бывал где-нибудь? Я сказал: да, в Цинциннати, Кливленде и Огайо. А он: нет, я имею в виду за рубежом. Я сказал: нет. Тогда он сказал: тебе нужно поехать в Англию, это будет полезно для тебя, я могу согласовать это со своим университетом, Университетом Бирмингема.

[...] И я поехал в Университет Бирмингема. Это был 1958, 1959 год, в университете кипели дебаты между лейбористами, марксистами и тори по поводу национализации и того, что происходит в России. Я начал посещать эти курсы, хотя Россия меня особо не интересовала.

Восемнадцать месяцев спустя пришло время возвращаться домой. Я сэкономил 300 долларов, которые собирался потратить на то, о чем мечтали все начитавшиеся Хемингуэя мальчишки – поехать в Испанию посмотреть забеги быков в Памплоне... А еще я хотел купить машину в Англии, потому что мне нравятся британские машины... И вот я поехал в рабочий, промышленный район Бирмингема, весь еще в развалинах. Кстати, тогда я впервые увидел разрушительные последствия Второй мировой войны. И вот, блуждая там, я увидел объявление: «Тридцать дней

в Советском Союзе». И как раз за ту самую сумму в 300 долларов. Если задуматься: тридцать дней в Советском Союзе за 300 долларов или три дня в Испании за те же 300.

Я уговорил себя поехать и сел на советский корабль в Лондоне, следовавший в Ленинград с остановками во всех скандинавских портах и в Финляндии. Тур включал посещение пяти советских городов: Москвы, Ленинграда, Киева, Ростова и еще одного. Единственная проблема оказалась в том, что этот тур организовало Фабианское общество для своих пенсионеров, и все остальные участники группы были старше 60 лет. А мне было 19, может 20. В общем, я носил сумки.

Но поездка оказалась удивительной. Я еще не был вполне образованным человеком, но кое-что я знал. И я всегда испытывал интерес к истории. И то, что я увидел... Потому что русские всегда подходили... Кто-то, кто знает английский язык, подходил, и вокруг собиралась толпа человек двести-триста, и он начинал задавать вопросы. Большинство этих людей никогда не видели американца. Это был 1959 год, три года спустя после секретного доклада Хрущева. Это не были политические вопросы, а что-то типа: ты живешь в своей квартире? У тебя есть машина? Сколько стоит холодильник? Я отвечал, как мог, и мои слова по-русски передавались по толпе, а затем следовал новый вопрос, и так 2–3–4 часа; никто не хотел расходиться. Позже ЦРУ, которое сделало пару-тройку хороших вещей, опубликовало брошюру на русском языке под названием «Вопросы и ответы для тех, кто путешествует в Россию». Там были такие же вопросы, «сколько стоит холодильник». Я приобрел эту книжечку, и она оказалась полезной.

Я увидел страну, просыпающуюся после двадцати лет террора. Это не имело никакого отношения к коммунизму. Это было другое. Но люди, в том числе дети, выросшие в атмосфере террора, страха, настоящего страха... И я поче-

му-то мысленно переносился на свой американский расистский Юг, где систематический террор против черных – нет, конечно, если не брать в расчет линчевание, люди там не просыпались от стука в дверь посреди ночи и не исчезали в неизвестном направлении – но это был такой низкоуровневый террор, который закрывал людям рот, и черным, и белым, удерживал от протеста. Я не хочу ставить знак равенства между этими явлениями, но что-то я в этом увидел и реально заинтересовался Россией. Когда я вернулся в Блумингтон, оказалось, что в ИУ имеется одна из лучших в стране программ по изучению России. А я и не знал.

Итак, я начал учиться. Один из курсов вел человек, который, думаю, был величайшим русистом своего поколения, а может и нескольких поколений – Роберт Такер. [...]

Мы с Такером, который был моим наставником во всех смыслах, вели долгие беседы, и однажды (он тогда собирался уходить из ИУ, переходил в Принстон) я спросил: не знаю, что мне изучать в истории России, какую выбрать тему для диссертации? Он сказал: спроси себя, что тебе интересно в интеллектуальном или историческом аспекте – поскольку Такер всегда мыслил исторически – вообще, помимо России. И я сказал, что меня всегда удивляло, что два американских президента периода Гражданской войны, Линкольн и Джефферсон Дэвис, были выходцами из моего родного штата Кентукки, и значит есть что-то в истории Кентукки, что подразумевает альтернативные пути развития. И Такер сказал: вот она, твоя тема – большая, неисследованная тема, мало кто работает над ней – альтернативы в советской истории. А оттуда был уже всего один шаг до Бухарина. [...]

Если же не искать во всем этом излишней логики и системы, то просто череда случайностей – опять же русские скажут: судьба – привела меня сначала в Россию, затем назад в ИУ к Такеру, а затем к теме альтернатив и моей

диссертации о Бухарине. Причина же, по которой я потом оказался в Русском институте Колумбийского университета, была в том, что я очень хотел получить докторскую степень (PhD). Сегодня я уже и сам не знаю, почему: то ли потому что не хотел попасть во Вьетнам и стремился получить безвременную отсрочку, то ли уже тогда выбрал для себя научную карьеру. Но я точно знал, что это единственная вещь, которая меня интересует, и почему нет, если этим можно заработать какие-то деньги. Но мне и в голову не приходило поехать в Нью-Йорк. Я думал, что могу остаться в Индиане или поехать в какой-нибудь другой региональный университет. Отделения руссиеведения имелись в нескольких университетах из числа «большой десятки». Или я мог поехать дальше на Юг. Я чувствовал себя комфортно в южных штатах, я два года жил во Флориде. А с Нью-Йорком меня ничто не связывало.

Затем снова вмешалась судьба. В Индиане я встретил женщину, которая была звездой Оперной школы ИУ. Это была очень известная оперная школа, по некоторым оценкам, даже лучше, чем Джульярд. [...] Ее сценическое имя было Линн Блэр. В 1962 году ее приняли в труппу Метрополитен-опера, и она даже появилась на обложке их журнала «Опера Ньюс» как самая молодая в истории Метрополитен-опера приглашенная исполнительница ведущих партий.

В общем мы с Линн полюбили друг друга и [поскольку в то время совместная жизнь партнеров вне брака не приветствовалась] решили пожениться. Ей предстояло переехать в Нью-Йорк, и я должен был поехать с ней. Поэтому я подал заявление в Колумбийский университет, а для подстраховки – в Гарвард, так как это был еще один крупный центр руссиеведения, расположенный недалеко от Нью-Йорка. Меня приняли в Колумбию на факультет, который назывался факультетом госуправления. Но моей целью был Русский институт, где я получил докторскую

степень. Моя карьера в Колумбии закончилась после студенческих беспорядков 1968 года, к которым я не имел прямого отношения, но мои симпатии были налицо. Я был ассистентом-преподавателем... Но было ясно, что должности профессора-ассистента, к которой некоторые из нас стремились после докторантуры, мне в Колумбии не видать. Такер тогда был уже в Принстоне, и ему нужен был молодой коллега, и хотя Принстон придерживался демократических правил в плане приема на работу и всего прочего, должность я получил благодаря Такеру. Я проработал профессором в Принстоне 30 лет.

[...]

Но Индианский университет действительно сыграл важную роль в моей жизни. Эти государственные университеты были микро- и макрокосмом демократической жизни и класса в Америке. [...] Те, кто поступал в государственные университеты, были реально поперечным срезом, социальным профилем Америки, при всех плюсах и минусах этого, и полной противоположностью системе частных школ, «Лиге Плюща», где я позже преподавал и где учились мои дети. [...] Но я рад, что был продуктом американской системы государственных школ – в том виде, в каком она тогда существовала. Индианский университет был действительно хорошим университетом. Когда они позже присудили мне... Как это называется? Что-то типа награды выдающемуся выпускнику? Они выбрали правильного человека, потому что я в долгу перед ИУ. Не знаю, насколько я выдающийся, но всем, чего я достиг, я обязан Индиане.

[...]

Бертен-Майо: Расскажите мне теперь о Русском институте. Каким он был, когда вы туда пришли? Кто были преподаватели и студенты? Каково там было?

Козн: Во всех замечательных местах, где мне повезло оказаться, я оказался случайно, буквально споткнулся о

них: Индиана, Русский институт в Колумбии 1960-х, Принстон и особенно Москва, где я стал подолгу бывать... Когда я приехал сюда, я не знал, чего ждать. Я же оказался в Колумбии в основном благодаря жене. Мы поженились в том же году, когда я поступил. [...]

В то время я не понимал в полной мере, но начинал понимать – и, оглядываясь назад, я могу сказать определенно, – что это было совершенно фантастическое место, готовившее настоящих специалистов по изучению России.

Когда я говорю «настоящих», я не имею в виду всех тех людей, которые хлынули в эту научную область в годы холодной войны, чтобы изучать стратегическую угрозу или ядерное оружие или советский шпионаж – словом, всех этих клоунов...

Но Колумбия была местом, собравшим необычайное количество ученых с необычайно разнообразными биографиями, автобиографиями... Я говорил вам, что личная история человека, биография, автобиография чрезвычайно важна: кто вы, откуда, как справляетесь с ударами судьбы, которые вас формируют – не определяют, а именно формируют...

[...]

Хоть я и учился на факультете госуправления, история для меня была всем. Таково было влияние Такера: вы изучаете историю. Такер понимал это, как никто другой, потому что он видел, как история повторяется в России при Сталине. Я так далеко не заходил, но понимал, что без исторического мышления невозможно понять Россию. А большинство американских бизнесменов не понимают Россию. Когда я пришел в Колумбию, я застал здесь трех старейших преподавателей и основателей Русского института, пострадавших от политики МакКарти: Филип Мосли, Эрнест Симмонс и мой научный руководитель Джон Хазард.

Джон был интересным человеком. [...] Во время войны он руководил поставками в СССР по ленд-лизу вооруже-

ний и оборудования, за что МакКарти назвал его советским агентом.

[...] А еще Джон жил в Москве в 1930-е годы [...] Он учился вместе с людьми, которые потом были расстреляны. [...] И он видел моего персонажа, Бухарина, когда тот читал лекции. Словом, Джон был живая история.

И такие люди окружали вас в Русском институте. Были и такие, как Александр Эрлих, экономист. Для своей диссертации о Бухарине я черпал информацию из всех возможных источников, потому что биография имеет дело и с психологией, и с политикой, и с экономикой, и с историей, и с сексом. Невозможно написать биографию, просто вырезав ее, как формочкой для печенья, из контекста. Нужно видеть картину целиком. Поэтому я обращался ко всем. Джон был моим научным руководителем, но я пошел к Эрлиху. Только подумайте, кто он был. Его отца Сталин расстрелял как одного из руководителей Бунда. Все эти люди... Александр Даллин, например. Замечательный человек, замечательный. Его отец был известный меньшевик. Но были люди и другого типа. Был Збигнев Бжезинский...

Збигнев позже сказал, что сделал очень большую ошибку, когда помог мне и еще одному парню, китаеведу, выбрав нас в качестве ассистентов для ведения созданного им семинара по коммунизму. То есть, он дал мне статус и деньги, поскольку позиция ассистента преподавателя была оплачиваемой, давала право на жалование. Так вот позже Бжезинский, в шутку или всерьез, говорил, что это была самая большая ошибка в его жизни. Думаю, это была наполовину шутка.

Бжезинский представлял в институте совершенно другую группу. [...] Это было место с очень разными выдающимися учеными, которые почти ни в чем не были согласны друг с другом. И ты понимал, что это нормально – быть выдающимся ученым и не соглашаться, что за пре-

делами университета может быть общественный консенсус, утверждающий, что Россия – зло, обусловленное коммунизмом или ее культурой, но в стенах университета были эти постоянные споры. Я не работал с Леопольдом Хэймсоном, но он обучил множество студентов, и он все время воевал с другими американскими историками по поводу того или другого. Он был почетный меньшевик. То есть, буквально, по сути.

[...]

И я, этот пацан из Кентукки, попал во все это. Я не был глупый пацан, знаете ли, но я в то время больше знал о лошадях и баскетболе, чем о России. Я не имел реально-го... Холодная война прошла как-то мимо меня. В Кентукки холодная война нас мало волновала. Нас волновала дискриминация чернокожих, а до коммунистов нам не было дела. А еще я был евреем, а у Ку-клукс-клана, как известно, было три врага: негры, папа Римский и евреи. Так что какая там холодная война...

[...]

А еще все эти события, мероприятия: Бжезинский и другие, русские [эмигранты], которых приглашали на семинары, ученые из других университетов, авторы книг, которые я читал. Один из них стал моим ближайшим другом – по мнению многих, мы были странная парочка – Роберт Конквест. Мы познакомились с ним в Колумбийском университете. Боб был одним из величайших бабников всех времен, имел пять жен. Но он был большой британский поэт, писатель и советолог. Он писал стихи и прозу. Когда он умер, я прочитал в некрологах, что его считают одним из крупнейших британских поэтов XX века.

Это интересно. Он сказал: будешь в Лондоне – загляни ко мне. И вот мы с женой – я тогда занимался Бухариным, посетил Россию, затем Швейцарию, где брал интервью у кого-то, кто работал с Бухариным в Коминтерне – мы поехали в Лондон. Боб поводил нас по Лондону, и мы под-

ружились. Именно там где-то в 1960-х случился разговор, который двадцать пять лет спустя привел к появлению одной из моих книг. Он сказал мне: значит, Бухарина не реабилитировали, зато они выпустили на свободу всех уцелевших жен и детей [врагов народа]. А вдова Бухарина жива? Я это знал, и я сказал ему: да, жива. Я с ней не встречался, но знал ее историю. Это очень любопытно, сказал он. Он использовал какое-то другое слово, но смысл был такой: это очень интересно, как все эти люди после 10–20 лет [в Гулаге] выходили на свободу и пытались добраться домой. Сумели ли они добраться? И это застряло у меня в голове.

Когда в конце 1970-х я стал регулярно ездить в Россию и подолгу жить там, я оказался в кругу выживших жертв Гулага и всё благодаря вдове Бухарина. В ее окружении я был героем. Я написал книгу о Бухарине, она была издана на русском языке в Мичигане, в издательстве «Ардис», и к 1980 году порядка трех тысяч экземпляров уже ходили по России. Все бывшие гулаговцы хотели поговорить со мной, рассказать мне свою историю. И только примерно восемь лет назад я опубликовал эту свою небольшую книгу, «Жизнь после Гулага». А началось все с разговора с Бобом Конквестом в лондонском парке, где мы поздно вечером выгуливали его чертова бассет-хаунда, который был самым неторопливым существом на свете, он оставался у каждого... Поэтому мы гуляли очень долго. И это тоже была дорога, начавшаяся в Русском институте Колумбийского университета.

[...]

В общем, то, что происходило в Русском институте, это и было смыслом настоящего образования. [...]

И это созвездие [преподавателей]... Я не знаю, как Колумбийский университет подбирал этих людей, во многом, вероятно, это был случайный выбор. Но это случайное совпадение в одном месте таких разных ученых,

личностей, автобиографий для меня было идеальным. Не знаю, много ли людей, учившихся со мной, чувствуют так же. Немногие из них сделали выдающиеся (не хочу сказать, что я выдающийся) научные карьеры. Кто-то пошел в политику, в другие области. Но я – я был счастлив.

Бертен-Майо: Замечательное интеллектуальное сообщество своего времени.

Коэн: И, между прочим, все они были очень политическими, они не были невинными в этом смысле. Но большинство из них говорили так: с политической точки зрения, я это трактую так-то и так-то, ты можешь думать по-другому, поэтому давай изучим этот вопрос. И это была позиция, которую я принес с собой в Принстон и придерживался все тридцать лет там. Мы были известны как Принстонская школа россиеведения, Боб Такер и я, а Ричард Пайпс, Адам Улам и их компания в Гарварде – как Гарвардская школа. Из «Нью-Йорк Таймс» приезжали, спрашивали мнение у меня или Боба, а затем ехали в Гарвард спросить Пайпса и Улама. Сегодня «Таймс» не интересуют разные точки зрения.

Кстати – и это не очень известный факт – в ноябре 1989 года мне позвонили из Белого дома. Я к тому времени уже встречался в частном порядке с президентом Джорджем Бушем-старшим, его интересовало мое мнение. Позвонили от Кондолизы Райс с предложением приехать на следующей неделе в Кэмп-Дэвид: «Мы хотим организовать дебаты между вами и Пайпсом для команды президента, включая госсекретаря, главу ЦРУ и всех прочих, по поводу Горбачева и наших возможных действий. Нас интересует, что это – уловка со стороны Горбачева или возможность, за которую мы должны ухватиться, чтобы закончить холодную войну». Конечно, это было смешно. В смысле, Рональд Рейган уже заявил, что он закончил холодную войну, заявил это, покидая пост в январе 1989 года. Но затем администрация Буша взяла эту так называемую «долгую паузу».

Я говорил об этом с Бушем в частном порядке... Но он решил провести эти кэмп-дэвидские дебаты, потому что его администрация раскололась по этому вопросу. Что такое Горбачев – возможность или опасная ловушка? В 1989 году они все еще спорили по этому вопросу. Так что я приехал в Кэмп-Дэвид. Они пригласили нас именно потому, что считали нас разными школами – Принстонская и Гарвардская. Пайпс был, по всей вероятности, ведущим специалистом по России, придерживавшимся так называемой «жесткой линии». Он был главой «Команды Б» [проекта ЦРУ по исследованию военной мощи СССР], членом Совета нацбезопасности при Рейгане. Он был тесно связан с консервативным движением в США. Я же имел репутацию левого либерала.

Эти дебаты в Кэмп-Дэвиде были очень интересным событием. Нам с Пайпсом дали по 15 минут каждому, а затем мы отвечали на вопросы всех этих деятелей президентской команды. [...] Таков был потенциал академического руссиеведения в те годы. Понимаете, о чем я? К тому времени я уже двадцать лет преподавал в Принстоне. Мы с Такером создали альтернативный центр руссиеведения – альтернативный по отношению к другим северо-восточным центрам, Гарварду и Колумбии. Но мы были мини-центр, мы делали не так много, но то, что делали, было очень высокого качества, выше, чем у других... Все это ныне разрушено.

[...]

Это не то же самое, что иметь связи с разведывательными службами. В мое время многие – ну, может, не многие, но какое-то количество академических ученых – сотрудничали с этими службами и во многом из-за человека, который этим руководил. Роберт Бирнс из Индианского университета, который занимался первоначальной программой IREX [Совет по международным научным исследованиям и обменам], он был тесно связан с

ЦРУ. Кстати, когда я пришел в Принстон, ЦРУ, следуя старой кембриджско-оксфордской манере, набирало молодых интеллектуалов из числа студентов исторического факультета. [...] И в этом не было ничего плохого. Я сам посылал студентов к ним. Кто были эти студенты? Это были прекрасные молодые ученые, которые могли получить докторские степени, но либо не хотели этого делать, либо хотели пойти на госслужбу. И я был счастлив послать этих отличных студентов заниматься научными исследованиями в ЦРУ, чтобы они могли потеснить и составить конкуренцию засевающим там болванам.

[...]

Но была в этом и плохая сторона. ФБР и ЦРУ пытались оказывать давление на некоторых из нас. Одно дело, когда они приходили проверить на благонадежность кого-то из студентов и просили меня написать характеристику. И я честно писал такое письмо, как писал бы для университета или потенциального работодателя. Но были вещи, которые мне не нравились, и для себя я провел красную линию в общении с этими агентствами. При этом я не разделял позиции некоторых моих левых коллег, которые говорили: я никогда в жизни не буду разговаривать ни с кем из ФБР или ЦРУ. Я говорил: почему нет? Если они не поговорят с тобой, они пойдут разговаривать с плохими людьми. Надо просто быть честным, тебе нечего скрывать. Но иногда эти парни из агентства переходили черту.

Вот типичный пример. Когда ты возвращаешься – и это доводило меня, когда я часто и подолгу бывал в России в 1970–80-х. Только вернулся – звонок: «Привет, как поживаете, как ваша поездка в Россию?» – «Отлично» – «Не могли бы вы подъехать к нам рассказать вкратце или мы могли приехать в Нью-Йорк?» Я отвечал: «Парни, вы знаете куда больше, чем я. Я не знаю ничего из того, что было бы вам не известно. Зачем тратить впустую ваше и мое время?» Я никогда не грубил, но и не ездил. Стоило

один раз выступить там с официальным отчетом и все, ты уже досье, и это уже никогда не кончится.

[...]

Коэн: А, кстати, вы знали, что ЦРУ часто имеют свой киоск на ежегодных съездах ASEEEES [Ассоциация славянских, восточноевропейских и евроазиатских исследований]?

Бертен-Майо: Нет, я не знала.

Коэн: У них там обычно самые крутые значки и ручки – на всех надпись «ЦРУ» и что-то русское. Я обычно брал для коллекции. Жаль, что в прошлом году в Вашингтоне их не было. Но зато были брошюры, и, если кто-то заинтересовался, можно было присесть, поговорить о перспективах карьеры в ЦРУ. Это совершенно нормальная карьера. В смысле, у них там есть политическая коррупция, все эти игры с утечками данных, но это не россияеведы, это те люди, которые там, выше. То есть, у меня нет с этим проблем, но держать дистанцию было важно, потому что русские много знают. А кому хочется попасть из-за этого в переплет?

[...]

Сессия 2

Нью-Йорк, 5 апреля 2017 г.

[...]

Коэн: Итак, о библиотечных коллекциях. Я был счастлив, что библиотека Колумбийского университета имела такую большую русскую коллекцию. И многое там можно было брать домой – в отличие от публичной библиотеки. Даже периодику можно было брать на неделю. Для моего типа исследования это было очень хорошее место, потому что мне нужно было изучить массу в основном советских публикаций, ведь Бухарин писал так много. Он писал везде. Архивы мне были очень мало доступны. Это пришло позже. Последние двадцать лет я только и делал, что заполнял коробки архивными материалами для расширен-

ного издания «Бухарина», которое я, наверное, так и не напишу.

Я подумывал съездить в Гуверовский центр и в Гарвард, посмотреть их библиотеки. Однажды я даже попал в Ленинскую библиотеку в Москве и обманным путем сумел заполучить некоторые журналы, которые были мне нужны и которые не были в открытом доступе. [...] Ленинская библиотека не могла избавиться от всех журналов, где публиковался Бухарин, потому что там публиковались и другие, вполне положительные авторы, включая самого Ленина. Был такой большевик, Леонид Красин. Я сказал, что пишу исследование о нем, а он был вполне легитимной фигурой. Я заказал огромное множество журналов, и ждать их пришлось вечность, но я тогда приезжал надолго.

[...]

Мы сейчас говорим не об архивах, а о печатных изданиях, тем не менее, это интересно. Пару лет назад ко мне обратились из одной российской библиотеки... Нет, из архива семьи Бухариных в Мосгорархиве. Когда Бухарин незадолго до революции короткое время жил в Нью-Йорке, он публиковался здесь в издании под названием «Новый мир». И у них в России нигде, совсем нигде, нет этого издания. Можете себе представить? Ну да, это был эмигрантский журнал, издававшийся в Нью-Йорке, и возможно в Советском Союзе в годы террора все было уничтожено. В общем, я провел расследование, и оказалось, что журнал есть в Библиотеке Конгресса. Джеймс Биллингтон был моим коллегой в Принстоне до того, как возглавил Библиотеку Конгресса. Я написал ему, спросил, может ли он это сделать. Он ответил положительно и прислал мне все экземпляры (копии) «Нового мира», которые я затем отвез или отправил в Москву.

[...]

Бертен-Майо: Что ж, давайте поговорим о Бухарине...

Коэн: Помните, Александр Эрлих написал очень важную книгу «Дебаты о советской индустриализации в 1920-е годы». Половина книги была посвящена Бухарину, половина – его политическому и интеллектуальному оппоненту Евгению Преображенскому, потому что эти двое представляли две различные модели возможной индустриализации СССР в 20-е годы. Тема 1920-х годов была еще жива в Колумбии в мои дни – потому что история еще была жива. Помните, я пришел в эту сферу в тот момент, когда академические дисциплины в целом – и экономика, и социология, и, особенно, политология, но также и региональные исследования – подверглись вызову со стороны социальных наук. Все теперь должны были быть более «социально-научны». И хотя они говорили, что это не за счет истории, тем не менее, это было за счет истории. Я могу документально подтвердить это. Я всегда, биографически, был человеком «последнего вздоха» – не хочу раздувать свою значимость – типа, который все успевает в последний момент. Я сумел поступить в Колумбию, написать диссертацию по истории на факультете госуправления – не политологии, уж не знаю, сменил ли он название сейчас. И не просто диссертацию по истории, но биографию, что и на исторических факультетах не везде сегодня дозволено, а затем получить ассистентскую и профессорскую позицию в Принстоне на факультете политики, который сегодня хотя и не сменил название на политологию, но постепенно отказывается от исторических подходов.

[...]

Мы с Такером преподавали руссиеведение в Принстоне вопреки этим нарастающим тенденциям. Наша программа была составлена вопреки этому тренду. Мы не говорили студентам, что не нужно посещать эти курсы, но в наших главных курсах этого не было. Количественных методов не было в наших курсах. Сравнительный анализ, который

мы использовали в наших курсах, не был пустопорожним сравнением между Латинской Америкой и Россией. Это был сравнительный метод Такера, заключавшийся в проведении сравнения внутри российской истории. Реформы Александра II, реформы Хрущева, реформы Горбачева – отлично, изучай это. Это о России.

[...]

Если мы можем сосуществовать, что ж, отлично. Но беда в том, что люди, представляющие рацвыбор [рациональный выбор], социальные науки, они монополисты.

Люди с моего факультета в Принстоне – а это был факультет политики, не руссиеведения – говорили: мы должны взять в штат специалиста по рациональному выбору, придется смириться. Потом они говорили: ему одиноко, ему нужен коллега. Потом: нужно дать им аспирантов. И через десять лет факультет, который изначально был классического европейского типа – история, экономика, социология – на 80 % был уже чем-то совершенно другим. Поэтому после тридцати лет преподавания в Принстоне я понял, что пора уходить. Это была не главная причина, но я знал, что скучать не буду. 1960-е годы стали поворотным моментом в развитии этого интеллектуального тренда. И не только в руссиеведении, но и во всей американской научной сфере.

[...]

Бертен-Майо: Но вопрос в том, как далеко мы готовы зайти, чтобы не остаться в замкнутом пространстве, в одиночестве?

Коэн: Конечно, я говорю, отталкиваясь от автобиографии и того огромного влияния, которое оказал на меня Такер, который, между прочим, мог быть очень «социально-научным». Он писал книги на тему лидерства, что было одной из главных его тем, и сравнительного анализа и опирался при этом на психологические модели. Он часто был очень «социально-научным». Но когда речь заходила

о России, то для него ты либо знаешь историю, либо ты не знаешь ничего. Начинать надо с истории.

[...]

Нью-Йоркский университет добивался меня долгое время. А я много лет ждал приглашения от Колумбии. Мы вели переговоры, но ничего не вышло. Принстон был замечательным местом (если бы не необходимость ездить туда-сюда из Нью-Йорка). Но НЙУ в 1998 году был для меня почти идеалом, потому что у меня была маленькая дочь в Нью-Йорке и потому что я больше не хотел учить аспирантов. Не хочу показаться грубым, но мы обычно говорили, что аспиранты как герпес: они навсегда. В смысле, вы помогаете им с диссертацией, помогаете им с трудоустройством, потом они женятся, разводятся, им нужна новая работа. У меня были бывшие аспиранты, которые по возрасту были как мои старшие дети, и они по-прежнему звонили мне с вопросом: слушай, как мне поступить? Я любил работать со студентами. У меня это хорошо получалось. У меня на курс в Принстоне записывалось по триста-четыре человека. По рейтингам мой курс был самым лучшим, самым популярным, и даже, согласно самым едким студенческим оценкам, он был в топе. Они могли говорить неприятные вещи о каких-то моих привычках, но относительно моего курса они говорили: нельзя закончить Принстон, не пройдя этот курс. [...]

Словом, НЙУ смог предложить мне кое-что интересное. Во-первых, у них был факультет русистов, и, значит, мне больше не нужно было ходить на бесконечные заседания по поводу количественного анализа. Во-вторых, они настолько были во мне заинтересованы, что дали мне полставки. В деньгах я не нуждался, а свободное время мне было нужно, чтобы часто ездить в Россию: 1990-е годы и все прочее, включая открытие советских архивов.

Затем я оказался вовлечен в президентскую кампанию: мой друг выдвигался в президенты. Я пришел к декану

и сказал: я должен помочь ему, урежь мне нагрузку на один курс. Ранее предполагалось, что я буду читать два курса в семестр. Он согласился. А позже он пришел ко мне и сказал: знаешь, тот твой курс в Принстоне, который собирал по четыре сотни студентов, он нам нужен здесь. Я сказал, что подписался, что не буду этого делать. Я не хотел больше этого делать. Я не хотел иметь десять ассистентов и тратить время на то, чтобы наставлять их и контролировать. А он сказал: знаешь что? Читай этот курс, и у тебя будет только один курс в году. И я согласился. Я перенес тот свой гигантский принстонский курс в Нью-Йоркский университет. Только требование пожарного инспектора, который настаивал, чтобы в аудитории было одновременно не более 400 человек, ограничивало список желающих попасть на него. [...] Курс, который я читал в НЙУ, назывался просто «Россия после 1917 года». Его называли «Россия по Коэну», и в каком-то смысле это было действительно так. Я читал то, что сам считал важным и интересным...

[...]

Россиеведение снова входит в моду из-за Трампа и Путина. Это очень плохо, но для нас это шанс переосмыслить то, что мы делаем. Я больше не играю здесь действенной роли, поскольку не преподаю; по большей части я лишь наблюдатель, и то, что я вижу, не внушает мне оптимизма. Но я думаю – наверное, это касается изучения любой страны, но особенно страны с такой долгой цивилизационной историей – что если вы не понимаете многих аспектов цивилизационной истории России, будь то тысяча лет или три сотни лет романовского периода, то что бы конкретно вы ни изучали, вы мало что поймете.

[...]

Вот что еще интересно. У нас есть все эти люди во власти, включая руководителей центров изучения России – я мог бы назвать имена – которые твердят: мы были удив-

лены, когда Путин захватил Крым; мы были удивлены, когда Путин вошел в Сирию. На что я отвечаю: какого черта вы удивляетесь, если вы изучали Россию? Во-первых, Россия так реагирует, когда ее, выражаясь словами Путина, «загнали в угол». То есть, перед вами образец стандартной реакции руководства. Во-вторых, они же всё это обсуждали в прессе. Вы когда-нибудь читаете газеты? Они всю это обсуждали. Например, Юрий Лужков, мэр Москвы, пытался вести президентскую кампанию в 1999 году на лозунге возвращения Крыма. Вы знали, что эта идея циркулировала в политическом кровотоке. Как вы могли удивляться после того, как в феврале 2014 года был свергнут украинский президент?

Это не значит – и это понимают те из нас, кто занимается современной политикой – что наша задача – предсказывать. Это не так. В свое время я любил лошадей, скачки, и вот что я понял для себя: предсказать результат практически невозможно. В политике тем более. Но что ты действительно можешь, если обладаешь необходимыми знаниями, так это увидеть возможные варианты развития событий. Получается, никто не сказал президенту Соединенных Штатов, людям в институте Гарримана, редакторам наших ведущих газет и телеканалов, что если мы будем продолжать свою политику в отношении Украины, то Крым может оказаться вновь в составе России. А ведь они так много об этом говорили. Если бы вы знали историю Крыма и ту историческую призму, через которую Кремль смотрел на эти события, вы бы знали – не то, что Кремль это обязательно сделает, а то, что такой вариант возможен. И если бы все эти глупцы знали, что Россия может забрать Крым, возможно, они бы не сделали всего того, что сделали в 1913–1914 году в Киеве. Если бы им сказали: эй, вы думаете, что расширение НАТО – это круто? Это может быть совсем не круто, давайте подумаем о возможных последствиях. Но ничего подобного не было сделано.

[...]

И теперь везде гуляет этот – как это называется, мем? – о том, что Путин непредсказуемый и значит опасный лидер. Я считаю, что он самый предсказуемый российский лидер за много десятков лет. Во-первых, он почти всегда говорит то, что думает, в плане политики. Во-вторых, он предельно рационален. Всё просто, но люди продолжают заниматься демонизацией Путина и твердить о порочности его системы, о том, что это не мы, а они нарушают установленные правила.

Вот почему любой анализ должен опираться на историю.

[...]

И, кстати, делать это можно по-разному. Я убежденный сторонник идеи сравнений внутри российской истории. Один из моих лучших диссертантов, его зовут Ларс Ли, вообще один из лучших, хоть он и независимый ученый... Он написал диссертацию на тему хлебозаготовительных кризисов в России при царе, при Временном правительстве и при Советах. Его интересовали повторяющиеся формы реакции правительства на подобные кризисы, которые во многом были экзистенциальной проблемой России. И это не только очень интересно и увлекательно, но и важно, потому что заставляет задуматься о том, как российское правительство реагировало на те или иные проблемы на протяжении длительного времени, может, даже столетий.

[...]

Кстати, когда я пришел в профессию, было предпринято большое исследование на тему, была ли революция 1917 года перерывом в преемственности российской истории. Вышло два внушительных тома серьезных статей по материалам ряда конференций, и люди из Колумбийского университета принимали участие – Эрлих, Даллин и другие. Один том под редакцией Сирила Блэка, моего стар-

шего принстонского коллеги – «Трансформация российского общества». То есть, была ли революция действительно в корне преобразующим событием или она просто ускорила тенденции, уже имевшие место в российском обществе в XIX веке? А второй том, под редакцией, по моему, Симмонса, назывался «Преемственность и перемены в российской истории» и был посвящен тому же вопросу. Это были хорошие работы.

[...]

Бертен-Майо: Я читала вашу статью о советологии как призвании, написанную в середине 1980-х. [...] И у меня возник вопрос: как вы думаете, что нужно сделать, чтобы возродить «золотой век» советологии?

Козн: Знаете, я бы не использовал термин «золотой век»... Не было «золотого века». То, что сделало руссиеведение в Соединенных Штатах мощной академической областью, это не историческая традиция. Не было у нас и большой русской диаспоры, которая давала бы деньги и хотела обучать своих детей-то, что мы видим сегодня в Израиле. [...]

Все знают, как это произошло. Американское руссиеведение возникло в результате холодной войны. Люди, которые вышли из военных структур и из OSS [Управления стратегических служб] и других мест и которые не знали ни черта – они помогли этому состояться при поддержке Фонда Форда и других. Им дали денег, ну, вы знаете историю. Так что это был плюс. Не будем детьми: это был плюс. Иначе не было бы у нас этого десятка или около того хороших центров руссиеведения при крупных университетах от Гарварда и Колумбии до Индианы, Беркли, Иллинойса, Огайо, Висконсина и ряда более мелких.

[...]

В этом смысле влияние холодной войны было плюсом. Но вы знаете так же хорошо, как и я, что были и негативные последствия, и это был не только маккартизм. Впо-

следствии люди приходили на рынок труда, и рынок диктовал им: это важно, потому что мы должны знать советскую угрозу. Поэтому очень много курсов, посвященных коммунизму, и экспертов не имели никакого отношения к России или коммунизму. Например, Кондолиза Райс. Не хочу плохо говорить о ней, но я уверен, что она никогда не была экспертом по России. Я даже сомневаюсь, знала ли она русский язык в необходимой степени. Насколько я знаю, она защитила диссертацию на тему о поставках оружия из Чехословакии куда-то еще. Да, была масса студентов, которые приходили заниматься такого рода исследованиями. Они не приходили ко мне, но они были достаточно способными, чтобы получать в своих университетах мастерские степени и даже защищать диссертации по этим темам.

Хочу ли я сказать, что мы больше не должны этого делать? Это слишком жесткая позиция, но я думаю, что мы должны проявлять к этим исследованиям на тему холодной войны такие же высокие требования, как к работам о правлении Николая I, Александра II или Брежнева. То есть, оценивать эти работы по традиционным научным стандартам, а не пропускать со словами: ах, стратегические исследования, да, россиеведением здесь не пахнет, но, черт возьми, это часть нашего бизнеса.

[...]

У меня нет каких-то сильных убеждений по этому поводу, но я бы предостерег. Если мы могли бы сегодня начать заново – в определенном смысле, сейчас для этого, возможно, подходящий момент – я чувствовал такое после кончины Советского Союза. Такер обычно говорил: «Мы всегда изучали и изучаем Россию. Вот что мы изучаем. Мы не называли свою программу в Принстоне советологией, мы называли ее россиеведением. Советская эпоха была одной из эпох в истории России. Мы продолжаем». И это именно так: мы продолжаем. Ничто не отменяется.

Когда люди писали все эти статьи про то, что мы отстали от времени, ничего не понимаем, это потому что они не были настоящими специалистами по России. Они были специалистами по холодной войне, и они ошибочно считали, что холодная война закончилась. Я предупреждал их, когда не стало Советского Союза, что если Вашингтон продолжит в том же духе, мы получим новую холодную войну, которая будет хуже предыдущей, и мы ее получили.

[...]

И еще нам придется – не нам, потому что я уже не часть этого – но люди, которые будут думать о будущем россиеведения, не смогут рассчитывать на большое финансирование, как раз по причине новой холодной войны. Тогда, в первую холодную войну, финансирование было безграничным. Такер, бывало, говорил по поводу моих растущих из года в год курсов: «Всякий раз, когда Советский Союз вторгается в новую страну, у тебя появляется новая сотня студентов». И в определенном смысле это было так. Что можно было бы сделать сегодня, это переосмыслить интеллектуально, что значит изучать Россию, взглянуть на прошлое, что было хорошо, что не очень... Тогда мы настолько купались в деньгах, что подобных решений принимать не приходилось, люди принимали финансовые решения, не интеллектуальные... Так что, даже если речь опять о холодной войне, сегодня есть шанс изучить уроки прошлого и сделать правильные выводы.

И Институт Гарримана здесь, безусловно, в первых рядах. У них есть финансирование, у них есть имя, у них есть возможности. У них также есть большие проблемы, но я не буду их комментировать...

[...]

Я думаю, первое, что нужно сделать, это перестать делать какие-то вещи. Я имею в виду прежде всего публичные мероприятия Гарримана, которые всегда были его профилем и которые он адресуется не только университет-

ской, но и более широкой публике. Все эти многочисленные НПО [неправительственные организации], которые они поддерживают, это нужно прекратить. Университет не НПО. Они организуют мероприятия по правам человека, по гендерным вопросам, и по большей части это все пропагандистские акции в поддержку того или другого. Они презентуют их как академические события, но во всех этих «Поможем лесбиянкам в России!», поможем тем, поможем этим, нет ничего академического. Мое мнение по поводу этого: нет, это не наша миссия. Черные американцы не призывали Россию прийти и дать им гражданские свободы. [И американские геи] обошлись без русской помощи. Вот и русские сами разберутся.

[...] Я бы хотел, чтобы вместо этих вещей в Гарримане обсуждали интеллектуальные темы с уклоном в современную политику. И чтобы на этих мероприятиях были представлены не одна, а как минимум две-три точки зрения. Многое из того, что Гарриман делает сейчас, все эти акции в защиту – это аплодирование одной рукой, пустое сотрясание воздуха.

[...]

Меня очень беспокоит влияние бывших советских республик, ставших независимыми, но затаивших глубокую историческую обиду на Россию. Вы знаете, о чем я. Я имею в виду прежде всего украинцев и тот факт, что и в Гарварде, и в Колумбии украиноведение по сути слилось и перемешалось с россиеведением. И то же самое происходит в нашей профессиональной ассоциации, ASEEEES. Я думаю, что пришло время балканизации. Украинцы должны иметь свою ассоциацию, специалисты по балтийским странам свою и т. д. Мы могли бы иметь федеративную организацию, может быть, общее финансирование и центральное руководство, но они должны иметь свои национальные структуры. Потому что, когда я приезжаю на ежегодный съезд [ASEEEES] и вижу, что половина панелей

посвящена Украине... В смысле, если Украина действительно независимая и суверенная, почему они въезжают в Америку на спине россияведения? Они должны иметь отдельную дисциплину. [...] Словом, это проблема, но ее можно решить, если обозначить и подойти с умом.

Мне кажется, что эти мероприятия в Гарримане – а Гарриман это особое место – проигрывают, оттого что Институт не использует свою научную историю и репутацию. Если бы я руководил Институтом и мог диктовать... Они делают слишком много вещей... Они должны делать много, но они должны быть более избирательны и нацеливаться на более серьезный резонанс. Я бы сделал две вещи. Первое – что-то под общим названием «Переосмысливая главные исторические вопросы», обязательно в свете новых знаний, архивной революции и прочего. Это было бы очень научно и поднимало большие, очень большие вопросы, может, даже немного примитивно звучащие, типа: «Почему красные победили в гражданской войне?» Я бы даже вернулся к старой дискуссии Алека Ноува «Нужен ли был Сталин?» Или, например: «Был ли брежневский период действительно периодом застоя?» Или: «Была ли обречена перестройка?» Это все окаменевшие вопросы, ортодоксии, которые нуждаются в пересмотре, открытии заново.

И я не склонен приглашать русских в наши дискуссии, потому что они уже выросли, пусть организуют собственные дебаты в России. [...] У нас есть два, может, три поколения ученых: мое поколение, те, кого учил я, сорокапяти – пятидесятилетние, и их студенты, которые приходят в эту область, и у них есть свои ответы на сакраментальные вопросы россияведения.

[...]

Вторая серия, которую я бы организовал, касалась бы новостной повестки. Что-то типа: «Стоим ли мы на пороге новой гонки вооружений?» Да, стоим, но нужно истори-

ческое обоснование. Насколько будущее Украины действительно важно для американской национальной безопасности? Что-то в этом духе. Является ли Россия врагом Европейского Союза? Все вокруг твердят, что Путин хочет разрушить Европейский Союз. Зачем ему разрушать ЕС, если Россия зависит от поставок газа в Европу? Зачем? Я не понимаю. Значит, нам нужны люди, которые смогут объяснить эту ситуацию, смогут объяснить с разных перспектив, которые знают историю вопроса...

[...]

Разногласия это хорошо. [...] Это то, что движет интеллектуальную жизнь, научные исследования, понимание. Закрывать это все, отказаться от разногласий в отношении России, является глубокой ошибкой – а это именно то, что они делают, возможно, не отдавая себе отчета, но не всегда.

Они боятся конфликта. Почему? Они такие робкие? Не понимают? Интеллектуально ограничены? Зависят от влиятельных доноров? Вот почему я беспокоюсь по поводу финансирования украинских исследований, польских исследований, балтийских исследований. Эти деньги не могут поступать без определенных обещаний или хотя бы предположений, что они могут получить за эти деньги.

[...]

Помню, когда я пришел в профессию, у нас в Колумбийском университете были люди, которые предпочли синологию. Они говорили, что в россиеведении нечего делать, мол, все главные вопросы исследованы, в то время как в китаеведении, наоборот, все вопросы открыты. Но то было не более, чем заблуждение, профессиональное зазнайство. Так что вот как я вижу, в общих чертах, обретение Институтом Гарримана тех позиций, что он когда-то имел.

[...]

Сессия 3

Нью-Йорк, 6 апреля 2017 года

Коэн: [...] Одна из вещей, о которых мы еще не говорили, это то, насколько большую роль в россиеведении – советологии, я хочу сказать – играла идеология. Тогда ведь считалось, что советское руководство всегда было коммунистическим, или марксистско-ленинским. На одном фланге нашей профессии господствовало убеждение, что это не играло большой роли, что российские традиции или политическая целесообразность были более важны. А другой, очень сильный, фланг был убежден и до сих пор верит, что идеология была главной движущей силой, и если вы хотите изучать советологию, без знания идеологии вам не обойтись.

[...] Эта школа отчасти опиралась на работы Ханны Арендт о происхождении тоталитаризма. Помните, то была эпоха, когда на Советский Союз смотрели как на главную существующую модель тоталитарного устройства: второй, как считалось, была нацистская Германия, но она исчезла. Я в свое время, в начале 1970-х, выступил против этой модели как ведущего фактора для объяснения советской истории и советской политики. И это тоже было под влиянием Такера. [...] Такер в начале 1960-х написал статью «Диктатор и тоталитаризм». Он не отрицал тоталитарную модель, но писал, что она упускает из виду личность диктатора, Сталина. Такер как биограф Сталина был очень лично-ориентированным. Но мне аргументация Такера показалась неубедительной, поскольку, если роль диктатора так важна, то все остальные структурные элементы, из которых Арендт, Бжезинский, Фридрих и другие выстроили свою тоталитарную модель – то ли пять, то ли восемь признаков – теряли смысл. Они либо трансформировались под властью диктатора, в зависимости от его взглядов на мироустройство, либо сами по себе не были важны; это были просто черты, присутствующие

в любом обществе, но доведенные до крайности, скажем, в нацистской Германии.

Отсюда вопрос: что было бы, если бы Гитлер умер в 1934 году? Если бы Сталин умер в 1934 году? Развивалась бы история так же, как с ними? Скажем, был бы «большой террор» в России? Одни люди говорили да, потому что все двигалось этими объективными тоталитарными факторами, вроде идеологии и монополистического контроля. А другие говорили, что это зависит от личностей премников, тех, кто пришел на смену Сталину и Гитлеру. [...]

Потом вопрос насчет марксизма-ленинизма в России. Надо ли знать марксизм-ленинизм, чтобы понимать советскую историю и политику? Если да, то надо помнить, что марксизм-ленинизм сам по себе был искусственным конструктом. Маркс никогда не думал о возможности применения его учения к такой стране, как Россия. Он выстроил модель на основе британского индустриального капитализма и добавил к ней политическую модель Французской революции, то есть его учение по сути своей было западоцентрично. [...] А Россия была на 82 % крестьянской страной. И политическое будущее конструкта под названием «марксизм-ленинизм» было на самом деле на востоке. Следующим был Китай, который был еще более крестьянской страной... Отсюда вопрос: должен ли специалист по России погружаться в идеологию и если да, то как глубоко? Нужно ли изучать Маркса?

В этом плане были как минимум две значимые вещи, которые слились в 1960-е годы. Первое – открытие ранних рукописей Маркса, которые были опубликованы еще в 20-е годы, но стали известны только в 60-е. Они явили совершенно иного Маркса – Маркса-гуманиста, более заинтересованного в анализе личности [а не классов]. Такер написал об этом свою первую книгу – «Философия и миф у Карла Маркса». Поэтому, когда я попал к Такеру в Индианском университете, мы, его студенты, разбирали на

семинарах Гегеля, Маркса, немецкую философию и все такое. Какое отношение это имело к изучению России, было не очень понятно, но Такер считал, что имело. Так что вот вам первый фактор.

Второй фактор заключался в том, что после (и вследствие) эпохи маккартизма быть марксистом для молодого интеллектуала значило иметь проблемы. Я никогда не был марксистом. Мой интерес к Марксу был чисто интеллектуальным... Но были люди, которые [считали себя марксистами]. Тогда была Вьетнамская война, и некоторые молодые американцы, по не очень понятным причинам, объявили себя марксистами. Трудно сказать, чего здесь было больше, протеста против империализма и войны или интеллектуальной приверженности идеям. Да и как это разделить?

[...]

Но вернемся к вопросу о марксизме в тот период, когда я попал в Колумбийский университет. В Индиане из немногочисленных профессоров-россиеведов Такер был единственным питавшим интерес к Марксу. И я уже говорил, что считаю Такера великим американским россиеведом не только своего поколения...

[...]

Помните, я говорил о разнообразии преподавателей в Колумбийском университете? И это было не только интеллектуальное разнообразие, но и биографическое. Так вот, среди старших преподавателей Русского института и людей близких к нему были [те, кто был связан с марксизмом]. Например, профессор факультета госуправления Отто Киршхаймер.

[Маленькая предыстория.] В Колумбии на факультете госуправления, сейчас это назвали бы политологией, была смутная тяга к компаративистике. Нельзя было взять одну страну для изучения, сказать: я буду изучать Россию. Нет, надо было взять как минимум три политические системы.

Некоторые брали Америку, потому что это было знакомо, можно было использовать школьные знания. Я взял Британию, потому что я там жил и кое-что знал. Нужна была третья, и я выбрал Францию, хотя и не знал языка. Я знал русский, но мне пришлось провести два месяца на ускоренных летних курсах, чтобы научиться хотя бы читать по-французски. На экзамене нам позволили пользоваться словарем, так что я с горем пополам сдал. Так вот, Киршхаймер помогал мне готовиться к экзамену по французской политической системе.

Профессор Киршхаймер был интересный человек. Он очень интересовался Россией, и на то были причины. Во-первых, он написал книгу под названием «Политическое правосудие» о показательных политических процессах в истории, поэтому испытывал профессиональный интерес к показательным процессам во время чисток в России. Вторая причина заключалась в том, что его жена (бывшая, как я понял) работала в коммунистическом правительстве Восточной Германии. У Отто было много проблем в США. Не знаю, в каких отношениях они с женой были в тот период, но это преследовало его по жизни. Я помню все эти разговоры в Колумбии: он отличный, умный человек, но вы знаете, его жена... У Киршхаймера был сильный немецкий акцент, порой его даже трудно было понять. И он все время задавал вопросы по марксизму, потому что был немец, как и Маркс, и он во всем этом вырос, для него это было нормально.

[...] Были и другие люди, которые, не будучи марксистами, выросли в обстоятельствах, в которых марксизм был нормальным, в 1930-е годы. Поэтому, если вас интересовал марксизм – не как идеология Советского Союза, а как интеллектуальная предтеча Ленина и большевиков... А я должен был интересоваться, потому что Бухарин, мой предмет исследования, был выдающимся марксистом... Но, в отличие от Ленина, который не интересовался Ве-

бером, Бухарин находился еще и под сильным влиянием веберовской социологии, которая была своего рода критическим ответом Марксу. Стюарт Хьюз из Гарварда написал книгу «Сознание и общество», где утверждал, что вся современная социология – это спор с мертвым Марксом. [...] И мне как биографу приходилось во всем этом разбираться.

[...]

Но в Колумбии эти вещи никого не интересовали. Интересовало влияние марксистской идеологии на методы управления, на режим, на общество, которые мы изучали в Русском институте. Насколько я знаю, ни в одном другом крупном центре руссиеведения Америки такого элемента не было. Гарвардский центр находился под сильным влиянием его основателей, русских историков-эмигрантов типа Карповского, которые презирали марксизм: мол, это все о России, причем тут Маркс?

В Колумбии роли идеологии придавалось очень большое значение, но если вы находили ту идеологию узкой и стерильной – как некий функционал, вброшенный Арендт и Бжезинским – а вам хотелось заглянуть поглубже, то такие люди тоже были. Если взглянуть на книгу Эрлиха «Дебаты о советской индустриализации», то это, по сути, разные марксистские взгляды на индустриализацию. Бухарин представлял одно крыло русского марксизма, Преображенский, связанный с Троцким, – другое. Эрлих поставил в книге два важных вопроса. Были ли эти предложенные большевистскими мыслителями схемы индустриализации полноценными моделями модернизации, с точки зрения современной экономики? (Тема модернизации была тогда очень модной.) И второй: кто из них был прав, с точки зрения марксизма? [...]

Так что мне было с кем поговорить и спросить совета. [...] Я думаю, если оглянуться и спросить, кто в американском руссиеведении был открыт к разговору не об офици-

альной идеологии, мертвой идеологии, а о ее марксистских интеллектуальных корнях, то – к счастью для меня – Колумбия была тем местом, где были такие люди. И это было то, что не нуждалось в рекламе, это существовало на уровне отдельных профессоров...

[...] Меня заинтересовало, а были ли настоящие марксисты в Советском Союзе? Оказалось, были. Они скрывались на философском факультете Московского государственного университета и кое-где еще. Когда в середине 1960-х годов началось диссидентское движение, и они стали обнародовать свои рукописи, выяснилось, что некоторые из них яростно спорили с Марксом. Самым известным стал Александр Зиновьев, который написал книгу «Зияющие высоты». Он уехал за границу, много лет жил в Швейцарии, потом вернулся в Россию. Он был выдающейся фигурой на философском факультете МГУ и оказал большое влияние на следующее поколение советских и постсоветских философов. В Москве сегодня есть культ Зиновьева – не потому что он был диссидент, а потому что вдохновил развитие философской мысли. Во времена печатной цензуры он обсуждал все эти вопросы со своими студентами в университете. Так что он заново открыл эти вопросы, о том, кто был Маркс, что такое марксизм и как всё это связано с Россией.

И хотя в Колумбии эти вещи не преподавали, там были люди из числа старшей профессуры, которые были готовы ответить на эти вопросы – если находился тот, кто был открыт, кто готов был слушать. Это, на мой взгляд, был ценный ресурс Русского института.

[...]

[В университете было понимание, что если ты талантливый и подающий надежды аспирант, ты должен поехать в Советский Союз по программе обмена IREX – Совета международных научных исследований и обменов.] Для меня дело осложнялось тем, что для поездки по обмену нужно

было хорошо знать русский язык, а я не знал. Поэтому многие из нас ездили на эти ужасные летние интенсивные языковые курсы. Ну, вы знаете – эти, восьминедельные. Я поехал в Индиану. Это было одно из двух мест, которые IREX предлагал вам на выбор: Миддлбери или Блумингтон, Индиана. Я был плохим студентом, потому что терпеть не мог грамматику, никогда не понимал ее, терпеть не мог интенсивные курсы и терпеть не мог людей там, которые все были лучше меня. Там был один немец... Поскольку немцы склоняют и спрягают, как русские, он понимал всё. Поэтому я просто посещал занятия, а по вечерам играл в бильярд и нарушал письменное обязательство говорить в течение восьми недель только по-русски. Так что я гонял шары в тех же бильярдных, где приобрел эту привычку, еще учась в Индианском университете.

Результат вы можете видеть сегодня: я хорошо читаю по-русски, но говорю безграмотно. Я съедаю окончания. Просто я заметил, что не слышу окончаний, когда говорят сами русские. А раз им можно говорить нечетко, почему мне нельзя? Трудность была еще в том, что моя жена, которая должна была поехать со мной в Советский Союз, тоже должна была выучить русский язык. Поэтому моя бедная Линн, оперная певица, потащила со мной в Блумингтон. [...] А потом, после всех мытарств с языковыми курсами, русские отказали мне. Они несколько раз отказывали мне в студенческом обмене, хотя я подавал заявление от Русского института, потому что знали, что я занимаюсь Бухариным. Я всегда говорил им, что занимаюсь советским министерством внешней торговли в 1920-е годы, но они знали. Мне так и не довелось съездить в Россию по студенческому обмену. Это произошло позже, и это было уже в рамках академического обмена.

[...] Позже, когда я стал преподавать в Принстоне, и моей женой уже была Катрина [ванден Хювел]... Она быстро нашла свой собственный интерес в России, она лучше меня

говорила и понимала по-русски, и обросла там собственными связями. [...] Году примерно в 1986 Катрина вместе с Колетт Шульман [ныне член Национального консультативного совета Института Гарримана] и их русскими подругами основали там феминистский журнал «Мы и вы». Идея была в том, чтобы наладить диалог между американскими и российскими женщинами по гендерным, женским вопросам. У нас в стране уже было развитое феминистское движение, все эти звезды с их политическими достижениями, а в России почти ничего этого не было. Посыл со стороны Катрины и Колетт заключался в том, чтобы не наставлять, не указывать русским, что им делать, а просто разговаривать с ними на разные темы. И вот они создали этот журнал, тираж был, по-моему, несколько тысяч, точно не знаю, меня это не интересовало. Но они несколько лет занимались этим проектом, и он оказал большое влияние. Многие российские женщины, которые приезжали потом в Институт Гарримана в качестве стипендиатов, как, например, Надежда Ажгихина, выросли из этой ассоциации.

[...]

Бертен-Майо: Давайте поговорим о ваших поездках и опыте жизни в России, о переменах в этой жизни, которые происходили на ваших глазах.

Коэн: Это трудно. Это должно будет стать темой моих воспоминаний, которые я, наверное, никогда не напишу, но постоянно думаю об этом. [...] Итак, первый раз я попал в Россию, как я уже говорил, в 1959 году, когда был в университете Бирмингема. Я не знал русского языка, я увидел пробуждающуюся страну и приобрел интерес к России, затем вернулся в Индианский университет. После я ездил в Россию, насколько я помню, в начале 1960-х по программе языкового обучения: пять недель в Блумингтоне и пять недель в Советском Союзе. Я помню человека, который нас возил, у него была фамилия Беббе.

Он был хороший профессор, только очень дергался, боялся, что мы что-нибудь натворим. Мы ездили по стране и практиковали свой русский язык.

[...]

Итак, это было в 1963 году. Потом я еще раз ездил по туристической или языковой визе. Потом, как я уже рассказывал, я два раза получил отказ от советской стороны на свою заявку по студенческому обмену, потому что они знали, что я занимаюсь Бухариным. Потом я стал профессором в Принстоне и уже мог претендовать на академический обмен. Потом в 1973 году была опубликована моя биография Бухарина. Об этом быстро стало известно в Советском Союзе, и я получил письмо от одного норвежского корреспондента, который сообщил мне, что о книге узнала вдова Бухарина, и она готова тайно со мной встретиться, если я приеду в Москву.

В 1975 году я со своей первой женой Линн поехал, кажется, в Рим, на большую конференцию по Бухарину, организованную итальянской компартией и (вы не поверите) китайской компартией. Бухарин все еще был запрещенной фигурой, поэтому Советский Союз делегации не прислал. Оттуда мы поехали в Москву, где я впервые встретился с вдовой Бухарина и ее сыном. Та поездка была настоящим приключением: тайные встречи и все такое. Она дала начало отношениям, которые с годами становились все глубже. Оказалось, что ее сын Юрий в компании с кем-то еще занимается переводом моей книги на русский язык. Этот перевод затем был опубликован здесь, в США, в издательстве «Ардис» Карлом Рэем и Эллендеей Проффер – людьми, которые публиковали Бродского и другую запрещенную тогда в России литературу. Они же опубликовали моего «Бухарина». Три тысячи экземпляров. Две с половиной тысячи из них с помощью налаженной системы связей через иностранные посольства попали потом в Советский Союз и широко разошлись по рукам.

Это издание попало в руки Горбачева, и он его прочел. Позже, в 1989 году, оно было переиздано в Москве. «Ардисовское» издание называлось «красным», это был «тамиздат» (по аналогии с «самиздатом»)… К концу 1980 года оно вовсю гуляло по Москве.

Так я начал часто ездить в Москву. Я преподавал в Принстоне и старался подгонять отпуск под нужное мне время. Однажды я даже воспользовался… Женщинам-преподавателям был положен декретный отпуск. [Когда родилась моя дочь Ника] я сказал, что отцам тоже должны давать декретный отпуск, и они сказали: ты прав, что ж, возьми семестр. Я взял семестр, и мы с Катриной и Никой поехали в Москву. Начиная с 1976 года, я старался – как угодно: по обмену, за свой счет – проводить в России несколько месяцев в году. И до 1982 года, когда у меня отобрали визу, мне это удавалось. Когда в марте 1985 года к власти пришел Горбачев, уже через несколько недель мне позвонили и сказали, что я могу снова запросить визу, и мы с Катриной тут же их получили.

Я провел много времени в России, но особенно насыщенной моя жизнь там была в годы перед перестройкой. Но и после 1985 года тоже, потому что реформы, о возможности которых я писал, начали происходить наяву. Это была тема моей работы – возможность реформ или хотя бы продолжения реформ, начатых при Хрущеве. Поэтому я должен был быть на месте. В 1987 году я встретился с Горбачевым, по его просьбе, в Вашингтоне. Поскольку теперь у меня были связи в горбачевском руководстве, в среде диссидентов и бывших узников Гулага, с которыми я познакомился в 1970-е и начале 1980-х годов и которые теперь начали выходить на публичную сцену, и в печатных изданиях, где начали отменять цензуру, я оказался в самой гуще процесса и мог оценивать его изнутри.

Оглядываясь на все это, я опять же думаю [...] что, возьмись я писать мемуары, я назвал бы их «Русская судьба». Подзаголовок мог бы быть, чтобы привлечь внима-

ние читателей, «Из Кентукки в Москву и обратно», что-то в этом роде. Но я и правда теперь много об этом думаю. Каков был урок? Что дал мне мой советский опыт? Урок был в том, что он научил меня смотреть на вещи и понимать их на нескольких уровнях.

На макроуровне оказалось, что та, внешне насквозь контролируемая, система, которую мы изучали, на деле такой не была. Это был бардак. Я всегда привожу пример с переписью населения, как ее там проводили. Люди лгали переписчикам, и все это знали. Или вопрос прописки – регистрации человека по определенному адресу. Если человек из провинции хотел, но не мог прописаться, например, в Москве, размеры которой власти строго контролировали, он мог это сделать с помощью фиктивного брака.

[...]

Система называлась тоталитаризмом, но если государство даже не знает, где проживают его граждане, какой это тоталитаризм? Это было частью той долгой постепенной эволюции, о которой писал Моше Левин – профессор Пенсильванского университета и мой большой друг. Он говорил: «Большой Брат уснул». Он приписал эти слова мне, но я не помню, чтобы когда-нибудь это говорил. Он считал, что за счет социальных изменений, образования и других вещей общество научилось избегать контроля государства. Поэтому вся эта тоталитарная модель, даже если она когда-то и имела смысл – а лично я никогда так не думал – и вообще слово «тоталитарный» всегда было, как выразился кто-то, «бьякой этикеткой для бьякой системы».

[...]

Воспользовавшись отчасти подходом экономистов, изучающих черный рынок, я представил, что между предполагаемым «красным монолитом», каким была советская система наверху, и черным рынком, нелегальной ее частью внизу, были и другие уровни разного цвета: розовый, бежевый, серый... И когда представишь это, возника-

ет совсем другая модель. Мы должны бросить изучать эту ерунду про тоталитарный монолит – мы должны изучать каждый уровень.

[...]

И еще один момент. Благодаря моим связям с семьей Бухарина и гулаговцами, которые вывели меня на диссидентское движение, и моим связям с диссидентами из числа номенклатуры и Академии наук, с которыми я общался по линии научного обмена, и благодаря моей книге о Бухарине, вызвавший огромный интерес... очень многие в России хотели со мной поговорить. При этом, в отличие от большинства американцев и особенно американского правительства, которые любят поучать русских, мол, вы должны делать то-то и то-то, я никогда не хотел поучать. Я хотел слушать.

Я часто прикидывался таким полуобразованным, но не очень понятливым американцем, которому всё нужно объяснять очень детально. Учитывая мой плохой русский, в это было нетрудно поверить. «Он, типа, совсем тупой». Поэтому мне всё долго и подробно объясняли. При этом у меня была репутация человека, которому можно доверять, и я ни разу ее не нарушил. Я никогда не делился полученной информацией не только с властями, но даже с другими русскими, даже с друзьями. И еще один факт: так сложилось, что у меня были связи и наверху, и внизу советского общества. Я, наверное, был единственным американцем моего поколения с таким – как бы сказать? – почти не ограниченным доступом [к советской жизни]. Мое единственное ограничение было в том, что я жил только в Москве.

Да, советская жизнь может показаться нам с вами тяжелой и непривлекательной, но в ней были достоинства, которые отсутствуют в американском обществе. Например, особая роль дружбы. В русском языке есть два слова: «друг» и «знакомый». Мы, американцы, не так щепетильны. Познакомился с человеком, выпил с ним и говоришь: он друг. А он

не друг, он знакомый, вы же только познакомились. Когда-нибудь, возможно, он станет другом. Я часто спрашиваю людей: сколько у вас друзей (без учета родственников)? Если человек говорит: десятки, я говорю, что этот человек понятия не имеет, что такое дружба. Эти десятки просто знакомые или хорошие знакомые. Но для русских эта разница была предельно важна. Потому что «друг познается в беде», в России настоящая дружба – та, что проверена.

[...]

О том, что сама история страны в конце концов приведет к реформе, я думаю, я знал еще до того, как начал жить в России. Но когда я стал там жить, я своими глазами мог видеть, как формируются движущие силы реформы. Позже говорили, что я предвидел перестройку. Например, в моей книге «Переосмысливая советский опыт», в последней главе «Друзья и враги перемен», я писал: «Мы должны быть готовы к появлению нового реформаторского движения». Потом мне воздадут должное. А в то время многие говорили, что это невозможно. Но в одном отношении я сильно ошибся.

То, что я имел в виду, должно было быть современной версией реформ Хрущева: либерализация, чуть-чуть больше рынка, ослабление официальной цензуры, – но не фундаментальное изменение структуры политической системы. То есть, я не предвидел настоящей демократизации, того, что предпринял Горбачев. Как минимум в 1987 году он уже имел намерение демократизировать Советский Союз. Этого я не предвидел. Но я был готов к этому. То есть, я понял, когда он начал делать это. На протяжении многих лет я вел долгие беседы с Горбачевым, потому что у нас сохранялись близкие отношения. Я часто спрашивал его: в какой момент? Я знал, когда ты оставил позади Ленина, я это понял. Но когда ты оставил позади Хрущева? Когда решил пойти дальше? Он говорил о своей эволюции в европейского социал-демократа. Это мало что

объясняет, но знаете, скоро выходит книга о Горбачеве Билла Таубмана, посмотрим, смог ли он найти объяснение. [Книга Таубмана «Горбачев. Его жизнь и время» вышла в 2017 г. – Прим. перев.]

[...]

Я очень политический человек в интеллектуальном плане. И совсем не политический в плане участия в политике. Мне нет дела до Республиканской или Демократической партии (в отличие от Катрины). Я даю деньги каким-то кандидатам, которых считаю хорошими, а они частенько оказываются совсем не такими хорошими. Я знаком лично с некоторыми крупными американскими политиками и поддерживаю с ними хорошие отношения на протяжении многих лет. Я общался с Джорджем Бушем-старшим, я вам рассказывал. Я участвовал в президентской кампании Гэри Харта, я помогал Билли Брэдли – бывшему баскетболисту и моему другу. Обе президентские кампании провалились.

Я не сторонюсь политики. Просто она неинтересна мне ни как карьера, ни как хобби. Но она заставляет меня думать политически о моей собственной стране – с учетом и под воздействием того, что я увидел в России и в совершенно других обстоятельствах...

[...]

Бертен-Майо: Мы говорили вчера по поводу будущего Института Гарримана... Вы не думаете, что сейчас настал момент им снова выйти на сцену?

Коэн: У них есть шанс, но [...] все зависит от Алекса [Александр Кули – директор Института Гарримана в 2015–2021 годах. – Прим. перев.]. На нем большая ответственность, поскольку Гарриман сегодня, возможно, единственный центр россиеведения, который может оказать влияние на других. Но сможет он или захочет ли, я не знаю.

[...]

Эта история с деньгами, которые фонд Катрины выделил ASEEES на стипендии для шести диссертантов – мы

с вами не говорили об этом, но это было отвратительно. Когда они сказали, что возьмут деньги, только если она уберет из названия стипендии мое имя, Катрина пришла в бешенство и сказала, что не даст им ничего вообще: пошли к черту, это возмутительно. Она оскорбилась не только из-за меня, но и потому что изучала эпоху маккартизма, когда происходили подобные вещи.

Катрина передумала после того, как я написал письмо, частное письмо руководству ASEEEES, в котором на пяти страницах изложил мое видение ситуации. Я, кстати, не «сливал» его в медиа, если утечка и произошла, то случайно. Но письмо попало к людям, которые организовали протестную петицию, ее подписали где-то 150 человек, многие из которых были несогласны с моими трактовками истории, моими взглядами на Украину, на Путина. Они выступили против решения Совета, и тот пошел на попятную. А, поскольку Катрина верит в низовую политику, она тоже пошла на попятную. В общем, Совет согласился оставить мое имя, а Катрина вернула свое щедрое и такое нужное пожертвование.

Но весь этот скандал длился несколько месяцев и оказал токсичное воздействие... Это часть той исторической ситуации, которую мы сейчас проживаем, и люди в ней действуют так, как действуют. Они либо делают правильные вещи, либо не делают. И я думаю, это тест для нашего россиеведения – как мы реагируем на эту новую ситуацию холодной войны... Что люди, изучающие Россию, будут делать в данной ситуации, опираясь на свои знания? Да, в основном мы живем в своей башне из слоновой кости, но не всегда. Россиеведение уже переживало нечто подобное раньше... Сегодня новый и более сложный период. Поэтому, если говорить о будущем Гарримана, это те вещи, о которых они должны говорить. К каким бы выводам они ни пришли.

[...]

The photo from
Stephen Cohen's
family album is
published for the
first time

Из семейного
фотоальбома
Стивена Коэна.
Публикуется
впервые

*Steve warning Nika of the dangers of Stalinism. Moscow, Музеон, 1992.
Стив предупреждает дочь Никку об опасности сталинизма.
Москва, Музеон, 1992 г.*

*At US Embassy Fourth of July party, 1993.
На приеме в Посольстве США 4 июля 1993 г.*

*At ASEEEES 1993 Conference, dinner with Robert Tucker family and graduate student.
С семьей Роберта Такера и аспирантом на конференции ASEEEES в 1993 году*

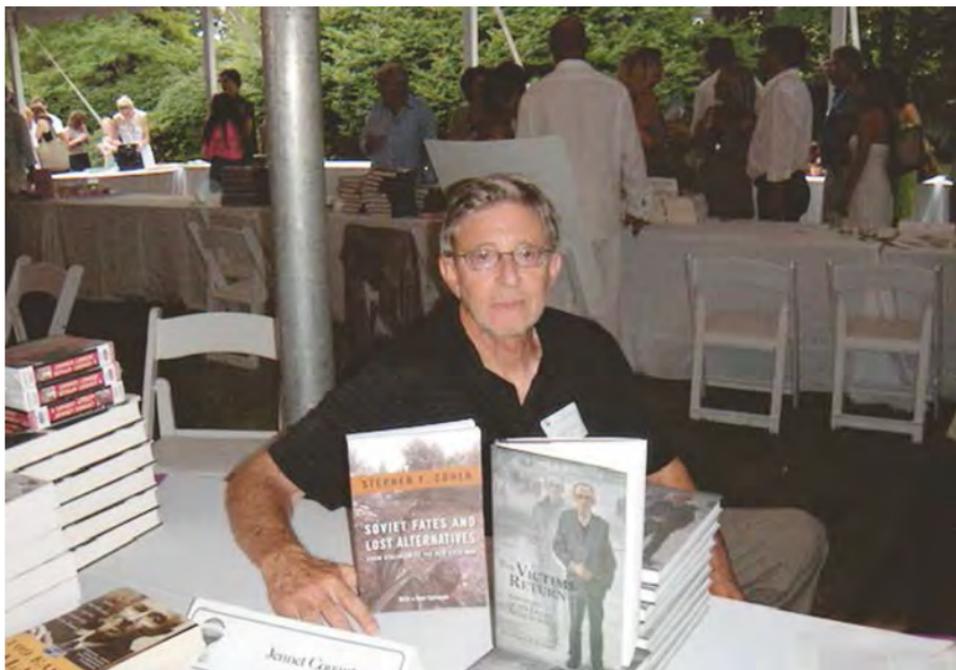

*Meeting with students of the Russian State University of Trade and Economics.
Seated, left to right: Leonid Dobrokhотов, Sergei Baburin, Stephen Cohen, and Katrina vanden Heuvel.*

Встреча со студентами Российского государственного торгово-экономического университета. Сидят, слева направо: Леонид Доброхотов, Сергей Бабурин, Стивен Коэн и Катрина ванден Хувел. Март, 2009 г.

*With children Andrew, Nika and Dusty, 2010.
С детьми Эндрю, Никой и Дасту, 2010 г.*

*East Hampton book fair, 2011.
На книжной ярмарке в Ист-Хэмптоне, 2011 г.*

*With grandson Lucas, Long Island, 2010.
С внуком Лукасом, Лонг-Айленд, 2010 г.*

*Long Island, September 2010.
Лонг-Айленд, сентябрь 2010 г.*

*East Hampton book fair, 2011.
На книжной ярмарке в Ист-Хэмптоне, 2011 г.*

A traditional meeting with Moscow friends. Left to right: Irina Kliushnikova, Stephen and Katrina, Mikhail Fadeev, Nadezhda Azhgikhina, Gennady Bordiugov, Nadezhda Fadeeva, Tatiana Baeva. March 2011.

Традиционная встреча с московскими друзьями. Слева направо: Ирина Ключникова, Стивен и Катрина, Михаил Фадеев, Надежда Ажгихина, Геннадий Бордюгов, Надежда Фадеева, Татьяна Баева. Март, 2011 г.

With Director of the Museum of GULAG history Roman Romanov and President of AIRO-XXI Gennady Bordiugov, March 2011.

С директором Музея истории ГУЛАГа Романом Романовым и президентом АИРО-XXI Геннадием Бордюговым, март 2011 г.

Testifying before House Committee on US-Russian Relations, 2015.

Выступление на заседании комитета Палаты представителей Конгресса США по американо-российским отношениям, 2015 г.

With Professor Alex Rabinowitch at ASEEEES Convention, November 2015.
С профессором Алексом Рабиновичем на ежегодном съезде Ассоциации славянских, восточноевропейских и евроазиатских исследований, ноябрь 2015 г.

*At basketball tournament with Nika, Dusty and grandson Lucas, 2016.
На баскетбольном турнире с Никой, Дасты и внуком Лукасом, 2016 г.*

*Yalta, Crimea, August 2017.
Ялта, Крым, август 2017 г.*

*With Katrina in Khersones, Crimea, August 2017.
С Катриной в Херсонесе, Крым, август 2017 г.*

*Livadia, Crimea, August 2017.
Ливадия, Крым, август 2017 г.*

Katrina by the bust of Franklin D. Roosevelt at Roosevelt Street, Yalta, August 2017.

Катрина рядом с бюстом Франклина Рузвельта на ул. Рузвельта в Ялте, август 2017 г.

*In Sevastopol, Crimea, August 2017.
В Севастополе, август 2017 г.*

*With Gennady Bordiugov. Livadia, August 2017.
С Геннадием Бордюговым. Ливадия, август 2017 г.*

*At the beach, 2018.
На пляже, 2018 г.*

CONTENTS

Stephen Cohen's Never Written Memoirs:

A Foreword

Gennady Bordyugov and Katrina vanden Heuvel..... 5

I. ABOUT NIKOLAI BUKHARIN'S POLITICAL BIOGRAPHY, HISTORY OF RUSSIA, AND SCHOLARLY METHODS

Soviet Switch Permits Publication of Cohen's Bukharin
Biography By Norimitsu Onishi. *The Daily Princetonian*,
Princeton, October 10, 1988.....19

Steven Cohen's letter to Valery Pisigin, a founder
of the Bukharin Political Club. *July 29, 1988*..... 25

Stephen Cohen's letter to Valery Pisigin. *September 25, 1988* 31

The Bukharin Political Club's invitation for Stephen Cohen
and Katrina vanden Heuvel to attend the third memorial
Bukharin conference in Naberezhnye Chelny.
December 8, 1988..... 37

Stephen Cohen's letter to Valery Pisigin. *December 16, 1988* 38

A telegram from Steven Cohen and Katrina vanden Heuvel
to Valery Pisigin and the Bukharin Club in Naberezhnye
Chelny. *October 9, 1989* 41

Stephen Cohen's letter to Robert Conquest,
a British-American historian and poet. *July 28, 1997* 43

Robert Conquest's letter to Stephen Cohen. *July 29, 1997*..... 47

A letter of Georgi Derluguian, a Russian and American
sociologist and historian, to Stephen Cohen.
November 22, 2004..... 49

Stephen Cohen's opening speech at the memorial service
in honor of Professor Robert Tucker.
Princeton, October 1, 2010 54

From Stephen Cohen's letter to Nikita Petrov,
The Memorial's archive researcher. *February 13, 2012*..... 65

From Stephen Cohen's letter to Zhanna Artamonova, a researcher of the Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). <i>April 12, 2012</i>	68
Orlando Figes and Stalin's Victims By Peter Reddaway and Stephen F. Cohen. <i>The Nation, May 22, 2012</i>	72
From Stephen Cohen's letter to Zhanna Artamonova. <i>October 5, 2012</i>	78
From Stephen Cohen's letter to Olga Maksakova, the wife of Yuri Larin, Nikolai Bukharin's and Anna Larina's son. <i>November 11, 2012</i>	83
From Stephen Cohen's letter to Yuri Larin (c/o Olga Maksakova). <i>December 28, 2012</i>	85
From Stephen Cohen's letter to Zhanna Artamonova. <i>January 20, 2013</i>	89
From Stephen Cohen's letter to Nikita Petrov and Zhanna Artamonova. <i>February 9, 2013</i>	93
Stephen Cohen's panel discussant speech ASEEES National Convention. <i>Boston, November 22, 2013</i>	96
From Stephen Cohen's letter to Nadezhda Fadeeva, Anna Larina's daughter. <i>August 15, 2015</i>	104
A letter of Ludmila Kosheleva, RGASPI archive researcher, to Stephen Cohen. <i>June 12, 2017</i>	111
New Yevtushenko Poem Praises Stalin Victim By David K. Shipler. <i>Published in The New York Times, January 19, 1988</i>	116

II. A PROFESSOR, A MENTOR, A LECTURER

He Was the Best. <i>Pine Crest Today, January/February 1969</i>	129
Stephen Cohen's comments on Doug Weiner's graduate student paper «Unemployment and the Peasant Otkhod in the NEP Period». <i>Princeton University, Department of Politics December 3, 1975</i>	133
Students rates Soviet Politics as Best Course for fall term By Mark Chass. <i>The Daily Princetonian, December 1982</i>	139

A Scholar and a Showman By Sissy Danforth. <i>Princeton Alumni Weekly, May 22, 1985</i>	141
Cohen uses Soviet humor to educate as well as entertain By Scott Angstreich. <i>Princeton Weekly Bulletin</i> , <i>April 30, 1990</i>	142
Comments on the meeting of Stephen Cohen and Katrina vanden Heuvel with students of the Russian State University of Trade and Economics. <i>March 18, 2004</i>	150

III. ABOUT U.S. RUSSIA POLICIES AND RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS

Gorbachev the Great By Stephen F. Cohen. <i>The New York Times, March 11, 1991</i>	157
Testimony on U.S. Policy toward Russia to U.S. Senate Committee of Appropriations By Stephen F. Cohen, Princeton University. <i>January 24, 1994</i>	163
Help Russia By Stephen F. Cohen and Katrina vanden Heuvel. <i>The Nation</i> editorial, <i>January 11/18, 1999</i>	178
Stephen Cohen's answer to an article criticizing his book <i>Failed Crusade: America and tragedy of Post-Communist Russia. The Chronicle, January 12, 2001</i>	187
Stephen Cohen and Katrina vanden Heuvel's letter to Sergei Nacharov (<i>Izvestia</i>) on selecting them <i>Izvestia's</i> «heroes» of 2007. <i>December 9, 2007</i>	191
From Stephen Cohen's handwritten notes on his book <i>Soviet Fates and Lost Alternatives</i> for his meetings with readers in 2009.....	195
Gonzo historian By Anna Arutunyan. <i>Moscow News, March 21, 2011</i>	209
Rethinking Russia: A Conversation with Russia Scholar Stephen F. Cohen By Dan Kovalik. <i>Published online on the (now closed) HuffPost Contributor Platform July 7, 2015, updated July 7, 2016</i>	215

Stephen Cohen's speech at the debate at the Carnegie Council for Ethic in International Affairs, «Beyond a New Cold War? International Security and the Need for U.S. – Russia Cooperation» (with Stephen F. Cohen, Jack F. Matlock, John Pepper, William vanden Heuvel, David C. Speedie). <i>February 17, 2016</i>	222
From Stephen Cohen's Interview to Tucker Carlson on Trump–Putin Meeting. <i>July 8, 2017</i>	232
Stephen Cohen's handwritten notes on his book <i>War with Russia? [2017–2018]</i>	235

IV. FATE AND MEMORY

Who are you, Dr. Cohen? Pyotr Cheryomushkin. <i>Moskovsky Komsomolets, July 27, 1988</i>	254
Owensboro Hall of Fame, 1997	256
A draft first page of unwritten memoirs. <i>July 1998</i>	258
Stephen Cohen's 75th birthday Congratulating e-mail letter from William vanden Heuvel. <i>November 25, 2013</i>	260
Stephen Cohen's speech on his 75th birthday party at <i>Novaia Gazeta</i> . <i>December 4, 2013</i>	262
Ode to the 75th Anniversary of Stephen Cohen, Esq. By Oleg Khlebnikov	270
2019 Doshi Family Bridgebuilder Award.....	270
Memorial Resolution Princeton University, December 6, 2021.....	271

V. EPILOGUE

From Stephen Cohen's interview for Harriman Institute's Oral History Project. <i>Caitlin Bertin-Mahieux April 5, 2017</i>	279
---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Ненаписанные воспоминания Стивена Коэна	
Предисловие.....	10

I. О ПОЛИТИЧЕСКОЙ БИОГРАФИИ Н.И. БУХАРИНА, ИСТОРИИ РОССИИ И МЕТОДАХ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Перемены в Советском Союзе сделали возможной публикацию «Биографии Бухарина» Стивена Коэна Норимицу Ониси. <i>The Daily Princetonian</i> , Принстон, 10 октября 1988 года.....	21
--	----

Письмо Стивена Коэна Валерию Писигину, основателю Политклуба им. Н.И. Бухарина. 29 июля 1988 года.....	27
--	----

Письмо Стивена Коэна Валерию Писигину. 25 сентября 1988 года.....	33
---	----

Приглашение Стивену Коэну и Катрине ванден Хювел на третью бухаринскую конференцию, организованную Политклубом имени Н.И. Бухарина в Набережных Челнах. 8 декабря 1988 года.....	36
--	----

Письмо Стивена Коэна Валерию Писигину. 16 декабря 1988 года.....	40
--	----

Телеграмма Стивена Коэна и Катрины ванден Хювел в Набережные Челны Валерию Писигину и Политклубу имени Бухарина. 9 октября 1989 года.....	43
---	----

Письмо Стивена Коэна Роберту Конквесту, британо-американскому историку и поэту. 28 июля 1997 года.....	45
--	----

Письмо Роберта Конквеста Стивену Коэну. 29 июля 1997 года.....	48
--	----

Письмо Георгия Дерлугьяна, российско-американского социолога и историка, Стивену Коэну. 22 ноября 2004 года.....	51
--	----

Вступительное слово Стивена Коэна на мемориальной службе в память профессора Роберта Такера. <i>Принстон, 1 октября 2010 года</i>	58
Из письма Стивена Коэна Никите Петрову, научному сотруднику архива общества «Мемориал». <i>13 февраля 2012 года</i>	66
Из письма Стивена Коэна Жанне Артамоновой, научному сотруднику Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ). <i>12 апреля 2012 года</i>	70
Питер Реддауэй, Стивен Коэн Орландо Файджес и сталинские жертвы. <i>The Nation, 22 мая 2012 года</i>	75
Из письма Стивена Коэна Жанне Артамоновой. <i>5 октября 2012 г.</i>	81
Из письма Стивена Коэна Ольге Максаковой, жене Юрия Ларина, сына Н.И. Бухарина и А.М. Лариной. <i>11 ноября 2012 года</i>	84
Из письма Стивена Коэна Юрию Ларину (через Ольгу Максакову). <i>28 декабря 2012 года</i>	87
Из письма Стивена Коэна Жанне Артамоновой. <i>20 января 2013 года</i>	90
Из письма Стивена Коэна Никите Петрову и Жанне Артамоновой. <i>9 февраля 2013 года</i>	94
Выступление Стивена Коэна в качестве дискуссанта на одной из панелей ежегодного съезда Ассоциации славянских, восточноевропейских и евразийских исследований (ASEEES). <i>Бостон, 22 ноября 2013 года</i>	100
Из письма Стивена Коэна Надежде Фадеевой, дочери А.М. Лариной. <i>15 августа 2015 года</i>	105
Письмо Людмилы Кошелевой, научного сотрудника РГАСПИ, Стивену Коэну. <i>12 июня 2017 года</i>	106
Новая поэма Евтушенко славит жертву Сталина. Дэвид К. Шиплер. <i>The New York Times,</i> <i>19 января 1988 года</i>	121

II. ПРОФЕССОР, НАСТАВНИК, ЛЕКТОР

- Он был лучшим. *Pine Crest Today*,
Январь/февраль 1969 года 130
- Отзыв Стивена Коэна на работу студента Дуга Уэйнера
«Безработица и крестьянский “отход” в годы НЭПа».
Принстонский университет, факультет политики.
3 декабря 1975 года 135
- Студенты выбрали «Советскую политику»
лучшим курсом осеннего семестра. *Марк Часс*.
The Daily Princetonian, декабрь 1982 года 140
- Ученый и шоумен. *Сисси Данфорт*. *Princeton*
Alumni Weekly, 22 мая 1985 года 142
- Коэн использует советский юмор, чтобы учить
и развлекать. *Скотт Ангстрейг*. *Princeton Weekly*
Bulletin, 30 апреля 1990 года 144
- Отзывы о встрече студентов Российского
государственного торгово-экономического
университета со Стивеном Коэном и Катриной
ванден Хювел. 8 марта 2004 года 146

III. ОБ АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ В ОТНОШЕНИИ РОССИИ И РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

- Горбачев Великий. *Стивен Ф. Коэн*.
The New York Times, 11 марта 1991 года 159
- Выступление Стивена Коэна перед Комитетом
по ассигнованиям Сената США. 24 января 1994 года 170
- Помочь России. Российская политика Клинтона
провалилась. Нужна новая. *Стивен Коэн, Катрина*
ванден Хювел. *Независимая газета*, 26 января 1999 года 182
- Ответ Стивена Коэна на критику его книги
«Провал крестового похода: Америка и трагедия
посткоммунистической России».
The Chronicle, 12 января 2001 года 189

Письмо Стивена Коэна и Катрины ванден Хювел Сергею Начарову («Известия») по поводу выбора их «героями» 2007 года по версии «Известий». 9 декабря 2007 года	193
Из записок Коэна к встречам с читателями по поводу его книги <i>Soviet Fates and Lost Alternatives</i> («Советские судьбы утраченные альтернативы») в 2009 году	202
Гонзо-историк. Анна Арутюнян. <i>Moscow News</i> , 21 марта 2011 года	212
Переосмысливая Россию: Разговор со специалистом по России Стивеном Ф. Коэном. Дэн Ковалик. Опубликовано на онлайн-ресурсе <i>HuffPost Contributor Platform</i> (ныне закрытом) 7 июля 2015 года, отредактировано 7 июля 2016 года	218
Речь Стивена Коэна на дискуссии в Совете Карнеги по этике в международных делах «Пережить новую холодную войну? Международная безопасность и необходимость американо-российского сотрудничества» (с участием Стивена Коэна, Джека Мэтлока, Джона Пеппера, Уильяма ванден Хювела, Дэвида Спида). 17 февраля 2016 года	227
Из интервью Стивена Коэна Такеру Карлсону по поводу встречи Трамп–Путин 8 июля 2017 года	233
Рукописные заметки Стивена Коэна к книге «Война с Россией?» [2017–2018]	241

IV. СУДЬБА И ПАМЯТЬ

Кто вы, доктор Коэн? Петр Черёмушкин. Московский комсомолец, 27 июля 1988 года	251
Зал славы Оуэнсборо, 1997 год	258
Первая страница не написанных воспоминаний. Июль 1998 года	259
75-летие Стивена Коэна Поздравление от Уильяма ванден Хювела. 25 ноября 2013 года	261

Речь Стивена Коэна на праздновании его 75-летия в редакции «Новой газеты». 4 декабря 2013 года.....	265
Юбилейная ода «В ознаменование 75-летия Стивена Коэна, эсквайра» Олег Хлебников	269
Премия Доши за 2019 год присуждена Стивену Коэну и Катрине ванден Хювел.....	271
Мемориальная резолюция Принстонского университета. 6 декабря 2021 года.....	274

V. ЭПИЛОГ

Из интервью Стивена Коэна для проекта устной истории Института Гарримана (бывший Русский институт) Колумбийского университета, Нью-Йорк. Кэйтлин Бертен-Майо. 5 апреля 2017 г.	327
---	-----

ИЗДАНИЯ АИРО

В 2022–2023 гг.

2022

Перед лицом своих товарищей...: сборник / Сост. и ред.: Т.В. Трухачева, А.Г. Кирпичник. – М.: АИРО-XXI, 2021. – 296 с.; Электронное иллюстрированное издание. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 510 с.

Апальков Д.И. Внутрипартийная борьба в ВКП(б): от «коллективного руководства» к сталинской диктатуре. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 192 с. – (Серия «АИРО – первая монография» / под ред. Г.А. Бордюгова).

Коэн, Стивен. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? / Третье издание. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 192 с.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 1. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI; ИП Секачев В.Ю., 2022. – 544 с.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 2. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI; ИП Секачев В.Ю., 2022. – 560 с.

Терентьев М.А. История завоевания Средней Азии. В трех томах. Том 3. Вступит. статья, справки и комментарии, именной и географ. указатели – Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров, Б.В. Соколов. – М.: АИРО-XXI; ИП Секачев В.Ю., 2022. – 560 с.

Ажгихина Надежда. Сны. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 222 с.

Бордюгов Г.А. СССР в пространстве памяти, идеологии и национальных историях. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 384 с.

Старикова, Светлана. Мне хочется мечтать. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 200 с.: ил.

- Ложкин, Анатолий.* От вятских увалов до столицы России. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 364 с. – (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Выжutowич В.В.* Ни слова о болезни: Беседы с доктором Бузиашвили. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 144 с.
- Крюков, Федор.* Накануне. В глубине. Повести, рассказы и очерки 1910–1914 гг. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 416 с.
- Крюков, Федор.* На Германской войне. На фронте и в тылу. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 336 с.
- Крюков, Федор.* На Дону. В родных местах. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 384 с.
- Клименко А.Ю.* Историко-архивный: Из воспоминаний выпускников и преподавателей ИАИ. 1940–1990-е годы. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 336 с.: ил.
- Проблемы новой и новейшей истории России: сборник / сост. В.Я. Гросул. М.: АИРО-XXI, 2022. – 328 с.
- Духовно-нравственное становление человека: беседы с преподавателями и студентами / Под общей ред. Е.П. Белозерцева, Г.В. Заридзе. – М.: АИРО-XXI, 2022. – 504 с.

2023

- Коэн Стивен.* Война с Россией? – М.: «Пробел 2000», 2023. – 268 с.
- Тартаковский А.Б.* Семейный архив / Предисловие С. Смирнова. – М.: «Пробел-2000», 2023. – 252 с. – (Серия «АИРО – первая публикация»).
- Лаврентьева М.Ю.* Слово против слова: информационно-психологические войны. XX век. – М.: Пробел-2000; АИРО-XXI, 2023. – 288 с. – (Серия «АИРОАИРО-XXI – первая монография» / под ред. Г.А. Бордюгова).
- Щербина С.П.* Мемология российской истории XX века. Рождение и эволюция исторических образов. – М.: АИРО-XXI, 2023. – 552 с.
- СССР-100: реконструкция истории и юбилея. Под ред. Г.А. Бордюгова. – М.: АИРО-XXI, 2023. – 592 с.

С этими и другими изданиями
вы можете подробнее ознакомиться
на нашем сайте
www.aigo-xxi.ru

RUSSIAN FATE
A memoir
that I'll never
write.
From the archives
of Stephen F. Cohen

РУССКАЯ СУДЬБА
Воспоминания,
которые я никогда
не напишу.
Из архива
Стивена Коэна

Creative Designer
Sergey Scherbina

Дизайн и верстка
Сергей Щербина

www.airo-xxi.ru
E-mail: airo@airo-xxi.ru

Подписано в печать с оригинал-макета 30.10.2023

Формат 60×90/16. Усл. изд. л. 24.25

Тираж 500 экз.

Отпечатано в типографии издательства «ПРОБЕЛ-2000»

Адрес: 109544, г. Москва, ул. Рабочая, д. 91, стр. 4

Тел.: (495) 287-06-19; e-mail: probel-2000@mail.ru